

RESPUBLICA
LITERARIA

№2 2026

Respublica Literaria

2026. Т. 7. № 2

Учредитель:

Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук

Founder:

Institute of Philosophy and Law of the
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Редакция:

Главный редактор – Абрамова М. А.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Заместитель главного редактора – Хлебалин А. В.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Секретарь – Персидская О. А.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)

Редакционный совет:

Вольф М. Н. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Аязбекова С. Ш. (МГУ, Нур-Султан, Казахстан)
Иванов А. Ф. (СПбГЭТУ, СПб, Россия)
Кефели И. Ф. (СЗИУ РАНХиГС, СПб, Россия)
Константиновский Д. Л. (ИС РАН, Москва, Россия)
Лазаревич А. А. (ИФ НАН, Минск,
Республика Беларусь)
Толстых В. Л. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Целищев В. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Шаронова С. А. (РУДН, Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

Аблажей А. М. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Алмакаева А. М. (НИУ ВШЭ, Москва, Россия)
Арутюнова Е. М. (ФНИЦС РАН, Москва, Россия)
Афонасин Е. В. (БФУ им. И.Канта, Калининград, Россия)
Борисов Е. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Григоричев К. В. (ИГУ, Иркутск, Россия)
Зыков С. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Изгарская А. А. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Костина Е. Ю. (ДВФУ, Владивосток, Россия)
Костюк В. Г. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Лбова Е. М. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Маклашова Е. Г. (ИГИИПМНС СО РАН,
Якутск, Россия)
Петров В. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Попков Ю. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Санжениаков А. А. (ИФПР СО РАН,
Новосибирск, Россия)
Солодова Г. С. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Сторожук А.Ю. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Ярулин И. Ф. (ТОГУ, Хабаровск, Россия)
Ячин С. Е. (ДВФУ, Владивосток, Россия)
Campbell С. (Техасский университет в Остине, США)
David C. Lewis (Yunnan University, China;
University of Cambridge, England)
Farnika M. (Университет Зелена Гура,
Зелена Гура, Польша)
Liberska H. (Университет г. Быдгощ им. Казимира
Великого, Быдгощ, Польша)
Гун Нань (Хэйлунцзянский университет, КНР)

Editorial council:

Chief editor – M. A. Abramova
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Vice chief editor – A. V. Khlebalin
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Secretary – Persidskaya O. A.
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)

Editorial Board:

Volf M. N. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Ayazbekova S. Sh. (MSU, Nur-Sultan, Kazakhstan)
Ivanov A. F. (SPbSETU, St. Petersburg, Russia)
Kefeli I. F. (NWIM RANEPa, St. Petersburg, Russia)
Konstantinovskiy D. L. (IS RAS, Moscow, Russia)
Lazarevich A. A. (IP NAS, Minsk, Republic of Belarus)
Tolstykh V. L. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Tselishchev V. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Sharonova S. A. (Peoples' Friendship University
of Russia, Moscow, Russia)

Editorial Board:

Abblazhey A. M. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Almakaeva A. M. (HSE University, Moscow)
Arutyunova E. M. (Institute of Sociology
of FCTAS RAS, Moscow, Russia)
Afonasin E. V. (IKBFU, Kaliningrad, Russia)
Borisov E. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Grigorichev K. V. (ISU, Irkutsk, Russia)
Zykov S. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Izgarskaya A. A. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Kostina E. Yu. (FEFU, Vladivostok, Russia)
Kostyuk V. G. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Lbova E. M. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Maklashova E. G. (IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russia)
Petrov V. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Popkov Yu. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Sanzhenakov A. A. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Solodova G. S. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Storozhuk A. Yu. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Yarulin I. F. (Pacific National University,
Khabarovsk, Russia)
Yachin S. E. (FEFU, Vladivostok, Russia)
Campbell K. (University of Texas at Austin, USA)
David C. Lewis (Yunnan University, China;
University of Cambridge, England)
Farnika M. (Zielona góra University,
Zielona góra, Poland)
Liberska H. (University of Bydgoszcz,
Casimir The Great, Bydgoszcz, Poland)
Gun Nan (Heilongjiang University, China)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

- Аникина А. Б., Дьяченко А. С.** Обоснование достоверности исторического познания в концепции когнитивной истории О.М. Медушевской 5
- Борисов Е. В.** Кондициональная логика с λ -оператором..... 22
- Бровкин В. В.** Политическая мысль Анаксагора..... 30
- Габов А. Н.** Возможна ли реконструкция эпистемы раннего пифагореизма?..... 44

СОЦИОЛОГИЯ

- Аблажей А. М.** Феномен гражданской науки в современном науковедении..... 55
- Мамедов А. К.** Мужчины в современном городском пространстве: сужение горизонта ожиданий..... 66
- Шелгинская В. А.** Герменевтический аспект эмпирических исследований социокультурных мероприятий..... 76

ПРАВО

- Зыков С. В.** Цивилизационное измерение отечественного гражданского права... 91

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Лбова Е. М., Зайкова А. С.** Миссия совета молодых ученых: история и современность (на примере СМ СО РАН) 101
- Морозов К. Е.** Насколько минимально минимальное государство? 110
- Моторов Д. А.** Аксиологический разрыв модерна: Иван Ильич об экономических и вернакулярных ценностях после Нового времени..... 123
- Толстых В. Л.** Образ женщины в буддизме: канон и его современное толкование..... 135

РЕЦЕНЗИИ

- Бороноев А. О., Скворцов Н. Г.** Исследование идей и практик общественного договора в российском обществе (*Размышляя над книгой Ж. Т. Тощенко «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации»*. М.: ФНИСЦ РАН, 2025. 884 с.) 156

CONTENTS

PHILOSOPHY

Anikina A. B., Dyachenko A. S. The Reliability of Historical Knowledge in the Concept of Cognitive History by O. M. Medushevskaya	5
Borisov E. V. A conditional logic with λ -operator	22
Brovkin V. V. The Political Thought of Anaxagoras.....	30
Gabov A. N. Is it Possible to Reconstruct the Episteme of Early Pythagoreanism?.....	44

SOCIOLOGY

Ablazhey A. M. The Phenomenon of Citizen Science in Contemporary Science Studies.....	55
Mamedov A. K. Men in the Modern Urban Space: Narrowing the Horizon of Expectations.....	66
Shelginskaya V. A. Hermeneutic Aspect of Socio-cultural Events Empirical Research.....	76

LAW

Zykov S. V. The Civilizational Dimension of Domestic Civil Law.....	91
--	----

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Lbova E. M., Zaykova A. S. Mission of the Young Scientists' Council: History and Modernity (case study of CYS of the SB RAS)	101
Morozov K. E. How Minimal is the Minimal State?	110
Motorov D. A. Modern's Axiological Break: Ivan Illich about Economical and Vernacular Values after Modern Era.....	123
Tolstykh V. L. The Image of Women in Buddhism: The Canon and Its Contemporary Interpretation.....	135

REVIEW

Boronoev A. O., Skvortsov N. G. A Study of the Ideas and Practices of the Social Contract in Russian Society (<i>Reflections on Zh. T. Toshchenko's Book "The Fates of the Social Contract in Russia: Evolution of Ideas and Lessons From Implementation"</i> . Moscow: FCTAS RAS, 2025. 884 p)	156
---	-----

ФИЛОСОФИЯ

УДК 167.7 + 930.1

ОБОСНОВАНИЕ ДОСТОВЕРНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ В КОНЦЕПЦИИ КОГНИТИВНОЙ ИСТОРИИ О. М. МЕДУШЕВСКОЙ*

А. А. Аникина, А. С. Дьяченко

Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск)
lieda27@gmail.com; alekseydyachenko13@gmail.com

Аннотация. Цель статьи состоит в экспликации философских оснований концепции когнитивной истории О. М. Медушевской. Полагая поставленную Медушевской проблему обоснования истории как точного гуманитарного знания чрезвычайно важной, авторы статьи ставят задачу критически рассмотреть предложенную для ее решения концепцию. С этой целью анализируются основополагающие понятия когнитивной истории: интеллектуальный продукт, информационный ресурс и информационный магнетизм, сопоставляются опосредованный и непосредственный информационный обмен. В результате выявляются проблемные места концепции когнитивной истории, необоснованность понятия «информационный магнетизм» и сложность определения непосредственного информационного обмена. Авторы предлагают идеи, каким образом можно развить подход Медушевской с учетом полученных в последние десятилетия новых научных данных и концепций.

Ключевые слова: О. М. Медушевская, теория исторического знания, когнитивная история, интеллектуальный продукт, информационный магнетизм, информационный обмен, вещь.

Для цитирования: Аникина, А. А., Дьяченко, А. С. (2026). Обоснование достоверности исторического познания в концепции когнитивной истории О. М. Медушевской. *Respublica Literaria*. Т. 7. № 2. С. 5-21. DOI: 10.47850/RL.2026.7.2.5-21.

THE RELIABILITY OF HISTORICAL KNOWLEDGE IN THE CONCEPT OF COGNITIVE HISTORY BY O.M. MEDUSHEVSKAYA*

A. A. Anikina, A. S. Dyachenko

Novosibirsk State University (Novosibirsk)
lieda27@gmail.com; alekseydyachenko13@gmail.com

Abstract. The aim of the article is to explicate the philosophical foundations of O. M. Medushevskaya's concept of cognitive history. Authors of the article consider the problem posed by Medushevskaya regarding the justification of history as an exact humanitarian science to be extremely important. So for authors set out to critically examine the proposed concept for its resolution. For this aim, to be analyzed the fundamental concepts of cognitive history: intellectual product, information resource, and information magnetism, and compare mediated and direct information

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-01698 «История в контексте когнитивных наук».

* This work has been supported by the grants the Russian Science Foundation, RSF 24-28-01698 «History in the context of cognitive studies».

exchange. As a result, problematic areas of the cognitive history concept are identified, including the unfounded nature of the term “information magnetism” and the complexity of defining direct information exchange. The authors propose ideas on how to further develop Medushevskaya’s approach in light of new scientific data and concepts that have emerged in recent decades.

Keywords: O. M. Medushevskaya, theory of historical knowledge, cognitive history, intellectual product, informational magnetism, information exchange, thing.

For citation: Anikina, A. B., Dyachenko, A. S. (2026). The Reliability of Historical Knowledge in the Concept of Cognitive History by O. M. Medushevskaya. *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 2. Pp. 5-21. DOI: 10.47850/RL.2026.7.2.5-21.

Проблема научности исторического знания

В связи с растущей значимостью обращения к прошлому теоретические проблемы обоснованности исторического знания не теряют своей актуальности. В условиях постоянно меняющегося мира и развития собственно научного знания решение этих проблем требует все новых и новых подходов. Тем не менее, максимально обобщая, можно сказать, что основной разлом все еще проходит между модернистской и постмодернистской историческими парадигмами или, как его обозначает А. В. Лубский, дихотомией «история как строгая наука vs нарративная логика историописания» [Лубский, 2013].

Многие исследователи признают радикальную трансформацию современного гуманитарного знания в результате лингвистического поворота и постмодернистской критики. В историописании это привело к переосмыслению базовых установок, к проблематизации вопросов «об основаниях исторической дисциплины, о содержании исследовательского процесса, достоверности получаемого знания, способах его репрезентации и восприятия читателем» [Историки в поисках..., 2019, с. 19]. При этом многие историки остались в стороне от этих изменений, работая в русле прежних модернистских установок [Там же]. С одной стороны, подобный консерватизм делает сам академический институт исторической науки устойчивым к бесконечным «поворотам», которые размывают его основы. С другой стороны, неспособность содержательно ответить на вызовы современности приводит к снижению авторитета собственно научного исторического знания в обществе¹.

В этих обстоятельствах концепция когнитивной истории О. М. Медушевской выглядит примечательным исключением. Во-первых, она не просто историк, а историк-архивист, т. е. это тот редкий случай, когда рассуждающий о теории специалист глубоко понимает самую суть, *hardcore* ремесла историка. Во-вторых, она отстаивает принципиально сциентистскую позицию, будучи при этом хорошо знакома с современными ей течениями и идеями, вызванными к жизни лингвистическим поворотом, выстраивая свои размышления в диалоге с ними.

Представляется, что разработка концепции научной истории с учетом современных проблем должна иметь большое значение. Тем не менее, судьбу идей Медушевской пока нельзя назвать вполне успешной. С одной стороны, многие авторы отмечают

¹ При этом ввиду все тех же трансформаций в обществе сама потребность в обращении к прошлому существенно возросла.

фундаментальную значимость разработанной ею концепции когнитивной истории [Круглый стол по книге О. М. Медушевской ..., 2010]. В частности, А. Н. Медушевский пишет о теории когнитивной истории как о «наукоучении, способном стать полноценным ориентиром для всех гуманитарных дисциплин, а главное – обеспечить доказательные критерии проверки достоверности получаемого знания, превратив историю в строгую и точную науку» [Медушевский, 2010, с. 227]. Такую же высокую оценку дает и И. В. Сабенникова [Сабенникова, 2010, с. 306]. Оба автора, говоря о теории когнитивной истории О. М. Медушевской, убеждены в том, что речь идет о появлении новой метанаучной парадигмы, способной стать полноценным ориентиром для всех гуманитарных дисциплин и обеспечить доказательные критерии проверки достоверности получаемого знания, превратив историю в строгую и точную науку [Медушевский, 2010; Сабенникова, 2013].

Отмечена концепция когнитивной истории и в работе коллектива ИВИ РАН под руководством Л. П. Репиной, чрезвычайно много сделавшего для разработки теоретических вопросов исторической науки. В коллективной монографии «Историки в поисках новых перспектив» (2019) Л. П. Репина отмечала, что работа Медушевской «носит подлинно новаторский характер, в том числе на уровне трансдисциплинарном» [Историки в поисках ..., 2019, с. 47].

При этом наблюдается некоторое противоречие: хотя рядом исследователей концепция когнитивной истории оценивается как новая парадигма гуманитарного знания, широкого влияния на исследовательскую практику она не приобрела². Авторам удалось найти лишь две работы, рассматривающие теоретические положения концепции Медушевской в контексте практики исторических исследований. Обе эти работы отмечают, что в приложении теории к практике исследований становится очевидна определенная абсолютизация рациональной интеллектуальной деятельности как историка, так и людей, действующих в истории [Миронов, 2011; Юдин, 2015]. По мнению известного историка Б. Н. Миронова, «практическое приложение общей методологии когнитивных наук к исторической» осталось исследовательницей не проработанным [Миронов, 2011, с. 148]. Тем не менее он высоко оценивает работу О. М. Медушевской как «научный подвиг», поскольку ее теория, во-первых, предлагает новую парадигму в науке, открывающую перспективы формирования доказательного гуманитарного знания, а во-вторых, «книга создавалась в советское время, то есть на протяжении почти семидесяти лет ее жизни была страшной ересью, за которую до 1953 г. грозил и арест, и ссылка, а до 1985 г. – исторжение из научного сообщества» [Миронов, 2011, с. 147].

Можно сказать, что, несмотря на свою значимость для гуманитарного знания, когнитивно-информационная теория Медушевской не получила должного внимания, о чем пишет и М. Ф. Румянцева: «... применение концепции в качестве методологической основы исторического исследования разработано в еще меньшей степени... мало осознана необходимость инструментализации применения концепции» [Румянцева, 2022, с. 61]. Возникает вопрос: почему сложился такой разрыв?

На наш взгляд, кратко можно обозначить три причины. Одну из них можно условно назвать институциональной: и предмет, и методология исторических исследований стали настолько разнообразны, что отдельным исследователям (а порой и коллективам) стало

² Сказанное нельзя отнести к источниковедческой работе Медушевской, которая получила однозначное признание в профессиональной среде.

трудно охватить все без исключения. Например, в фундаментальных трудах И. М. Савельевой и А. В. Полетаева работы Медушевской не упоминаются вовсе. Кроме того, в среднем интерес историков-практиков к вопросам теории и методологической рефлексии невелик³ (несмотря на ряд уже упомянутых выдающихся исключений и не только). С другой стороны, для философов работы Ольги Михайловны остались в стороне, поскольку, вероятно, авторам не удалось найти в них серьезного философского анализа.

Другой причиной, возможно, стало то, что Медушевская двигалась как бы против течения, против научного мейнстрима. Стиль ее рассуждений был слишком модернистским, подходы – слишком сциентистскими, а, как отмечает З. А. Чеканцева, «сегодня можно говорить об ослаблении сциентизма, который доминировал еще в 90-е годы» [Историки в поисках ..., 2019, с. 18]. Можно было бы сказать, что публикация идей О. М. Медушевской, которые складывались и разрабатывались в течение предыдущих десятилетий, запоздала. Однако сегодня, по мнению авторов, внимание к концепциям, предлагающим общие основания для чрезмерного разнообразия научных подходов, повышается.

Нельзя не сказать и о третьей возможной причине неоднозначного восприятия концепции О. М. Медушевской, а именно о внутренних противоречиях, проявившихся при решении такой масштабной задачи, как поиск твердых оснований для истории как строгой науки. Тем не менее, авторы воспринимают эти противоречия как приглашение к дальнейшим размышлениям, к работе над развитием парадигмы, предложенной Ольгой Михайловной, чему и посвящена данная статья. Авторы ставят перед собой задачу эксплицировать философские основания концепции когнитивной истории и проанализировать основные ее понятия.

Во введении к работе «Теория и методология когнитивной истории» О. М. Медушевская ставит проблему – это *проблема человеческого мышления* как особого феномена проявления человека в мировом универсуме [Медушевская, 2017а, с. 65]. Проблема человеческого мышления является центральной проблемой как для философии, так и для науки, для решения которой требуется взаимодействие наук о природе, жизни и человеке [Там же, с. 66]. Если говорить о науках, поставивших себе целью исследование человеческого мышления, то необходимо отметить сразу, что все они по отдельности ограничены своей экспериментальной базой и берут в качестве объекта лишь одну из сторон человеческого мышления, что препятствует достаточно полной репрезентативности, пусть даже когнитивистика и представляет собой междисциплинарное пространство наук. Но как раз именно история, по мнению О. М. Медушевской, является исключением из этого правила [Там же].

История как когнитивная наука

О. М. Медушевская полагает, что история имеет объектом своего рассмотрения весь человеческий род в его единстве и развитии в ходе *исторического процесса*, который представляет собой следующее: «время и место реализации человеческого мышления и поведения как универсального явления» [Медушевская, 2017а, с. 67]. То есть историей

³ Как отмечает Л. Б. Сукина: «Традиция отечественной историографии не требует от историка обязательной философской рефлексии по поводу собственного исследовательского метода» [Сукина, 2013, с. 31].

охватывается все человечество как по временному интервалу – от его появления и до наших дней, – так и по географическому расположению, включая все местности проживания представителей человеческого рода. Таким образом, только историческая наука имеет объект исследования, который, по О. М. Медушевской, удовлетворяет всем требованиям строгости⁴ науки и может стать междисциплинарным объектом, доступным для изучения различными когнитивными дисциплинами.

Отмечая широко обсуждавшиеся в конце XX в. проблемы гуманитарного знания (внутренний мир человека ненаблюдаем и подвижен, изучение поведения человека не дает представления обо всех его существенных свойствах; эксперимент и наблюдение возможны только фрагментарно; а в целом как будто происходит исчезновение реального объекта изучения, поскольку прошлое недоступно непосредственному наблюдению), О. М. Медушевская, тем не менее, пытается рассматривать историю в ряду всех других наук. С ее точки зрения, кроме указанных проблем, сложность, с которой сталкиваются науки о человеке, в отличие от наук о природе и жизни, заключается в определении объекта: насколько реально существующие люди реализуют свойства объекта «человечество», который и должен являться объектом изучения истории?

О. М. Медушевская следующим образом интерпретирует условия, при которых история может рассматриваться как стандартная (т. е. соответствующая тем же критериям научного познания, что и естественные науки) наука: 1) она имеет стабильно существующий объект; 2) наука история должна опираться на данные такого объекта, который охватывал бы человечество в целом (исторический процесс); 3) *объект должен отвечать главному условию – выразить системообразующее свойство феномена человека* [Медушевская, 2017а, с. 68]. Однако ввиду указанных выше сложностей исследователь не видит возможности приведения истории к такому образцу средствами современной ей философии и научной методологии.

Тогда О. М. Медушевская идет другим путем. Знание об истории она делит на следующие типы: *констатирующее, процедурное и теоретико-методологическое*. Последнее и выступает в качестве цели ее работы. Теоретико-методологическое знание она определяет следующим образом: «*является общим, оно опирается на те аспекты картины мира, которые не меняются, существуют независимо от конкретных ситуаций, эпизодов или событий*» [Там же, с. 69]. С другой стороны, для О. М. Медушевской это «*знание пути, который зависит прежде всего от цели движения и который намечается при условии предварительного знания общей конфигурации осуществления этого пути, с одной стороны, и наличия общих представлений о возможностях познающего субъекта – с другой*» [Там же]. Уточним, что для автора такие слова, как «метод» и «путь», в данном контексте являются синонимами.

Выстраивается следующая логическая цепочка: процедурное знание (конкретная методология) позволяет устанавливать знание констатирующее (факты), но оно ограничено, когда в науке происходят существенные изменения. Например, когда накапливаются источники, для которых еще нет предусмотренных процедур изучения, или когда возникают новые исследовательские вопросы, под которые еще не найдены необходимые эмпирические

⁴ Отметим при этом, что О. М. Медушевская руководствуется критериями строгости естественных наук, сложившимися в середине XX в. С тех пор ряд противопоставлений был если не снят, то смягчен ввиду признания роли наблюдателя и в естественных науках тоже, развития модальных логик и других характеристик постнеклассической науки. Тем не менее, даже с учетом подобного сближения, вопрос об основаниях научности исторического знания не снят.

данные. Тогда дальнейший поиск идет с опорой на теоретико-методологическое знание. Недостаток такого знания заводит историческую науку в тупик, оставляя ее перед нерешенными вопросами. Соответственно, развивая этот тип знания, полагает О. М. Медушевская, можно преодолеть тот тупик, в котором оказалась история.

Развивать теоретико-методологическое знание исследователь предлагает в рамках феноменологической парадигмы, как она была разработана Гуссерлем применительно к науке и Лаппо-Данилевским применительно к истории. Она отталкивается от тезиса Лаппо-Данилевского о «признании чужой одушевленности», который трактует как утверждение о том, «что существует универсальная связь человека с человеком, определенная возможность их взаимного понимания: единство сознания и его узнаваемость» [Медушевская, 2017а, с. 245].

Для разработки теоретико-методологического знания необходимо опираться на те аспекты картины мира, которые существуют независимо от конкретных ситуаций и эпизодов. О. М. Медушевская полагает, что возможно обнаружить общие и неизменные параметры человеческой деятельности, которые должны определять движение исторического процесса в его единстве и целостности. Далее она постулирует идею, что «вопрос о деятельности и есть вопрос о мышлении» [Там же, с. 70]. Таким образом, в центре внимания исторической науки должна быть человеческая деятельность как проявление способов человеческого мышления и поведения. Именно так история оказывается в пространстве когнитивных наук.

Процесс человеческого мышления О. М. Медушевская считает центральной проблемой для современной науки [Там же, с. 65]; для его изучения формируется междисциплинарное пространство когнитивных наук. Как считает исследователь, интегрирующая роль среди когнитивных наук пока не принадлежит ни одной из них [Там же, с. 70], поскольку эмпирический материал каждой из этих наук ограничен своей областью изучения и не охватывает всего человечества в целом. Для О. М. Медушевской только историческая наука способна, с одной стороны, рассматривать процессы человеческого мышления в их фундаментальных параметрах, а с другой – проследить динамику развития на протяжении всего исторического процесса [Там же, с. 81]. Эти качества и делают историю ключевой для развития когнитивистики.

В то же время получение знания о человеке в истории зависит от наличия эмпирического объекта. Таким объектом изучения выступает *интеллектуальный продукт*, представляющий собой проявление человеческого мышления в материальном мире, произведенное посредством направленной человеческой деятельности [Там же]. Он-то как раз и позволяет исследовать феномен человеческого мышления. Как пишет О. М. Медушевская, исследовать проблемы познавательных методов исторической науки возможно именно в рамках феноменологической парадигмы, которая рассматривает феномен человека как творца интеллектуального продукта [Там же, с. 82].

Интеллектуальный продукт

Концепция когнитивной истории строится О. М. Медушевской вокруг понятия «интеллектуальный продукт». Далее рассмотрим это понятие более подробно. В представлении автора интеллектуальный продукт может быть произведен только

человеком в силу его отличий от других живых систем. Можно сказать, что именно способность производить интеллектуальный продукт и есть ключевое свойство человека, которое она определяет как «живую систему, имеющую дополнительные (по сравнению с тем, что имеют другие существа) возможности» [Медушевская, 2017а, с. 81].

Общим свойством всех *живых систем* является наличие *информационного обмена*, но, как полагает О. М. Медушевская, у человека он может осуществляться по *особой схеме* [Там же, с. 84]. Информационный обмен как у человека, так и у других живых систем преобразовывает воздействия внешней среды в идеи и представления, чем и обуславливает поведение системы. Но человек добивается качественно нового типа преобразований и придает стабильную форму сохраненной информации в виде целенаправленно созданного материального объекта (интеллектуального продукта) [Там же]. Вот тут-то и проявляется *характерная особенность информационного обмена человека*, состоящая в том, что человек имеет возможность использовать в качестве дополнительного информационного ресурса не только свою память, но и информацию в ее материальном виде⁵.

Теперь рассмотрим более подробно сам процесс использования интеллектуального продукта в качестве дополнительного информационного ресурса. В последующем рассуждении понятия «вещь» и «интеллектуальный продукт» будут применяться как синонимы, вслед за О. М. Медушевской: «Будем называть вещи (далее) интеллектуальными продуктами» [Там же, с. 87].

В свою очередь, важным качеством более высокоорганизованных живых систем является и более сложно организованная *память*, определяемая как способность удерживать личный опыт, представляющий собой ощущения и представления об окружающей среде, в зафиксированном состоянии определенное время, что позволяет вновь его применять [Там же, с. 89]. По сути, память расширяет диапазон информационного обмена, что дает возможность наблюдать окружающий мир в его динамике. В то же время память имеет для живых систем свои ограничения, что заставляет эти системы в процессе естественного отбора вырабатывать различные способы преодоления этих ограничений. К примеру, подражание и научение представляют собой выработки модели рационального поведения, которая будет не только результатом личного опыта, но и восприятием чужой модели [Там же, с. 90].

Отметим несколько важных свойств интеллектуального продукта. Во-первых, создание интеллектуального продукта с целью его практического использования является результатом реализации индивида как социальной единицы. Безусловно, О. М. Медушевская рассматривает человека как существо не только биологическое, но и социальное: основные способности человека, такие как прямохождение, речь и определенные нормы разумности, позволяющие ему создавать интеллектуальные продукты, имеют генетическую основу, а их развитие происходит только в социальном окружении [Там же, с. 92].

Во-вторых, интеллектуальный продукт создается посредством деятельности. О. М. Медушевская определяет *деятельность* следующим образом: «специфически человеческий тип поведения, творческого поведения, в котором реализуются как когнитивные способности природного интеллекта индивида, так и способность создавать

⁵ В соответствии с современными представлениями о коммуникациях и сознании у животных такое жесткое противопоставление человека и других животных не является обоснованным. Но, по мнению авторов статьи, это не подрывает концепцию О. М. Медушевской: хотя животные тоже способны производить феномены, которые могут быть рассмотрены как интеллектуальный продукт, очевидно, что его свойства (в первую очередь сложность) у человека и животных существенно различаются.

интеллектуальный реализованный (материальный, технический по сути) продукт» [Медушевская, 2017а, с. 95]. Для О. М. Медушевской структурообразующим фактором здесь является творчество, которое и позволяет преобразовывать исходные материалы в интеллектуальные продукты [Там же, с. 98]. В процессе целенаправленной деятельности в саму структуру вещи закладывается информационный ресурс: замысел создателя (целеполагание), обстоятельства и информационное поле, в котором находился создатель. Сама же способность к такой деятельности является результатом реализации индивида как социальной единицы.

В первую очередь интеллектуальный продукт представляет собой материальную вещь, созданную человеком в процессе деятельности, то есть творческого поведения, имеющего определенную цель. Посредством человеческой деятельности в вещи фиксируется информационный ресурс, представляющий собой определенный объем информации, включающий в себя отражение как целеполагания его создателя, так и информационного пространства, в котором он находился. Фиксация информационного ресурса в интеллектуальном продукте всегда имеет определенную структуру, обусловленную структурой самой деятельности: «Наблюдая изделие, мы можем судить о цели, для достижения которой оно было создано. И, в свою очередь, мы можем логически вывести взаимосвязь этой цели с определенным видом деятельности, а затем, развивая ту же логику, представить себе параметры и конфигурацию той эпохи, в которой такая деятельность могла совершаться и приносить конкретные результаты» [Там же, с. 177]. Именно это позволяет извлекать зафиксированный в вещи информационный ресурс, поскольку, в представлении О. М. Медушевской, способность понимать язык вещей есть общечеловеческая универсалия [Там же, с. 121].

Есть риск интерпретировать данную установку слишком упрощенно, как будто определенной цели соответствует один способ ее достижения. Очевидно, что исследователь понимала деятельность во всей ее сложности и многокомпонентности, как сочетание ресурсов, доступных технологий, приоритетов, диктуемых уровнем развития общества, и прочих факторов. Именно способность интуитивно понимать структуру деятельности лежит в основе способности извлекать зафиксированный в вещи информационный ресурс.

Важно здесь то, что человек может не только зафиксировать информационный ресурс в виде интеллектуального продукта, но и раскодировать информацию, содержащуюся в нем, совершая тем самым *опосредованный* информационный обмен. Это и есть та особенность схемы информационного обмена, которая составляет системообразующее свойство феномена человека. Интеллектуальный продукт представляет собой материальную фиксацию информационного ресурса, т. е. существующий стабильно и доступный для повторного обращения объект. Соответственно, он может быть раскодирован другими людьми, помимо его создателя. Таким образом, интеллектуальный продукт является эмпирическим объектом, выполняющим условия для признания истории наукой в строгом смысле слова.

Опосредованный информационный обмен

Обратимся к понятию опосредованного информационного обмена, способность к которому, по мнению О. М. Медушевской, является человеческой универсалией. Это понятие, наряду с понятиями «интеллектуальный продукт», «деятельность»

и «информационный магнетизм», является основополагающим для ее концепции когнитивной истории. Однако при этом оно выглядит теоретически слабо проработанным и весьма уязвимым для критики, особенно в контексте современных когнитивных наук.

Информационный обмен автор понимает вполне в духе современной теории информации как способность любой системы взаимодействовать с окружающей ее средой, преобразовывая внешние воздействия в изменение своего поведения. При этом она разделяет непосредственный и опосредованный информационный обмен. Все имеющиеся в природе системы, в представлении О. М. Медушевской, осуществляют только непосредственный обмен живой информацией в акте коммуникации. И лишь человек способен к опосредованному обмену, который представляет собой обращение к некогда созданному кем-то информационному продукту, восприятие заключенной в нем информации без участия в акте коммуникации. «Человек – это живая система, обладающая уникальным свойством осуществлять опосредованный информационный обмен через целенаправленно создаваемые им интеллектуальные продукты» [Медушевская, 2017а, с. 91]. Различие живой информации и информации сохраненной для О. М. Медушевской является весьма существенным, поскольку именно данная способность становится системообразующей для понимания феномена индивида и социума [Там же, с. 85]. Но сегодня предложенное разделение не выглядит обоснованным.

Непосредственный обмен, по мнению О. М. Медушевской, может быть вербальным и невербальным; в свою очередь, предполагается, что опосредованный обмен может быть только невербальным, хотя она прямо на это не указывает. Но если мы устную речь зафиксируем в каком-либо виде, то это приведет к созданию интеллектуального продукта, каковой является условием опосредованного обмена. В то же время, теперь люди имеют возможность обмениваться записанными голосовыми сообщениями, что в концепции исследователя есть создание интеллектуального продукта, однако очевидно, что этот продукт как раз имеет целью сделать ситуацию общения как можно более непосредственной (и действительно делает).

Впрочем, возможно, не стоит абсолютизировать противопоставление опосредованного и непосредственного интеллектуального общения. Сама О.М. Медушевская отмечает (правда, несколько вскользь): «Каждая из этих двух познавательных ситуаций информационного обмена может и должна рассматриваться специально. ... Это отнюдь не означает, что их возможно рассматривать по отдельности» [Там же, с. 117]. В таком случае обоснованно будет предположить, что ситуация непосредственного интеллектуального обмена может рассматриваться как элемент или стадия опосредованного обмена. Например, О. М. Медушевская опирается на различие между «живой» информацией и фиксированной. В процессе непосредственного обмена «возникает подвижная, живая информация» [Там же, с. 116]. Но при этом изреченные слова тоже в некотором роде зафиксированы: доносящие их звуковые волны имеют строго определенную конфигурацию, услышавший их свидетель может их дословно повторить, они могут быть зафиксированы в его памяти.

Особенность схемы информационного обмена человека состоит, во-первых, во включении в нее интеллектуального продукта и, во-вторых, в раскодировании информационного ресурса, находящегося в интеллектуальном продукте. О. М. Медушевская объясняет способность к опосредованному информационному обмену врожденными свойствами, проводя аналогию с концепцией Н. Хомски о врожденной способности говорить. Другим обоснованием она считает некое, видимо, вполне биологическое или

физическое свойство информационного магнетизма. Таким образом, разграничение двух видов информационного обмена базируется на различии обстоятельств коммуникации, а понимание сути различий выносится в область биологии или когнитивных наук.

Сегодня мы довольно хорошо себе представляем, как происходит процесс восприятия информации, и с точки зрения нейронаук нет разницы между опосредованным и непосредственным информационным обменом, так как мозг и в том, и в другом случае имеет дело лишь с электрическими импульсами⁶. В некотором смысле любой информационный обмен может быть рассмотрен как опосредованный, поскольку представляет собой сначала фиксацию некоторого физического воздействия на органы чувств, а потом включаются процессы интерпретации: что из этого множества сигналов будет воспринято, а что отфильтровано, и как именно они будут осмыслены. Таким образом, в рамках методологии когнитивной истории любой информационный обмен следует рассматривать как опосредованный.

Возможно, разграничение между непосредственным и опосредованным обменом можно опустить как не имеющее большого значения для концепции когнитивной истории. Безусловно, с точки зрения когнитивных процессов есть большая разница, как именно мы воспринимаем информацию, но для целей обоснования возможности когнитивной истории важно, что информация в принципе имеет носитель. В таком случае ключевым различием, снимающим указанные противоречия, будет вопрос о том, зафиксирована ли информация на каком-либо носителе, внешнем по отношению к человеческому мозгу, поскольку именно возможность повторного обращения к ней другого субъекта является необходимым условием для информационного обмена. Как представляется, такое разделение более операционально для целей, поставленных О. М. Медушевской, чем полное спорных нюансов разграничение непосредственного и опосредованного информационного обмена.

Проблема языка в концепции О. М. Медушевской

Если же мы попробуем понять, как именно это различие работает применительно к деятельности человека (ведь способность к опосредованному обмену – это системообразующее свойство человека), то опять натолкнемся на проблематичность вводимого О. М. Медушевской разграничения непосредственного и опосредованного информационного обмена. Допустим, в представлении исследователя, разговор двух людей или даже обмен взглядами – это непосредственный информационный обмен, а обмен письмами – опосредованный. Но с точки зрения содержания информации они могут сообщать совершенно одно и то же и оказывать одинаковое влияние на поведение человека.

Посмотрим на еще один пример и попробуем разобраться, к какому типу информационного обмена с точки зрения О. М. Медушевской относится чтение книги? Поскольку непосредственный информационный обмен представляет собой обмен информационным ресурсом лицом к лицу, а опосредованный проходит через материальные

⁶ На полях еще заметим, что тут нет разницы не только между человеком и животным, но и между живыми и неживыми системами. Так, например, Умберто Эко в качестве минимальной ситуации коммуникации рассматривает обмен сигналами между двумя механизмами (датчиком уровня воды и регулирующим устройством). Кроме того, сегодня мы имеем множество примеров коммуникации между электронными устройствами и общения человека с ботами и искусственным интеллектом.

вещи, то очевидно, что чтение книги относится ко второму типу. Информация в письменном виде есть «прежде всего и всегда некоторое изделие, которое создано в соответствии с определенным замыслом» [Медушевская, 2017а, с. 133]. Как постоянно подчеркивает О. М. Медушевская, интеллектуальный продукт – это обязательно вещь. В таком случае, если строго следовать представлениям автора, при опосредованном информационном обмене человек получит один и тот же по своему объему информационный ресурс из одной книги, которая написана на понятном ему языке, и из другой книги, которая написана на непонятном ему языке. Если мы в качестве информационного ресурса рассматриваем книгу исключительно как вещь, то для нас предметом анализа будут ее обложка и страницы, материал, из которого они сделаны, цвет, размер, вес и так далее. Текст можно отнести к источникам информационного ресурса, но только лишь как внешнее оформление книги. Парадоксальным образом, смысл, который несет в себе напечатанный текст, не включается в анализ описываемого О. М. Медушевской процесса информационного обмена.

На этом примере проявляется одна из важных особенностей разработанной концепции. Свою главную задачу автор видит в том, чтобы вернуть историю от некоего абстрактного «прошлого», недоступного для исследовательских процедур, к изучению реальных эмпирических вещей. Несмотря на некоторые спорные моменты ее концепции, это большая заслуга Ольги Михайловны. Достойным внимания когнитивной истории она считает не столько тексты, сколько «эмпирическую реальность исторического мира» (таково название одной из ее статей [Медушевская, 2008]). Приведем еще одну значимую цитату: «... для историков главное – не текст, как для литературоведа. Их объект – историческая реальность» [Медушевская, 2017б, с. 505]. Историк извлекает из письменного источника информацию не тогда, когда он разбирает его на фрагменты, но когда, зная правила, исходя из понимания места этого источника в структурированном массиве интеллектуальных продуктов, он воссоздает исторический контекст и «извлекает информационный ресурс из наблюдения ситуации, в которой данный документ определенным образом фиксирует ресурс» [Там же, с. 519].

Понятно, почему О. М. Медушевская пренебрегает содержательной, текстовой стороной источников: после лингвистического поворота ей уделялось очень большое внимание, а увлечение языковыми играми затмило значение языка как посредника между сознанием и миром вещей. Тем не менее представляется, что пренебрежение вопросами содержания не усиливает концепцию когнитивной истории, а ослабляет ее. На наш взгляд, именно попытка остаться в рамках сугубо эмпирической реальности приводит к введению О. М. Медушевской таких сомнительных понятий, как «информационный магнетизм» и «информационная энергетика», проблематичность которых будет показана далее.

Описанная выше проблема может быть решена весьма просто: язык так же должен рассматриваться в качестве информационного ресурса. Язык является таким же интеллектуальным продуктом, как и, например, архитектура⁷. Понимание правил архитектуры, обусловленных как свойствами материалов, так и потребностями людей, позволяет исследователям извлекать интеллектуальный ресурс из раскопок городов и древних построек, позволяет восстанавливать исторический контекст их создания.

⁷ Безусловно, язык – это интеллектуальный продукт особого рода, поскольку он является не только результатом развития культуры, но и условием ее развития; тем не менее, это не отменяет того факта, что язык развивается интеллектуальными, творческими усилиями людей в процессе их деятельности.

Связь архитектуры и материального мира очевидна, тем не менее, правила архитектуры на самом деле не даны нам интуитивно, как О. М. Медушевская предполагала в отношении «языка вещей». Подобным же образом знание правил языка (существенно превосходящее его интуитивно доступные возможности) позволяет нам изучать именно эмпирическую реальность прошлого. Именно лингвистическая экспертиза позволила со всей убедительностью доказать подлинность «Слова о полку Игореве» и подложность «Велесовой книги». В то же время Фестский диск не может быть достаточно убедительно декодирован в качестве интеллектуального ресурса, поскольку остается неизвестным значение нанесенных на него символов.

Рассмотрение языка как информационного продукта может быть согласовано с материалистической трактовкой последнего в концепции О. М. Медушевской. Согласно современным данным когнитивных нейронаук, индивидуальное знание тоже предполагает наличие материального носителя, а именно сети нейронных взаимосвязей в мозге. Язык, у которого не остается ни носителей, ни текстов, к сожалению, утрачивается в качестве интеллектуального продукта.

Информационный магнетизм

Из-за стремления избежать включения в свою концепцию языка и выражаемых им смысловых конструкций, у О. М. Медушевской возникает проблема с объяснением, откуда у человека берется способность к извлечению информационного ресурса из вещей. Даже с учетом того, что это некое сущностное свойство человека, с одной стороны, возникает вопрос: за счет чего именно и как оно реализуется? А с другой стороны, очевидно, что не все способности, присущие человеку, автоматически реализуются у него с рождения. Для ответа на этот вопрос автор вводит понятия «информационный магнетизм» и «информационная энергетика». Информационный магнетизм определяется следующим образом: «естественное, интуитивное ощущение полезности информации (ощущение деятельного интереса), которое позволяет включить в формируемую картину мира те или иные информационные сигналы» [Медушевская, 2017а, с. 100].

Очевидно, что такое определение ставит больше вопросов, чем дает ответов. Допустим, если у двух человек возникают разные интуитивные ощущения относительно полезности той или иной информации, то, как они могут определить, чье ощущение достовернее? С усложнением деятельности, в которую повседневно вовлечен человек, эмпирическая проверка становится все проблематичнее. Так, интуитивные представления о полезности информации о процессах, связанных с глобальным потеплением, могут существенно различаться у разных людей, но проверить ее реальную полезность возможно только тогда, когда воздействовать на ситуацию будет уже очень сложно.

Как раз именно за счет такой способности, как информационный магнетизм, О. М. Медушевская объясняет возможность общения разных культур и цивилизаций, а также возможность более достоверного изучения прошлого за счет сохранившихся интеллектуальных продуктов, что как раз выглядит контринтуитивно. Данное автором определение информационного магнетизма подразумевает, что понимание происходит как бы само собой, в то время как очевидны те усилия, которые тратятся на исследования других культур, даже исторически близких. В качестве еще одного примера информационного

магнетизма О. М. Медушевская приводит ситуацию взаимодействия двух мастеров своего дела, которые, будучи хорошо знакомы со своей деятельностью, могут понимать друг друга без слов. Очевидно, что такая ситуация – скорее исключение, чем правило.

Информационный магнетизм объясняется О. М. Медушевской через целеполагание: интеллектуальный продукт имеет в себе отражение целеполагания создавшего его автора, а также отражает общую картину мира или информационное пространство, в котором находился автор интеллектуального продукта. В общем и целом «деятельность» и «информационный магнетизм» связаны друг с другом, а если точнее, то второе непосредственно становится возможным благодаря особенностям первого.

Удивительно, что в рамках возвращения истории к эмпирической реальности автор постулирует некое явление как «несомненно существующее, но недоступное эмпирической проверке» для обозначения «реальности информационной связи социума» [Медушевская, 2017а, с. 99]. По ее собственным словам, свойство информационного магнетизма она «рассматривает по аналогии с тем, как интерпретируется способность человека говорить и понимать язык другого человека» [Там же, с. 174], в то время как данные способности вполне доступны эмпирической проверке и активно изучаются.

Тем не менее важность идеи, которую О. М. Медушевская попыталась выразить таким экстравагантным способом, очень велика, а именно: это идея о «реальности информационной связи социума» и о единой структуре доступного человечеству информационного ресурса. Можно было бы сказать, что под информационной связью имеется в виду то, что обычно называется картиной мира, но это не совсем так. Картина мира отсылает опять к описательным стратегиям и является скорее знаком или репрезентацией информационных связей социума. Можно сказать, например, что картина мира древних обществ описывается в их мифах, хотя это очень общее описание, в повседневной деятельности людей наполняющееся куда более детальными представлениями, которые и составляют информационное поле социума. Реальность такой информационной связи действительно очень трудноуловима, поэтому попытки выразить ее хотя бы каким-то способом, начать исследовать ее и описывать сами по себе имеют большое значение⁸.

Концепцию когнитивной истории несложно дополнить более современным подходом к информации, поскольку О. М. Медушевская учитывает роль культуры и общества в информационном обмене. Так, человек получает способность к созданию интеллектуальных продуктов и раскодированию находящегося в интеллектуальном продукте информационного ресурса в процессе социализации. В таком случае, как бы ни понималась информация, какие бы ни были стратегии взаимодействия между людьми, субъект овладевает ими в процессе освоения достижений культуры, свойственной обществу на том или ином этапе развития. И здесь нет необходимости во введении загадочного информационного магнетизма: в рамках социализации у человека формируется примерно схожее информационное пространство с той группой, в которой он социализировался, – общая сетка базовых понятий. И за счет этого человек способен понять, какой смысл может

⁸ Здесь можно упрекнуть авторов в том же самом безапелляционном постулировании реальности неких неуловимых информационных связей, но здесь мы опираемся на существующие подходы. Уже многие годы идут попытки обозначить это явление каким-то образом: предлагались концепции менталитета, духа времени, культурного кода, но все они пытаются уловить в реальности некоторую конфигурацию информационных связей социума.

нести в себе тот или иной символ, форма вещи, цвет и тому подобное. В этом ключе не совсем понятно, как работает информационный магнетизм по отношению к интеллектуальным продуктам, созданным в других группах, с информационным пространством, отличным от того, в котором социализировался человек.

В целом можно сделать вывод, что, несмотря на стремление к строгой научности, О. М. Медушевской приходится нередко опираться на допущения, просто постулируемые, а не выводимые из уже имеющихся научных данных. Таковыми являются, например, разделение опосредованного и непосредственно информационного обмена, выведение деятельности исключительно из мышления, утверждение о существовании информационного магнетизма. Мы видим и иное фундаментальное противоречие в концепции О. М. Медушевской в том, что она подходит к информации только как к выводимой из эмпирических данных, в то время как информация – это некий умопостигаемый порядок отношений, который, безусловно, реализуется материально, но может быть выведен аналитически. Собственно, об этом говорит и пример структурной лингвистики, на который исследователь неоднократно ссылалась.

Тем не менее, изложенные в статье противоречия не приводят к отрицанию концепции когнитивной истории, предложенной О. М. Медушевской. Наоборот, отказ от одностороннего понимания информации усиливает феноменологическую парадигму методологии истории, расширяя пространство для ее использования. Но признание неразрывного единства материальной реализации и информационной составляющей в интеллектуальном ресурсе, что создает условия для принципиальной познаваемости мышления и деятельности, породивших этот ресурс, – это, безусловно, твердое основание для построения строгого научного исторического знания.

Взгляды О. М. Медушевской имеют очень большое значение в современной ситуации. Сегодня можно видеть, как идеи, уже несколько десятилетий назад высказанные учеными и философами, теперь реализуются в культуре в целом в самых крайних своих проявлениях. Чрезмерное увлечение текстовой стороной знания в ущерб эмпирическим данным в настоящее время привело к информационным войнам, в которых человеку, не овладевшему в достаточной мере интеллектуальным ресурсом человечества, никак не разобраться. Применительно к обращению с прошлым сегодня говорят о войнах памяти и войнах нарративов, когда у их участников складывается впечатление, что достаточно только описать реальность иным образом – и она изменится. Однако сопротивление функциональных связей реальных вещей, необратимых процессов, естественных ограничений среды, которые могут быть выявлены либо эмпирически, либо на основе обобщения наличных данных, рано или поздно разрушит произвольные описания. О. М. Медушевская подчеркивала: «Передать реальность с помощью языка невозможно. Весь объем отношений языка и реальности не охватывается в рамках языковой системы и речевой деятельности» [Медушевская, 2017а, с. 293]. Концепция О. М. Медушевской все еще имеет большое значение, поскольку в ней показаны пути, каким образом мы можем сделать наши представления о мире более полными и разделить их с другими людьми, вместо того чтобы замыкаться в произвольных описаниях. Мы же в представленном анализе предложили развить концепцию когнитивной истории, сделав ее в полной мере когнитивной, т. е. способной работать не только с материальными вещами, но и со смыслами, которые в реальности (и О. М. Медушевская это не раз подчеркивала) тесно соединены.

Список литературы/ References

Историки в поисках новых перспектив. (2019). Ред. З. А. Чеканцева. М.: Аквилон. 416 с.
Chekantseva, Z. A. (ed.). *Historians in Search of the New Perspectives.* (2019). Moscow. 416 p.
(In Russ.)

Круглый стол по книге О. М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории». (2010). *Российская история.* № 1. С. 131-165.

Roundtable Discussion on O. M. Medushevskaya's book "Theory and Methodology of Cognitive History". (2010). *Russian History.* No. 1. Pp. 131-165. (In Russ.)

Лубский, А. В. (2013). История как строгая наука vs нарративная логика историописания. *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории.* Т. 44. С. 53-61.

Lubsky, A. V. (2013). History as Pure Science vs the Narrative Logic of Historiography. *Dialogue With Time. Intellectual History Review.* Vol. 44. Pp. 53-61. (In Russ.)

Медушевская, О. М. (2008). Эмпирическая реальность исторического мира. *Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX науч. конф. (г. Москва, РГГУ, 2008).* Ч. 1. С. 24-34.

Medushevskaya, O. M. (2008). The Empirical Reality of the Historical World. In *Auxiliary Sciences of History – Textology – Methodology of History in the System of Humanities.* Proceedings of the XX Scientific Conference (Moscow, RSUH, 2008). Pt. 1. Pp. 24-34. (In Russ.)

Медушевская, О. М. (2017а). Теория и методология когнитивной истории. *Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1: Философия истории и теория исторического познания.* М.; Берлин: Директ-Медиа. С. 65-418.

Medushevskaya, O. M. (2017a). Theory and Methodology of Cognitive History. In *Collected Works. In 4 vols. Vol. 1. Philosophy of History and Theory of Historical Knowledge.* Moscow; Berlin. Pp. 65-418. (In Russ.)

Медушевская, О. М. (2017б) Методология истории как строгой науки. *Собрание сочинений в 4 т. Т. 1: Философия истории и теория исторического познания.* М.; Берлин: Директ-Медиа. С. 481-505.

Medushevskaya, O. M. (2017b) Methodology of History as a Strict Science. In *Collected Works. In 4 vols. Vol. 1. Philosophy of History and Theory of Historical Knowledge.* Moscow; Berlin. Pp. 481-505. (In Russ.)

Медушевский, А. Н. (2010). Когнитивно-информационная теория в социологии, истории и антропологии. *Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты.* № 1. С. 226-250.

Medushevsky A.N. (2010). Cognitive-Informational Theory in Sociology, History and Anthropology. *Man: Image and Essence. Humanitarian Aspects*. No. 1. Pp. 226-250. (In Russ.)

Миронов, Б. Н. (2011). Новая апология истории (размышления над книгой О. Медушевской). *Общественные науки и современность*. № 1. С. 139-148.

Mironov, B. N. (2011). A New Apology for History (Reflections on O. Medushevskaya's Book). *Social Sciences and Contemporary World*. No. 1. Pp. 139-148. (In Russ.)

Румянцева, М. Ф. (2009). Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 358 с. 1500 экз. *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. № 4. С. 294-299.

Roumyantseva, M. F. (2009). Medushevskaya O. M. Theory and Methodology of Cognitive History. Moscow: RGGU, 2008. 358 p. 1500 copies. *RSUH / RGGU Bulletin. Series: Literary Criticism. Linguistics. Cultural Studies*. No. 4. Pp. 294-299. (In Russ.)

Румянцева, М. Ф. (2013). Концепция когнитивной истории Ольги Михайловны Медушевской: приглашение к дискуссии. *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. Т. 44. С. 6-15.

Roumyantseva, M. F. (2013). The concept of cognitive history by Olga Mikhailovna Medushevskaya: An Invitation to Discussion. *Dialogue with Time. Intellectual History Review*. Vol. 44. Pp. 6-15. (In Russ.)

Румянцева, М. Ф. (2022). Концепция когнитивной истории Ольги Михайловны Медушевской: итоги / перспективы. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. Т. 44. № 6. С. 60-66. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.808.

Roumyantseva, M. F. (2022). Olga Mikhailovna Medushevskaya Concept of Cognitive History: Results / Prospects. *Proceedings of the State Petrozavodsk University*. Vol. 44 No. 6. Pp. 60-66. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.808. (In Russ.)

Сабенникова, И. В. (2010) Теория исторического познания: избранные произведения. Круглый стол по книге О. М. Медушевской. *Вестник архивиста*. № 4. С. 303-311.

Sabennikova, I. V. (2010). The Theory of Historical Knowledge: Selected Works. Round Table on the Book by O. M. Medushevskaya. *Herald of an Archivist*. No. 4. Pp. 303-311. (In Russ.)

Сабенникова, И. В. (2013). Теория когнитивной истории О.М. Медушевской и антропологический метод в современном гуманитарном познании. *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. Т. 44. С. 44-52.

Sabennikova, I. V. (2013). O. M. Medushevskaya Theory of Cognitive History and the Anthropological Method in Modern Humanitarian Research. *Dialogue with Time. Intellectual History Review*. Vol. 44. Pp. 44-52. (In Russ.)

Сукина, Л. В. (2013). Философская герменевтика и «возвращение» субъекта когнитивной истории. *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. Т. 44. С. 26-33.

Sukina, L. V. (2013). Philosophical Hermeneutics and the “Return” of the Subject of Cognitive History. *Dialogue with Time. Intellectual History Review*. Vol. 44. Pp. 26-33. (In Russ.)

Юдин, К. А. (2015). Когнитивная история и применение информационно-когнитивного подхода к истории сталинизма в новейшей историографии. [Электронный ресурс]. *На пути к гражданскому обществу*. № 3 (19). URL: <https://s.esrae.ru/goverment/pdf/2015/3/351.pdf> (дата обращения: 12.04.2026).

Yudin, K. A. (2015). Cognitive History and the Application of the Information-Cognitive Approach to the History of Stalinism in Modern Historiography. [Online]. *Towards a Civil Society*. No. 3 (19). Available at: <https://s.esrae.ru/goverment/pdf/2015/3/351.pdf> (Accessed: 12 April 2026). (In Russ.)

Сведения об авторах / Information about the authors

Аникина Александра Борисовна – кандидат философских наук, преподаватель Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, e-mail: lieda27@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5713-3168>.

Дьяченко Алексей Сергеевич – магистрант, лаборант Лаборатории анализа и прогнозирования интеграционных процессов Евразии, г. Новосибирск, ул. Пирогова 1, e-mail: alekseydyachenko13@gmail.com.

Статья поступила в редакцию: 10.04.2026

После доработки: 18.05.2026

Принята к публикации: 29.05.2026

Anikina Alexandra – Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer at Novosibirsk State University, Novosibirsk, Pirogova Str., 1, e-mail: lieda27@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5713-3168>.

Dyachenko Aleksey – Master's student, Laboratory Assistant, Laboratory for Analysis and Forecasting of Eurasian Integration Processes, Novosibirsk, Pirogova Str., 1, e-mail: alekseydyachenko13@gmail.com.

The paper was submitted: 10.04.2026

Received after reworking: 18.05.2026

Accepted for publication: 29.05.2026

УДК 164.07

КОНДИЦИОНАЛЬНАЯ ЛОГИКА С λ -ОПЕРАТОРОМ

Е. В. Борисов

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)

borisov.evgeny@gmail.com

Аннотация. Кондициональные логики разработаны для моделирования рассуждений на естественном языке, содержащих условные предложения (кондиционалы). Такие логики содержат кондициональный оператор, соответствующий союзу «если ..., то ...», как он употребляется в естественном языке. Кондициональный оператор является интенциональным, поэтому в кондициональных логиках первого порядка его взаимодействие с нежестко интерпретируемыми индивидуальными константами порождает дистинкцию *de re / de dicto*. В некоторых модальных логиках первого порядка для ее отображения используется λ -оператор. В статье показано, что этот инструмент репрезентации данной дистинкции может быть перенесен в кондициональные логики первого порядка.

Ключевые слова: условные предложения, кондициональные логики, семантика возможных миров *de re*, *de dicto*, λ -оператор.

Для цитирования: Борисов, Е. В. (2026). Кондициональная логика с λ -оператором. *Respublica Literaria*. Т. 7. № 2. С. 22-29. DOI: 10.47850/RL.2026.7.2.22-29

A CONDITIONAL LOGIC WITH λ -OPERATOR

E. V. Borisov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)

borisov.evgeny@gmail.com

Abstract. Conditional logics are designed to model natural language reasoning involving conditionals. They contain a conditional operator representing natural language connective “if ..., then ...”. It is an intensional operator, so its interplay with non-rigidly interpreted individual constants in first-order conditional logics generates the *de re / de dicto* distinction. In some first-order modal logics, the distinction is represented using λ -operator. In the present paper, it is shown that this tool of representation of the *de re / de dicto* distinction can be used in conditional first-order logics as well.

Keywords: conditionals, conditional logics, possible world semantics, *de re*, *de dicto*, λ -operator.

For citation: Borisov, E. V. (2026). A conditional logic with λ -operator. *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 2. Pp. 22-29. DOI: 10.47850/RL.2026.7.2.22-29

Введение

Парадоксы материальной импликации показывают, что союз «если ..., то ...» русского языка и аналогичные союзы других естественных языков не моделируются материальной импликацией или каким-либо иным булевым оператором [Priest, 2008]. Поэтому для моделирования рассуждений на естественных языках необходимо использовать тот или иной интенциональный оператор. Одним из таких операторов является кондициональный оператор, используемый в кондициональных логиках¹. Для интерпретации интенциональных операторов наиболее

¹ Философская мотивация и многообразие кондициональных логик описаны в [Chellas, 1980; Nute, 1980; Nute, Cross, 2001].

естественной и наиболее распространенной в логической литературе является семантика возможных миров.

В семантике возможных миров для логик первого порядка мы можем использовать нежесткую интерпретацию индивидуальных констант (или иных термов). Нежесткая интерпретация индивидуальных констант позволяет константе иметь разные денотаты в разных возможных мирах. Взаимодействие интенциональных операторов и индивидуальных констант с нежесткой интерпретацией порождает для последних две интерпретации: *de re* и *de dicto*. Это, в свою очередь, ставит задачу репрезентации данных интерпретаций в формулах. Применительно к модальным логикам, где эта задача обусловлена взаимодействием индивидуальных констант и модальных операторов, она эффективно решается с использованием λ -оператора [Fitting, Mendelsohn, 2023]. Ниже показано, что использование λ -оператора позволяет решить эту задачу также применительно к кондициональным логикам первого порядка.

В качестве примера такого рода логики описана логика, которую я обозначаю как *CFOL* (conditional first-order logic). Синтаксические и семантические особенности этой логики таковы: ее язык содержит стандартные операторы классической логики первого порядка, а также бинарный сентенциональный оператор $>$ (формальный эквивалент союза «если..., то...») и λ -оператор. Последний является тернарным оператором, отображающим упорядоченные тройки вида \langle переменная, формула, терм \rangle на формулы. Оператор $>$ является интенциональным: для его интерпретации используется семантика возможных миров. В качестве термов используются только индивидуальные переменные и индивидуальные константы, при этом последние имеют нежесткую интерпретацию.

Наличие кондиционального оператора и λ -оператора, а также нежесткая интерпретация констант – это все, что нужно для наших целей, т.е. для появления и репрезентации дистрикции *de re* / *de dicto*. Во всех остальных синтаксических и семантических аспектах я определил *CFOL* так, чтобы максимально упростить исследование ее выразительных возможностей. В частности, я не включил в формальный язык этой логики функциональные термы, модальные операторы и предикат равенства, а также определил модель *CFOL* как модель с постоянным доменом.

De re и de dicto в кондициональных контекстах

Определим в общем виде – абстрагируясь от синтаксических и семантических особенностей отдельных кондициональных логик – стандартные для этих логик истинностные условия формул вида $\varphi > \psi$: формула $\varphi > \psi$ истинна в мире w (некоторой модели) при оценке переменных σ , если во всех ближайших к w σ - φ -мирах истинно ψ . Под σ - φ -мирами будем понимать миры (данной модели), в которых φ истинна при σ . Как видим, истинностная оценка кондиционала относительно некоторого мира w зависит от истинностной оценки его антецедента и консеквента относительно других миров модели. Это порождает интерпретации индивидуальных констант *de re* и *de dicto*: при определении истинностного значения $\varphi > \psi$ в w мы можем принимать в расчет денотат константы в w (интерпретация *de re*) или в мирах, в которые нас «переносит» кондициональный оператор (интерпретация *de dicto*)².

² Дистрикция *de re* и *de dicto* имеет место не только применительно к индивидуальным константам, но и применительно к кванторам и функциональным термам. Ниже данная дистрикция обсуждается только применительно к индивидуальным константам.

Рассмотрим предложение «Если чемпион проигрывает, вице-чемпион ликует». Его можно репрезентировать квази-формулой $P(a) > Q(b)$ (*). Я назвал это выражение квази-формулой, поскольку мы еще не выбрали формальный язык и не определили понятие формулы для него. В формальном языке \mathcal{L} , описанном в следующем разделе, (*) формулой не является. Здесь константа a репрезентирует определенную дескрипцию «чемпион», b репрезентирует определенную дескрипцию «вице-чемпион». Обе дескрипции и, соответственно, обе константы являются нежесткими десигнаторами, т. е. имеют разные денотаты в разных возможных мирах. Поэтому обе константы допускают интерпретацию de re и de dicto, что порождает для (*) четыре интерпретации:

- de re для обеих констант (rr),
- de re для a и de dicto для b (rd),
- de dicto для a и de re для b (dr),
- de dicto для обеих констант (dd).

В следующем разделе статьи описана кондициональная логика первого порядка, в языке которой эти четыре интерпретации отображаются соответствующими формулами.

Синтаксис и семантика $CFOL$

$CFOL$ строится на языке \mathcal{L} , алфавит которого содержит:

- счетное множество индивидуальных переменных (x, y, \dots) ,
- счетное множество индивидуальных констант³ (a, b, \dots) ,
- счетное множество n -местных предикатов для каждого натурального $n \geq 1$ (P, Q, \dots) ,
- булевы операторы \neg, \rightarrow ,
- кондициональный оператор $>$,
- λ -оператор λ ,
- универсальный квантор \forall ,
- запятую и скобки.

Термы \mathcal{L} (термы) – это переменные и константы.

Множество формул \mathcal{L} (формулы) определяется следующей грамматикой:

$$\varphi ::= P(x_1, \dots, x_n) \mid \neg\varphi \mid (\varphi \rightarrow \varphi) \mid (\varphi > \varphi) \mid \forall x\varphi \mid (\lambda x.\varphi)(t),$$

где P – n -местный предикат, x, x_1, \dots, x_n – переменные, t – терм. Формулы вида $P(x_1, \dots, x_n)$ называются атомарными. Понятия свободного и связанного вхождения переменной определяются стандартно. В частности, в формулах вида $(\lambda x.\varphi)(t)$: 1) вхождение x после λ и все вхождения x в φ связаны; 2) если t – переменная, то ее показанное вхождение свободно.

Отметим, что по данному определению формулы в атомарных формулах в качестве термов могут фигурировать только переменные; константы могут встречаться только в формулах вида $(\lambda x.\varphi)(t)$ на месте t . По этой причине (*) не является формулой \mathcal{L} .

Нотационные конвенции.

- Будем опускать внешние скобки формул; например, будем писать $\varphi > \psi$ вместо $(\varphi > \psi)$.
- Будем писать $(t/x)\varphi$ вместо $(\lambda x.\varphi)(t)$.

³ Ниже я для краткости говорю «переменная» вместо «индивидуальная переменная» и «константа» вместо «индивидуальная константа».

Модель *CFOL* (модель) \mathcal{M} – это упорядоченная четверка $\langle \mathcal{G}, \leq, \mathcal{D}, \mathcal{J} \rangle$, где:

- \mathcal{G} – непустое множество (множество возможных миров).
- \leq – функция, назначающая каждому возможному миру w линейный предпорядок \leq_w на \mathcal{G}^4 . При этом на \leq_w налагаются следующие ограничения:
 - w является единственным \leq_w -минимальным элементом \mathcal{G} ,
 - для любого непустого множества возможных миров X , множество \leq_w -минимальных элементов X непусто⁵.
- \mathcal{D} – непустое множество (домен модели).
- \mathcal{J} – функция, которая назначает каждому n -местному предикату и возможному миру миров n -местное отношение на \mathcal{D} , а каждой константе и возможному миру – элемент \mathcal{D} (интерпретация предикатов и констант).

Отношение \leq_w интуитивно означает отношение сравнительной близости миров к w . Для любых миров s и t , верно $(s \leq_w t$ и $t \not\leq_w s)$ или $(s \leq_w t$ и $t \leq_w s)$. В первом случае s ближе к w , чем t ; во втором случае s и t одинаково близки к w .

Нотационная конвенция. Пусть $\langle \mathcal{G}, \leq, \mathcal{D}, \mathcal{J} \rangle$ – модель, $w \in \mathcal{G}$, $X \subseteq \mathcal{G}$. Тогда $f(w, X)$ – это множество \leq_w -минимальных элементов X , т.е. множество ближайших к w элементов X .

Пусть $\mathcal{M} = \langle \mathcal{G}, \leq, \mathcal{D}, \mathcal{J} \rangle$ – модель. *Оценка переменных* в \mathcal{M} – это функция, отображающая переменные \mathcal{L} на элементы домена \mathcal{M} . Пусть σ – оценка переменных в \mathcal{M} , $e \in \mathcal{D}$, x – переменная. Тогда $\sigma(e/x)$ – это оценка переменных в \mathcal{M} , такая что

$$\sigma(e/x)(y) = \begin{cases} e, & \text{если } y = x \\ \sigma(y), & \text{если } y \neq x \end{cases}$$

Денотация в \mathcal{M} при σ – это функция $\sigma\mathcal{J}$, отображающая каждый терм t и возможный мир w на элемент \mathcal{D} следующим образом:

$$\sigma\mathcal{J}(t, w) = \begin{cases} \sigma(t), & \text{если } t \text{ – переменная} \\ \mathcal{J}(t, w), & \text{если } t \text{ – константа} \end{cases}$$

Истина определяется как отношение между моделями, возможными мирами, оценками переменных и формулами.

Нотационная конвенция. Пусть $\mathcal{M} = \langle \mathcal{G}, \leq, \mathcal{D}, \mathcal{J} \rangle$ – модель, $w \in \mathcal{G}$, σ – оценка переменных в \mathcal{M} . 1) Запись $\mathcal{M}, w, \sigma \models \varphi$ означает: формула φ истинна в мире w модели \mathcal{M} при оценке переменных σ . 2) $\llbracket \varphi \rrbracket_\sigma^{\mathcal{M}} := \{w : \mathcal{M}, w, \sigma \models \varphi\}$, т.е. $\llbracket \varphi \rrbracket_\sigma^{\mathcal{M}}$ – это множество возможных миров модели \mathcal{M} , в которых φ истинна при σ . Соответственно, $f(w, \llbracket \varphi \rrbracket_\sigma^{\mathcal{M}})$ – это множество ближайших к w миров σ - φ -миров.

Истина определяется рекурсивно следующим образом. Пусть $\mathcal{M} = \langle \mathcal{G}, \leq, \mathcal{D}, \mathcal{J} \rangle$ – модель, $w \in \mathcal{G}$, σ – оценка переменных в \mathcal{M} , P – n -местный предикат, x, x_1, \dots, x_n – переменные, t – терм. Тогда:

⁴ Бинарное отношение R является линейным предпорядком на множестве X , если оно рефлексивно и транзитивно и для любых $x, y \in X$, xRy или yRx .

⁵ Пусть R – линейный предпорядок на множестве X и $x \in X$. Тогда x называется R -минимальным элементом X , если для всех $y \in X$, xRy .

- $\mathcal{M}, w, \sigma \models P(x_1, \dots, x_n) \iff \langle \sigma(t_1, w), \dots, \sigma(t_n, w) \rangle \in \mathcal{J}(P, w)$;
- $\mathcal{M}, w, \sigma \models \neg\varphi \iff \mathcal{M}, w, \sigma \not\models \varphi$;
- $\mathcal{M}, w, \sigma \models \varphi \rightarrow \psi \iff (\mathcal{M}, w, \sigma \models \varphi \implies \mathcal{M}, w, \sigma \models \psi)$;
- $\mathcal{M}, w, \sigma \models \varphi > \psi \iff f(w, \llbracket \varphi \rrbracket_\sigma^{\mathcal{M}}) \subseteq \llbracket \psi \rrbracket_\sigma^{\mathcal{M}}$;
- $\mathcal{M}, w, \sigma \models \forall x\varphi \iff$ для каждого $e \in \mathcal{D}$, $\mathcal{M}, w, \sigma(e/x) \models \varphi$;
- $\mathcal{M}, w, \sigma \models (t/x)\varphi \iff \mathcal{M}, w, \sigma(\sigma\mathcal{J}(t, w)/x) \models \varphi$.

Отметим, что данная семантика имеет следующие стандартные для кондициональных семантик свойства:

- $f(w, \llbracket \varphi \rrbracket_\sigma^{\mathcal{M}}) \subseteq \llbracket \varphi \rrbracket_\sigma^{\mathcal{M}}$;
- $\mathcal{M}, w, \sigma \models \varphi \implies w \in \llbracket \varphi \rrbracket_\sigma^{\mathcal{M}}$;
- $\llbracket \varphi \rrbracket_\sigma^{\mathcal{M}} \neq \emptyset \implies f(w, \llbracket \varphi \rrbracket_\sigma^{\mathcal{M}}) \neq \emptyset$.

Семантическое следование для *CFOL* определяется стандартно. Пусть Γ – множество формул, а φ – формула. φ является семантическим следствием Γ , если для любой модели \mathcal{M} , любого возможного мира w в \mathcal{M} и любой оценки переменных σ в \mathcal{M} :

$$(\forall \psi \in \Gamma) \mathcal{M}, w, \sigma \models \psi \implies \mathcal{M}, w, \sigma \models \varphi$$

Это определение завершает семантическую характеристику *CFOL*⁶. В следующем разделе показаны выразительные возможности этой логики в аспекте дистинкции *de re / de dicto*.

Репрезентация *de re* и *de dicto* в *CFOL*

Вернемся к четырем интерпретациям квази-формулы (*). В \mathcal{L} они выражаются следующими формулами:

- $(rr) : (a/x)(b/y)(P(x) > Q(y))$;
- $(rd) : (a/x)(P(x) > (b/y)Q(y))$;
- $(dr) : (b/y)((a/x)P(x) > Q(y))$;
- $(dd) : (a/x)P(x) > (b/y)Q(y)$.

Определим условия истинности этих формул относительно произвольных модели \mathcal{M} , возможного мира w и оценки переменных σ в \mathcal{M} :

- $\mathcal{M}, w, \sigma \models (rr) \iff f(w, \llbracket P(x) \rrbracket_\tau^{\mathcal{M}}) \subseteq \llbracket Q(y) \rrbracket_\tau^{\mathcal{M}}$, где $\tau = \sigma(\mathcal{J}(a, w)/x)(\mathcal{J}(b, w)/y)$;
- $\mathcal{M}, w, \sigma \models (rd) \iff f(w, \llbracket P(x) \rrbracket_\rho^{\mathcal{M}}) \subseteq \llbracket (b/y)Q(y) \rrbracket_\rho^{\mathcal{M}}$, где $\rho = \sigma(\mathcal{J}(a, w)/x)$;
- $\mathcal{M}, w, \sigma \models (dr) \iff f(w, \llbracket (a/x)P(x) \rrbracket_\pi^{\mathcal{M}}) \subseteq \llbracket Q(y) \rrbracket_\pi^{\mathcal{M}}$, где $\pi = \sigma(\mathcal{J}(b, w)/y)$;
- $\mathcal{M}, w, \sigma \models (dd) \iff f(w, \llbracket (a/x)P(x) \rrbracket_\sigma^{\mathcal{M}}) \subseteq \llbracket (b/y)Q(y) \rrbracket_\sigma^{\mathcal{M}}$.

Эти условия истинности попарно различны в том смысле, что для любой пары рассматриваемых формул существуют модель, возможный мир и оценка переменных, относительно которых одна формула истинна, а другая ложна. Это обусловлено нижеследующими фактами (i) и (ii).

(i) В общем случае (для некоторых моделей и миров) имеют место следующие неравенства:

- $\llbracket P(x) \rrbracket_\tau^{\mathcal{M}} \neq \llbracket (a/x)P(x) \rrbracket_\pi^{\mathcal{M}}$; как следствие, $f(w, \mathcal{M} \llbracket P(x) \rrbracket_\tau^{\mathcal{M}}) \neq f(w, \llbracket (a/x)P(x) \rrbracket_\pi^{\mathcal{M}})$.
- В самом деле, $u \in \llbracket P(x) \rrbracket_\tau^{\mathcal{M}} \iff \mathcal{J}(a, w) \in \mathcal{J}(P, u)$ и $u \in \llbracket (a/x)P(x) \rrbracket_\pi^{\mathcal{M}} \iff \mathcal{J}(a, u) \in$

⁶ Альтернативные варианты семантики возможных миров для кондициональных логик, основанные на других определениях модели и истины, показаны в [Nute, 1980; Grahne, 1998].

$\mathcal{J}(P, u)$. Как видим, условия принадлежности к $\llbracket P(x) \rrbracket_{\tau}^{\mathcal{M}}$ и $\llbracket (a/x)P(x) \rrbracket_{\pi}^{\mathcal{M}}$ не совпадают, что позволяет составить модель, в которой эти множества не равны.

- $\llbracket Q(y) \rrbracket_{\tau}^{\mathcal{M}} \neq \llbracket (b/y)Q(y) \rrbracket_{\rho}^{\mathcal{M}}$. Действительно, $u \in \llbracket Q(y) \rrbracket_{\tau}^{\mathcal{M}} \iff \mathcal{J}(b, w) \in \mathcal{J}(Q, u)$ и $u \in \llbracket (b/y)Q(y) \rrbracket_{\rho}^{\mathcal{M}} \iff \mathcal{J}(b, u) \in \mathcal{J}(Q, u)$. Опять же, условия принадлежности к $\llbracket Q(y) \rrbracket_{\tau}^{\mathcal{M}}$ и $\llbracket (b/y)Q(y) \rrbracket_{\rho}^{\mathcal{M}}$ различны, следовательно, в некоторых моделях эти множества не равны.

(ii) При этом для любых \mathcal{M} , w и σ верны следующие равенства:

- $\llbracket P(x) \rrbracket_{\tau}^{\mathcal{M}} = \llbracket P(x) \rrbracket_{\rho}^{\mathcal{M}}$;
- $\llbracket (a/x)P(x) \rrbracket_{\pi}^{\mathcal{M}} = \llbracket (a/x)P(x) \rrbracket_{\sigma}^{\mathcal{M}}$;
- $\llbracket Q(y) \rrbracket_{\tau}^{\mathcal{M}} = \llbracket Q(y) \rrbracket_{\pi}^{\mathcal{M}}$;
- $\llbracket (b/y)Q(y) \rrbracket_{\rho}^{\mathcal{M}} = \llbracket (b/y)Q(y) \rrbracket_{\sigma}^{\mathcal{M}}$.

Из (i) и (ii) следует, что для любой пары формул из множества $\{(rr), (rd), (dr), (dd)\}$ можно подобрать модель, мир и оценку переменных, относительно которых формулы этой пары имеют разные истинностные значения. Проиллюстрируем этот тезис на примере.

Пусть $\mathcal{M} = \langle \mathcal{G}, \leq, \mathcal{D}, \mathcal{J} \rangle$ – модель, а σ – оценка переменных в \mathcal{M}^7 . Чтобы упростить нотацию, будем, говоря об этой модели, писать c_w вместо $\mathcal{J}(c, w)$ и P_w вместо $\mathcal{J}(P, w)$. Пусть \mathcal{M} имеет следующие свойства:

- $\mathcal{G} = \{w, u\}$;
- $\mathcal{D} = \{a_w, a_u, b_w, b_u\}$;
- $P_w = \emptyset, P_u = \{a_u\}$;
- $Q_w = Q_u = \emptyset^8$.

По определению истины, из этого следует:

$$\llbracket P(x) \rrbracket_{\tau}^{\mathcal{M}} = \llbracket P(x) \rrbracket_{\rho}^{\mathcal{M}} = \emptyset$$

Отсюда, с учетом последнего из указанных в предыдущем разделе стандартных свойств семантики *CFOL*:

$$f(w, \llbracket P(x) \rrbracket_{\tau}^{\mathcal{M}}) = f(w, \llbracket P(x) \rrbracket_{\rho}^{\mathcal{M}}) = \emptyset$$

Отсюда, по определению истины:

$$\mathcal{M}, w, \sigma \models (rr) \text{ и } \mathcal{M}, w, \sigma \models (rd) \tag{1}$$

Кроме того, из указанных свойств \mathcal{M} следует:

$$\llbracket (a/x)P(x) \rrbracket_{\pi}^{\mathcal{M}} = \llbracket (a/x)P(x) \rrbracket_{\sigma}^{\mathcal{M}} = \{u\}$$

и

$$\llbracket Q(y) \rrbracket_{\tau}^{\mathcal{M}} = \llbracket Q(y) \rrbracket_{\pi}^{\mathcal{M}} = \llbracket (b/y)Q(y) \rrbracket_{\rho}^{\mathcal{M}} = \llbracket (b/y)Q(y) \rrbracket_{\sigma}^{\mathcal{M}} = \{u\} = \emptyset$$

⁷ Для *CFOL* выполняется стандартная теорема, согласно которой истинностное значение замкнутой (не содержащей свободных вхождений переменных) формулы в некотором мире некоторой модели не зависит от оценки переменных. Поскольку (dr) , (dd) , (dr) и (dd) – замкнутые формулы, нам нет нужды определять σ .

⁸ В данном случае нет нужды определять \leq , поскольку ограничения на эту функцию, указанные в определении модели, однозначно определяют ее для моделей, содержащих не более двух возможных миров. Например, в рассматриваемой модели $\leq_w = \{\langle w, w \rangle, \langle w, u \rangle, \langle u, u \rangle\}$.

Отсюда, по определению истины:

$$\mathcal{M}, w, \sigma \not\models (dr) \text{ и } \mathcal{M}, w, \sigma \not\models (dd) \quad (2)$$

(1) и (2) показывают семантическое различие между (rr) и (rd) с одной стороны и (dr) и (dd) с другой, т.е. семантическую значимость дистинкции de re / de dicto применительно к константе a . Нетрудно подобрать пример, иллюстрирующий семантическую значимость этой дистинкции для b .

Таким образом, синтаксис $CFOL$ позволяет различать интерпретации индивидуальных констант de re и de dicto.

Заключение

В статье на примере $CFOL$ показано, что использование λ -оператора позволяет отображать дистинкцию de re / de dicto, порожденную взаимодействием кондиционального оператора и констант с нежесткой интерпретацией. Этот результат, в свою очередь, ставит следующие задачи для дальнейшего исследования.

Варьируя параметры семантики $CFOL$, мы получаем семейство кондициональных логик первого порядка с λ -оператором, некоторые из которых пригодны для моделирования рассуждений, содержащих условные предложения, в различных контекстах. К такого рода параметрам относятся различные ограничения на функцию \leq , постоянный / переменный характер доменов миров, актуалистская / possibiliстская интерпретация квантора в семантике с переменным доменом и т. д.

Расширяя синтаксис формального языка – добавляя функциональные термы, модальные и иные операторы, предикат равенства, предикат существования и т. д., – и соответствующим образом модифицируя семантику, мы, опять же, получаем семейство кондициональных логик с более широкими, чем у $CFOL$, выразительными возможностями.

Исследование выразительных возможностей получаемых таким образом логик и разработка исчислений для них является открытой задачей.

Список литературы / References

- Chellas, B. F. (1980). *Modal Logic. An Introduction*. Cambridge. Cambridge University Press.
- Fitting, M., Mendelsohn, R. L. (2023). *First-Order Modal Logic*. Dordrecht. Springer.
- Grahne, G. (1998). Updates and Counterfactuals. *Journal of Logic and Computation*. Vol. 8. Iss. 1. Pp. 87-117.
- Nute, D., Cross, C. B. (2001). Conditional Logic. In Gabbay, D. M., Guenther, F. (eds.) *Handbook of Philosophical Logic*. Vol. 4. Dordrecht. Kluwer. Pp. 1-98.
- Nute, D. (1980). *Topics in Conditional Logic*. Dordrecht, Boston, London. Reidel.

Priest, G. (2008). *An Introduction to Non-Classical Logic. From If to Is*. Cambridge. Cambridge University Press.

Сведения об авторе / Information about the author

Борисов Евгений Васильевич — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: borisov.evgeny@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6587-9616>.

Статья поступила в редакцию: 15.04.2026

После доработки: 18.05.2026

Принята к публикации: 29.05.2026

Borisov Evgeny — Doctor of Philosophical Sciences, Chief Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: borisov.evgeny@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6587-9616>.

The paper was submitted: 15.04.2026

Received after reworking: 18.05.2026

Accepted for publication: 29.05.2026

УДК 1 (091)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ АНАКСАГОРА

В. В. Бровкин

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
vbrovkin1980@gmail.com

Аннотация. В статье осуществлена историческая реконструкция политических взглядов Анаксагора. Установлено, что политические предпочтения Анаксагора характеризуются сочетанием демократических и космополитических идей. В пользу версии о демократических настроениях Анаксагора говорит его длительное пребывание в Афинах в период наивысшего расцвета древнегреческой демократии и общение с видными сторонниками демократии – Периклом, Еврипидом и, возможно, Фемистоклом. Космополитические настроения у Анаксагора проявились в представлении о том, что весь космос является отечеством, и в безразличном отношении к месту захоронения. Показано, что данные представления Анаксагора были связаны с его общей устремленностью к созерцательной жизни.

Ключевые слова: Анаксагор, историческая реконструкция, Перикл, Еврипид, Фемистокл, демократия, космополитизм, созерцательная жизнь.

Для цитирования: Бровкин, В. В. (2026). Политическая мысль Анаксагора. *Respublica Literaria*. Т. 7. № 2. С. 30-43. DOI: 10.47850/RL.2026.7.2.30-43.

THE POLITICAL THOUGHT OF ANAXAGORAS

V. V. Brovkin

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
vbrovkin1980@gmail.com

Abstract. The article provides a historical reconstruction of the political views of Anaxagoras. It is established that Anaxagoras' political preferences are characterized by a combination of democratic and cosmopolitan ideas. The version about Anaxagoras' democratic sentiments is confirmed by his long stay in Athens during the period of the highest flowering of ancient Greek democracy. Among the students and listeners of Anaxagoras were the greatest supporters of democracy – Pericles, Euripides and, possibly, Themistocles. Anaxagoras' cosmopolitan sentiments manifested themselves in the idea that the whole cosmos is the fatherland and in an indifferent attitude to the burial site. It is shown that these ideas of Anaxagoras were connected with his general aspiration to a contemplative life.

Keywords: Anaxagoras, Pericles, Euripides, Themistocles, historical reconstruction, democracy, cosmopolitanism, contemplative life.

For citation: Brovkin, V. V. (2026). The Political Thought of Anaxagoras. *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 2. Pp. 30-43. DOI: 10.47850/RL.2026.7.2.30-43.

Введение.

Анаксагор, Фемистокл и Еврипид

В данной статье мы рассмотрим вопрос о политических взглядах Анаксагора. Нам ничего не известно об участии Анаксагора в политической деятельности. Его пребывание в Клазоменах, Афинах и Лампсаке, если доверять источникам, носило

максимально отстраненный от политической жизни характер. Однако хорошо известно, что политическая жизнь в Греции и особенно в Афинах V в. до н. э. была невероятно бурной. Нашествие персов, многочисленные войны между полисами, острая внутривнутриполитическая борьба – все это не могло не отразиться на взглядах философов. Даже такой далекий от политики мыслитель, как Анаксагор, должен был иметь если и не твердые политические убеждения, то как минимум определенные политические симпатии. Рассмотрение вопроса о политических взглядах Анаксагора осложняется спецификой его философского учения. Судя по сохранившимся фрагментам, Анаксагор обходил стороной социально-политическую проблематику. Его основной интерес лежал в области космологии. В этой связи вопрос о политических предпочтениях Анаксагора, на наш взгляд, не может быть исследован без обращения к биографическим данным и сообщениям апокрифического характера.

Мы полагаем, что в прояснении вопроса о политических взглядах Анаксагора может помочь обращение к его окружению. Длительное пребывание Анаксагора в Афинах не могло пройти для него бесследно. Философ приобрел немалое количество друзей и учеников среди видных граждан Афин. Среди них были известные политики, философы и деятели культуры. Сообщается, что учениками Анаксагора были Фемистокл, Перикл и Еврипид. Плутарх со ссылкой на автора V в. до н. э. Стесимброта передает, что «Фемистокл был слушателем Анаксагора» [Плутарх, 1961, с. 147]. Но далее Плутарх заявляет, что Стесимброт «делает ошибку в хронологии», поскольку Анаксагор был современником Перикла, который был «гораздо моложе Фемистокла» [Там же]. Вполне возможно, что Фемистокл был старше Анаксагора. Но из этого не следует, что он не мог быть его слушателем. Как известно, Фемистокл подвергся остракизму и покинул Афины около 471 г. до н. э. Версия о появлении Анаксагора в Афинах в 470-х гг. до н. э. вполне позволяет допустить знакомство Анаксагора с Фемистоклом и их общение¹. На наш взгляд, в версии о дружеских отношениях между

¹ Ряд исследователей допускают достоверность сообщения о том, что Фемистокл был слушателем Анаксагора. Согласно Л. Вудбери, некоторые свидетельства указывают на то, что Анаксагор жил в Афинах в период ок. 480–450 гг. до н. э. [Woodbury, 1981, p. 313]. В частности, он ссылается на Деметрия Фалерского, согласно которому Анаксагор появился в Афинах в возрасте 20 лет. Это время как раз приходится на 480 г. до н. э. Далее, особое внимание Л. Вудбери уделяет сообщению Сатира об обвинении Анаксагора в персидской измене, а это, как известно, могло быть связано с Фемистоклом, который переметнулся на персидскую сторону после остракизма, которому он подвергся в Афинах. И, наконец, третья деталь, косвенно указывающая на связь между Анаксагором и Фемистоклом, – это сообщение о пребывании Анаксагора в Лампсаке, который, согласно Плутарху, был передан персидским царем Фемистоклу в управление. Дж. А. Дэвисон склоняется к версии о том, что тридцатилетний период пребывания Анаксагора в Афинах «не обязательно (и действительно вряд ли) мог быть непрерывным» [Davison, 1953, p. 44]. Многие указывают на два периода пребывания Анаксагора в Афинах с промежутком в одиннадцать лет. И оба этих периода завершились для Анаксагора судебным преследованием и изгнанием из Афин [Ibid, pp. 44-45]. В любом случае, наиболее вероятным временем первого появления Анаксагора в Афинах Дж. А. Дэвисон полагает период между 477–470 гг. до н. э. Таким образом, это позволяет Анаксагору «быть знакомым с Фемистоклом до его остракизма» [Ibid, p. 45]. Ф. Клив выделяет три версии биографии Анаксагора. Первую версию принимает большинство современных исследователей. Согласно этой версии, Анаксагор жил в 500–428 гг. до н. э., а его пребывание в Афинах пришлось на период ок. 461–432 гг. до н. э. Вторая версия сдвигает проживание Анаксагора в Афинах на более ранний период – ок. 480–450 гг. до н. э. Согласно третьей версии, которую поддерживает Ф. Клив, Анаксагор родился в 534–533 гг. до н. э. и умер в 462–461 гг. до н. э. Ф. Клив полагает, что среди учеников Анаксагора «были некоторые из самых известных впоследствии афинян, такие как Фемистокл, Перикл и Еврипид» [Cleve, 1973, p. 2]. П. Курд пишет: «Находясь в Афинах, Анаксагор был связан как с политической, так и с интеллектуальной элитой. Дружба с Периклом, по-видимому, хорошо известна, и есть сообщения о его связи с Фемистоклом (хотя хронологические трудности влияют на это утверждение)» [Curd, 2007, p. 132]. Впрочем, высказываются

молодым философом из Ионии и прославленным афинским государственным деятелем нет ничего невероятного. Следует отметить, что если Анаксагор общался с Фемистоклом, то это общение, вероятно, носило взаимообуславливающий характер. В 470-х гг. до н. э. Фемистокл находился в расцвете своих политических сил. Это был талантливый и опытный государственный деятель со сложившимися политическими взглядами и ценностями. Именно Фемистокл сыграл ключевую роль в организации общегреческого сопротивления персидскому нашествию 480–479 гг. до н. э. Во многом именно благодаря Фемистоклу Афины не просто победили в войне с персами, но значительно усилились по ее итогам. Маловероятно, что в этих условиях Анаксагор мог оказать какое-либо политическое влияние на Фемистокла. Скорее наоборот, последний мог оказать определенное влияние на политические взгляды молодого философа из Клазомен. В этой связи встает закономерный вопрос о политических взглядах Фемистокла.

Как сообщает Плутарх, уже в начале политической карьеры Фемистокла отчетливо проявилась его партийная принадлежность. Об этом свидетельствует следующее сообщение: «Но народу Фемистокл нравился (τοῖς πολλοῖς ἐνῆρμότε), как потому, что на память называл по имени каждого гражданина, так и потому, что оказывался беспристрастным судьей в делах частного характера» [Там же, с. 149]. Согласно И. Х. Дворецкому, ἐναρμόζω в данном предложении означает приспособляться, заискивать, угождать, входить в доверие [Дворецкий, 1958, с. 534]. Если учесть, что πολλοί означает толпу, народные массы и большинство, то ответ на вопрос о политических предпочтениях Фемистокла напрашивается очевидный. Уже с первых шагов в политике у Фемистокла проявилась демократическая ориентация. В дальнейшем партийная принадлежность Фемистокла проявилась еще сильнее. Строительство большого военного флота и укрепление Пирея усилиями Фемистокла привели к созданию Афинской морской державы. В результате политики Фемистокла в Афинах значительно возросла роль моряков и вместе с тем усилились позиции народной партии: «Фемистокл не то, чтобы “приклеил Пирей” к городу, как выражается комик Аристофан, а город привязал к Пирею и землю к морю. Этим он усилил демос против аристократии (τὸν δῆμον ἠῤῥησε κατὰ τῶν ἀρίστων) и придал ему смелости, так как сила перешла в руки гребцов, келевстов и рулевых» [Плутарх, 1961, с. 159].

Можно сказать, что именно при Фемистокле в Афинах сложилась та расстановка политических сил, которая будет определять развитие города в течение всего классического периода. Комментируя преобразования Фемистокла, Плутарх отмечает: «По этой причине и трибуну на Пниксе, устроенную так, что она была обращена к морю, тридцать тиранов впоследствии повернули лицом к земле: они думали, что господство на море рождает демократию (δημοκρατίας), а олигархией (ὀλιγαρχία) меньше тягостятся земледельцы» [Там же]. Как известно, в результате политической борьбы Фемистокл потерпел поражение и был вынужден отправиться в изгнание: «Фемистокла подвергли ostracismу, чтобы уничтожить его авторитет и выдающееся положение; так афиняне обыкновенно поступали со всеми, могущество которых они считали тягостным для себя и несовместимым с демократическим равенством» [Там же, с. 161]. Неизвестно, как это событие, а также переход на службу к персидскому царю, отразились на политических взглядах Фемистокла.

и иные точки зрения. Так, Я. Мансфельд отстаивает версию о том, что Анаксагор прожил в Афинах ок. 20 лет в период с 456–455 по 437–436 [Mansfeld, 1979, pp. 39-69].

В любом случае, можно не сомневаться в том, что в период деятельности в Афинах Фемистокл был лидером демократических сил. И если в это время он общался с Анаксагором, то, безусловно, его политические взгляды носили демократический характер.

Согласно античным источникам, дружеские отношения связывали Анаксагора и Еврипида. Страбон называет Еврипида слушателем (διδάσκων) Анаксагора [Страбон, 1964, с. 604]. Диоген Лаэртский называет Еврипида учеником (μαθητής) Анаксагора, который отразил в своих произведениях отдельные взгляды учителя [Диоген Лаэртский, 1986, с. 96]. О близких отношениях между Еврипидом и Анаксагором сообщают Цицерон и Дионисий Галикарнасский [Цицерон, 1975, с. 279; Лебедев, 1989, с. 508]. Как и в случае с Фемистоклом, мы сомневаемся, что Анаксагор мог оказать значительное влияние на политические взгляды Еврипида. Вполне возможно, что влияние Анаксагора на Еврипида ограничилось отдельными представлениями о космосе и небесных телах. Тем не менее в общественно-политических взглядах учителя и ученика могло быть определенное соответствие. О политических взглядах Еврипида можно судить на основании его богатого творческого наследия. В своих трагедиях Еврипид устами различных персонажей высказывает идеи, которые в той или иной степени отражают его собственные политические предпочтения.

Строго отрицательное отношение у Еврипида просматривается к единовластию. При этом афинский драматург критикует не только тиранию, но и монархию. В «Пелиадах» говорится: «Самое удивительное в человеческой жизни – это тирания. Ничего ужаснее не найти. Приходится губить и убивать друзей, ибо, если не сделаешь этого, будешь жить в величайшем страхе» [Gagarin, Woodruff, 1995, p. 72]. Еврипид высказывает распространенную в античности мысль о том, что тиран вынужден жить в постоянном страхе. В стремлении сохранить свою власть тиран пойдет на любые злодеяния. Он будет преследовать даже друзей и близких, а всех остальных заставит раболепствовать. В трагедии «Умоляющие» Тесей обвиняет тиранов в том, что они подрывают жизненные силы государства. Тираны и цари уничтожают и портят молодежь: «Лишь царю (βασιλεὺς) дух юности кичливой страшен. Царство он бережет и юношей казнит» [Еврипид, 1998, с. 298]. И далее Тесей восклицает: «А средства зачем копить, когда не детям их ты передашь; когда в сундук тирана они пойдут? Невинность дочерей оберегать зачем, коль, по желанью верховного, они его страстям должны служить к отцовскому позору? Уж лучше я бы умер, чем дитя б отдать царю» [Там же, с. 299]. В представлении Еврипида природа тирана глубоко порочна. Согласно Еврипиду, единовластие является самым несправедливым видом государственного устройства. Примечательно, что в критике единовластия у Еврипида звучат стандартные для сторонников демократии аргументы. В «Умоляющих» Тесей говорит: «Власть одного (τυράννου) есть худшее из зол для города. Бессильны и законы в такой стране, где царствует тиран и где закон есть воля» [Там же, с. 298]. Похожие мысли высказываются в «Антигоне»: «Править без закона, быть тираном, неразумно (eikos) и неправильно. Даже желание – глупость, когда человек хочет единолично властвовать над равными» [Gagarin, Woodruff, 1995, p. 70]. Именно для сторонников древнегреческой демократии была невыносима мысль о власти одного над всеми. Представление о том, что воля монарха является законом, было прямо противоположно главным демократическим ценностям – равенству и свободе.

Аристократия у Еврипида также подвергается критике. В трагедии «Финикиянки» Иокаста, обращаясь к сыну, говорит: «Из демонов ужаснейший теперь твоей душой владеет – Жажда чести (Φιλοτιμία). Оставь богиню эту! Правды нет в ее устах коварных, и всечасно

она отравой сладкой напояет цветущие семейства, города...» [Еврипид, 1999, с. 169]. Честолюбие в античности традиционно выступало в качестве одной из главных аристократических ценностей. Но господство этой страсти, согласно Еврипиду, способно нанести большой вред как отдельным людям, так и целому государству. В трагедии «Александр» хорошо видна антиаристократическая направленность мысли Еврипида: «Наша речь – пустая трата слов, если мы восхваляем высокое происхождение людей. Ибо давным-давно, когда мы впервые появились, земля, породившая смертных, решила вырастить нас всех одинаковыми. Мы ничем не отличаемся: благородные и неблагородные – один род, но время и *номос* породили эту надменность» [Gagarin, Woodruff, 1995, p. 70]. В представлении о равенстве всех людей по природе можно обнаружить две тенденции – демократическую и космополитическую. Независимо от того, какая из этих тенденций в наибольшей степени отражала взгляды Еврипида, его отношение к господству знати было как минимум настроженным и сдержанным. Олигархия у Еврипида удостоивается не меньшей критики. В «Финикиянках» Иокаста говорит: «И что оно, богатство? Тень, название... Да разве мудрый хочет быть богат? Мы даже не владельцы наших денег, Богам они принадлежат, богам: Хотят – дадут, хотят – опять отнимут» [Еврипид, 1999, с. 170]. В трагедиях Еврипида нередко встречается мысль о том, что стремление к богатству является признаком человеческой глупости и порочности. Еврипид, вероятно, разделяет распространенное в античности представление о том, что богатство не способно приблизить человека к мудрости и добродетели: «Здравый смысл – дар бога, а не богатства» [Gagarin, Woodruff, 1995, p. 70].

Когда в трагедиях Еврипида заходит речь о демократии, то тон высказываний кардинально меняется. В «Умоляющих» Тесей, обращаясь к герольду, произносит: «Ты ищешь здесь господ. Но город наш монарха (*ἄρχηται*) не имеет – он свободен (*ἐλευθέρα πόλις*), и граждане (*δῆμος*) посменно каждый год его делами правят (*ἀνάσσει*). А богатство (*πλοῦτω*) для нас не власть верховная – бедняк (*πένης*) такой же гражданин...» [Еврипид, 1998, с. 297]. В данном фрагменте подчеркивается важность такой демократической ценности, как свобода. Прямо говорится о том, что монархия – это власть господ. При демократии же все граждане свободны. Независимо от материального состояния все граждане обладают правом участия в государственных делах. Тесей произносит слова о демократии с нескрываемой гордостью. Далее Тесей воспекает другую важнейшую демократическую ценность: «А равенство (*ἴσον*)? Совсем другое дело, коли закон написан, если он для всех – один; коль слабый в правом деле и богача осилит. Вот девиз свободного народа: “Кто советом готов служить отчизне, говори!” Слова несут и славу, но никто их не требует» [Там же, с. 298]. В «Антиопе» звучат слова в поддержку такой демократической ценности, как свобода слова: «По любому вопросу можно устроить состязание (*agon*) двоеречий (*dissoi logoi*), если хочешь быть искусным оратором» [Gagarin, Woodruff, 1995, p. 70]. В творчестве Еврипида демократия не просто получает поддержку, она превозносится и даже идеализируется. Эмоциональную критику единовластия и олигархии и не менее эмоциональное восхваление демократии можно отчасти объяснить жанровой спецификой. Но даже в этих условиях сложно отрицать очевидные политические предпочтения Еврипида.

В речи Тесея демократия предстает в виде самого замечательного государственного строя: «Где власть в руках народа, там дети всем на радость: это – свежий прилив народной мощи» [Еврипид, 1998, с. 298]. В «Финикиянках» Еврипид идет еще дальше. Иокаста называет

равенство (ἰσότης) прекрасной богиней: «Среди людей она так мирно правит, друзей она и ратников роднит и с городом связует город вольный. В ней все: и справедливость и закон» [Еврипид, 1999, с. 170]. Может показаться, что Еврипид в своей приверженности демократии не знает границ. Однако это не совсем так. В «Умоляющих» Тесея отмечает, что государство состоит из трех классов – богачей, бедняков и граждан со средним достатком. От богачей никакой пользы для государства нет, они заботятся только о своем состоянии. Но, как говорит Тесея, «опасны и бедняки, и чернь, когда свое с угрозой подьмлют на имущих отравленное жало» [Еврипид, 1998, с. 291]. Согласно Тесею, «лишь средний класс (μέσω) для города опора; он законам покорствуется и власти» [Там же]. Мы полагаем, что Еврипид не доверял социальным низам. Вероятно, разгул черни в его глазах представлял собой не меньшее зло, чем власть богатых. Данное отношение, а также акцент на гражданах со средним достатком, свидетельствуют о том, что Еврипид критически оценивал радикальную демократию и склонялся к поддержке умеренной демократии.

Анаксагор и Перикл

Гораздо большее внимание в научной литературе традиционно уделяется теме отношений между Анаксагором и Периклом. О том, что Анаксагор был учителем Перикла, сообщают Плутарх, Исократ, Платон, Цицерон, Диоген Лаэртский, Олимпиодор. Сообщается, что Анаксагор оказал большое влияние не только на взгляды Перикла, но и на его поведение. Отмечается, что Анаксагор научил Перикла искусству красноречия. Это стало возможным благодаря тому, что Анаксагор привил Периклу возвышенный образ мыслей. В «Федре» Сократ говорит о том, что высокий образ мыслей и совершенство в искусствах проистекают из исследования природы возвышенных вещей: «Этим и обладает Перикл, кроме своей природной одаренности. Сблизившись с Анаксагором, человеком, по-моему, как раз такого склада, Перикл преисполнился познания возвышенного и постиг природу ума и мышления, о чем Анаксагор часто вел речь; отсюда Перикл извлек пользу и для искусства красноречия» [Платон, 2007, с. 215-216]. Плутарх пишет, что «самым близким Периклу человеком, который вдохнул в него величественный образ мыслей, возвышавший его над уровнем обыкновенного вожака народа, и вообще придал его характеру высокое достоинство, был Анаксагор из Клазомен» [Плутарх, 1961, с. 198-199]. Согласно Плутарху, во многом именно благодаря влиянию Анаксагора Перикл приобрел те качества, которые возвышали его над всеми современниками². Все источники сходятся в том, что Перикл действительно испытывал большое уважение к Анаксагору. Как пишет Плутарх, проникаясь учением Анаксагора о небесных явлениях, Перикл «не только усвоил себе высокий образ мыслей и возвышенность речи, свободную от плоского, скверного фиглярства, – но и серьезное выражение лица, недоступное смеху» [Там же, с. 199].

Как отмечают доксографы, еще одним следствием влияния Анаксагора стало отсутствие страха у Перикла перед силами природы. Знакомство Перикла с философией Анаксагора

² Дж. Хершбелл полагает, что Плутарх видел в Анаксагоре предшественника платоновского идеального «царя-философа»: «Хотя сам Анаксагор не был “царём” или правителем, он смог повлиять на Перикла своей жизнью и учениями, жизнью, посвящённой астрономии, геометрии и исследованию природы вещей» [Hershbell, 1982, p. 148]. Но несмотря на это влияние, Плутарх признает, что «сохраняется фундаментальное различие между жизнью философа и жизнью государственного деятеля» [Ibid].

привело к тому, что «он стал выше суеверного страха, внушаемого удивительными небесными явлениями людям, которые не знают их причин, теряют рассудок и приходят в смятение от божественных дел по неведению их» [Там же]. Важно отметить, что Перикл применял полученные от Анаксагора знания на практике. Ораторские способности Перикл успешно демонстрировал во время своих выступлений перед народом. А научно-философское объяснение природных явлений помогло Периклу успокоить людей во время солнечного затмения. По сообщению Цицерона, «когда солнце померкло и внезапно наступила тьма, а афинян охватил ужас», Перикл «будто бы объяснил согражданам то, что сам он узнал от Анаксагора, чьим учеником он был, – что это происходит в определенное время и неизбежно всякий раз, когда вся луна заслоняет нам круг солнца» [Цицерон, 1966, с. 15]. Тем самым Периклу удалось избавить сограждан от страха, который их охватил. В другой истории, которую передает Плутарх, Перикла не смутила голова однорогого барана, которую принесли из деревни. Якобы Анаксагор, разрубив череп животного, выявил причины этого отклонения [Плутарх, 1961, с. 199-200]. Насколько нам известно из источников, Анаксагор не принимал непосредственного участия в политической деятельности в Афинах. Однако то влияние, которое Анаксагор имел на Перикла, позволяет предположить, что его участие в общественно-политической жизни Афин могло носить косвенный и опосредованный характер³. Сообщение о том, что Перикл очень испугался, когда узнал о желании Анаксагора уйти из жизни, и переживал, что «лишится такого советника в государственных делах (ἀπολεῖ τῆς πολιτείας σύμβουλον)», представляется сомнительным, но при этом весьма показательным [Там же, с. 209].

В пользу версии о влиянии Анаксагора на Перикла может свидетельствовать эпизод о суде над ним в Афинах. По сообщению многочисленных источников, Анаксагор был привлечен к суду по обвинению в нечестии и богохульстве. Анаксагору вменялось в вину распространение им учения о том, что солнце является огненной глыбой. Для афинян, обожествлявших солнце, подобные взгляды носили оскорбительный характер. В изложении подробностей данного судебного дела существует большое количество версий. Согласно Сотиюну, обвинителем Анаксагора был Клеон, но благодаря защите Перикла «наказан он был пеней в пять талантов и изгнанием» [Диоген Лаэртский, 1986, с. 96]. Сатир передает, что к суду Анаксагора «привлек Фукидид, противник Перикла, и не только за нечестие, но и за персидскую измену, а осужден он был заочно и на смерть» [Там же]. Гермипп рассказывает, что Анаксагора осудили на смерть и бросили в тюрьму. Но Перикл выступил в его защиту перед народом и смог добиться его освобождения. Однако Анаксагор якобы «не вынес такой обиды и сам лишил себя жизни» [Там же]. Иероним сообщает, что Анаксагора «оправдали более из жалости, чем по разбору дела», после того как Перикл привел его в суд «таким обессиленным и исхудалым от болезни» [Там же]. Согласно Олимпиодору, Анаксагора изгнали из Афин посредством остракизма, однако впоследствии «его реабилитировали и вернули из ссылки» благодаря речи Перикла в его защиту [Лебедев, 1989, с. 511]. Как сообщает Плутарх, Анаксагор стал жертвой декрета Диопифа, согласно

³ Точки зрения об активной роли Анаксагора в общественно-политической жизни Афин придерживается А. К. Бергер: «Афинская демократия определила направление мыслей Анаксагора, но в то же время испытала на себе его влияние именно в том смысле, что он участвовал в выработке того мировоззрения, которое в той или иной мере было общим как для всех великих творцов демократической культуры “перикловых” Афин, так и для народной массы, активно участвовавшей в культурной и политической жизни» [Бергер, 1966, с. 179].

которому «люди, не верующие в богов или распространяющие учения о небесных явлениях», привлекались «к суду как государственные преступники» [Плутарх, 1961, с. 219]. Но Перикл помог Анаксагору тайно покинуть Афины.

Не касаясь анализа всех этих версий, отметим, на наш взгляд, самое важное. Во всех версиях суда над Анаксагором упоминается фигура Перикла. Это не случайно, поскольку уже в античности сложилось представление о том, что дело Анаксагора было частью политической борьбы, которая развернулась в Афинах против Перикла. Как пишет Плутарх, политические противники хотели «набросить подозрение на Перикла косвенным путем, через Анаксагора» [Там же]. Судебный процесс над Анаксагором и участие в нем Перикла подтверждают версию об их близких отношениях⁴. Это позволяет предположить, что в политических вопросах взгляды Анаксагора во многом совпадали со взглядами Перикла. Маловероятно, что Анаксагор, являясь в течение длительного времени другом и учителем Перикла, не разделял его политических взглядов и равнодушно или критически относился к его участию в государственных делах. Таким образом, следующим шагом в нашем исследовании является прояснение вопроса о политических взглядах Перикла.

Данный вопрос является не таким простым, каким может показаться. С одной стороны, Перикл традиционно рассматривается в качестве вождя афинской демократии, при котором Афины достигли вершины в своем военно-политическом развитии. С другой стороны, уже в античности отдельные авторы отмечали недемократические черты в правлении Перикла. О приверженности Перикла демократии в источниках сообщается следующее. Как отмечает Плутарх, по своему происхождению Перикл принадлежал к афинской аристократии. В молодые годы Перикл не являлся сторонником народа: «Так как он владел богатством, происходил из знатного рода, имел влиятельных друзей, то он боялся остракизма и потому не занимался общественными делами» [Там же, с. 200]. Но позднее он активно включился в политическую жизнь Афин. Перикл «стал на сторону демократии и бедных (τῷ δήμῳ προσένευεν), а не на сторону богатых и аристократов (ἀντὶ τῶν πλουσίων καὶ ὀλίγων) – вопреки своим природным склонностям, совершенно не демократическим» [Там же]. Плутарх объясняет политический выбор Перикла тем, что его главный оппонент Кимон был лидером аристократической партии. Поэтому Перикл свою политическую судьбу решил связать с демократической партией. С этого момента Перикл кардинально изменил свой образ жизни. Как сообщают источники, Перикл стал крупным демократическим политиком – демагогом. Исократ называет Перикла «великолепным вождем народа (δημαγωγὸς ὦν ἀγαθὸς) и прекрасным оратором (καὶ ῥήτωρ ἄριστος)» [Исократ, 2013, с. 351]. В «Афинской политике» сообщается, что уже в начале своей карьеры Перикл проявил себя в качестве демагога (δημαγωγός) [Аристотель, 1937, с. 38]. При этом отмечается, что после смерти Перикла демагогами стали не порядочные люди, «между тем как в прежнее время демагогами всегда бывали люди достойные» [Там же, с. 40]. При Перикле «государственный строй стал еще более демократичным (δημοτικώτερον)» [Там же, с. 39]. Перикл подорвал могущество афинской аристократии и укрепил позиции народа: «Перикл отнял некоторые права у ареопагитов и особенно решительно настаивал на развитии у государства морской силы.

⁴ Я. Мансфельд предполагает, что Периклу не удалось добиться оправдания Анаксагора. Тем не менее Перикл беспокоился за Анаксагора из-за его преклонного возраста. Перикл помог Анаксагору покинуть Афины после его осуждения и осесть в Лампсаке. Я. Мансфельд предполагает, что «именно Перикл отправил его туда и продолжал защищать, не рискуя, конечно, конфликтом с законом» [Mansfeld, 1980, p 81].

Благодаря ей простой народ почувствовал свою мощь и старался уже все политические права сосредоточить в своих руках» [Там же]. Как передает Плутарх, Перикл в своей политической деятельности активно применял демагогические приемы. Так, «раздачею денег на зрелища, платою вознаграждения за исполнение судебных и других обязанностей и разными вспомоществованиями Перикл подкупил народную массу и стал пользоваться ею для борьбы с Ареопагом» [Плутарх, 1961, с. 202]. О демократической ориентации Перикла свидетельствуют также его активные публичные выступления перед народом.

В то же время некоторые источники сообщают о недемократических чертах в политической деятельности Перикла. Согласно Фукидиду, Перикл в управлении городом не столько потакал народу и поддавался настроениям народной массы, сколько, опираясь на свой авторитет, сам руководил народом [Фукидид, 1981, с. 92]. И далее, характеризуя правление Перикла, Фукидид произносит известную фразу: «По названию это было правление народа (δημοκρατία), а на деле власть первого гражданина (πρώτου ἀνδρὸς ἀρχή)» [Там же]. Плутарх отмечает, что с ростом могущества в поведении Перикла произошли изменения. Он уже не был послушным орудием народа: «Вместо прежней слабой, иногда несколько уступчивой демагогии, наподобие приятной, нежной музыки, он в своей политике затянул песню на аристократический и монархический лад» [Плутарх, 1961, с. 208]. На основании этих и ряда других сведений некоторые исследователи пришли к выводу о том, что в правлении Перикла сочетались элементы демократии, аристократии и единовластия. Как пишет Х. Туманс, «Периклу и в самом деле прекрасно удавалось сочетать в себе черты как настоящего народного вождя нового типа, так и харизматического лидера старинного образца» [Туманс, 2010, с. 127]. Однако мы полагаем, что, несмотря на подобные оценки, Перикла нельзя считать сторонником аристократического или монархического государственного устройства. Аристократическое происхождение, благородное поведение, долгое пребывание у власти и незаурядные лидерские качества еще не делают из политика сторонника аристократии или монархии. В оценке политических взглядов важнее другое. На протяжении всей своей долгой политической карьеры Перикл отстаивал интересы народной партии. Он всегда опирался на афинский народ, был его лидером и противостоял афинской аристократии. Причем его борьба с олигархическо-аристократическими силами распространялась на всю Грецию. Перикл соблюдал все демократические процедуры и установления Афин. И он приложил немалые усилия для дальнейшей демократизации политической системы полиса. Все это позволяет нам сделать вывод о том, что Перикл был самой крупной фигурой в истории древнегреческой демократии.

Анаксагор и космополитизм

Анаксагору приписывается ряд высказываний, в которых звучат нехарактерные для греческого общества того времени идеи. По сообщению Диогена Лаэртского, Анаксагор, отказавшись от всех дел, «занялся умозрением природы (φυσικῶν θεωρίαν), не тревожась ни о каких делах государственных (ἤν οὐ φροντίζων τῶν πολιτικῶν)» [Диоген Лаэртский, 1986, с. 95]. Когда «его спросили: “И тебе дела нет до отечества?” Он ответил: “Отнюдь нет; мне очень даже есть дело до отечества (πατρίδος)!” – и указал на небо (οὐρανόν)» [Там же]. Всего одно высказывание Анаксагора демонстрирует несколько тенденций в его взглядах. Это и космополитизм, и индивидуализм, и аполитичность. Все эти тенденции просматриваются и в высказываниях Анаксагора о погребении. Как передает Диоген

Лаэртский, «кто-то сокрушался, что умирает на чужбине; Анаксагор сказал ему: “Спуск в Аид отовсюду одинаков”» [Там же, с. 96]. Похожую историю передает и Цицерон: «Отлично сказал и Анаксагор, когда умирал в Лампсаке, и друзья спрашивали его, не перенести ли его тело на родину в Клазомены: “Никакой надобности в этом нет – в преисподнюю путь отовсюду один и тот же”» [Цицерон, 1975, с. 242].

В Древней Греции вопрос о месте погребения играл важную роль в системе общественных и религиозных отношений. Для древних греков было важно быть погребенными после смерти на родине. Особое отношение к погребению было в Спарте, в которой существовал обычай: «тела тех, кто умер на чужбине, погребать на месте кончины, тела же царей доставлять на родину» [Плутарх, 1963, с. 233]. В жизнеописании Агесилая Плутарх рассказывает о том, что во время возвращения лакедемонян из Египта домой спартанский царь умер. В стремлении доставить на родину тело царя любой ценой «сопровождаящие Агесилая спартанцы залили тело за неимением меда расплавленным воском и доставили затем в Лакедемон» [Там же, с. 333]. Другой пример – Филопемён. Для его сограждан-ахейцев было делом чести отомстить врагам за его смерть и похоронить на родине [Там же, с. 19]. О важности погребения на родине для афинян свидетельствует эпизод с Фокионом. Осудившие на смерть афинского государственного деятеля Фокиона так сильно его ненавидели, что «проели новое постановление – чтобы труп его был выброшен за пределы Аттики, и чтобы ни один афинянин не смел разжечь огонь для его погребального костра» [Плутарх, 1964, с. 28]. Но прошло немного времени, обвинителей Фокиона осудили на смерть, а Фокиона реабилитировали. И в качестве восстановления справедливости Фокиону «была поставлена бронзовая статуя, а кости его преданы погребению на общественный счет» [Там же]. Сообщается, что по поводу места захоронения стратега Ахейского союза Арата развернулся спор. Поскольку Арат скончался в Эгии, то жители этого города хотели там же его похоронить и воздвигнуть памятник. Но сограждане Арата убедили ахейцев похоронить его на родине, в Сикионе [Там же, с. 400].

В истории Древней Греции можно обнаружить еще немало примеров особого отношения к вопросу о погребении. Даже погибших во время войн и походов соотечественников греки старались хоронить на родине. Такое отношение было связано с высоким ценностным статусом полисного патриотизма, частью которого являлась традиция захоронения граждан на родине. Слова же Анаксагора шли вразрез с устоявшимися представлениями древних греков. Это говорит о том, что полисный патриотизм, равно как и другие полисные устои, для Анаксагора не обладали большой ценностью. В высказываниях Анаксагора отчетливо просматриваются нотки космополитизма, что позволяет считать его одним из предшественников данного учения. Принято считать, что появление космополитических настроений в греческом обществе было обусловлено кризисом полисной системы в IV в. до н.э. Но время жизни Анаксагора пришлось на период расцвета полисной системы в V в. до н.э. Мы предполагаем, что космополитические высказывания Анаксагора были связаны с его погружением в созерцательную жизнь. Именно уход Анаксагора в научно-философскую деятельность объясняет его равнодушное отношение к общественно-политической жизни и выходящий за рамки традиционных полисных ценностей возвышенный образ мыслей.

В качестве подтверждения нашего предположения выступают многочисленные свидетельства об устремленности Анаксагора к созерцательной жизни. К первой группе сведений о научно-философском образе жизни Анаксагора можно отнести сообщения о его

отказе заниматься своим хозяйством ради созерцания природы. Согласно Диогену Лаэртскому, «свое наследство он уступил родственникам; они попрекали его, что он не заботится о своем добре, а он ответил: “Почему бы тогда вам о нем не позаботиться?”» [Диоген Лаэртский, 1986, с. 95]. Плутарх упоминает об Анаксагоре, «который по вдохновению свыше или по внушениям своего великого духа бросил свой дом, оставил землю без обработки на пастбище овцам» [Плутарх, 1961, с. 209]. Сократ называет Анаксагора «неразумным мудрецом», который «по беззаботности потерял» все деньги, оставленные ему по наследству [Платон, 2006, с. 158]. Цицерон рассказывает об Анаксагоре и Демокрите, которые покинули свои земли и имения, «чтобы всей душой предаться божественной радости науки и исследования» [Цицерон, 1975, с. 355]. Филон Александрийский также сообщает о том, что Анаксагор и Демокрит удостоились славы за то, «что, охваченные вожделием к философии, они бросили свои владения невозделанными» [Лебедев, 1989, с. 509]. Валерий Максим передает, что, «воротясь из долгих странствий на родину и увидев свои владения заброшенными», Анаксагор сказал: «Я бы не уцелел, если бы они не пропали» [Там же, с. 513]. Ко второй группе сведений можно отнести сообщения, в которых Анаксагор провозглашает созерцательную деятельность в качестве конечной цели жизни. Так, на вопрос, для чего он родился на свет, Анаксагор ответил: «Для наблюдения солнца, луны и неба» [Диоген Лаэртский, 1986, с. 96]. Как передает Климент Александрийский, «традиция приписывает Анаксагору из Клазомен воззрение, согласно которому целью (βίου τέλος) является созерцательная жизнь (θεωρίαν) и свобода (ἐλευθερίαν), которая таким образом достигается» [Климент Александрийский, 2003, с. 327].

Заключение

В ходе проведенного исследования мы установили, что политические предпочтения Анаксагора характеризуются сочетанием демократических и космополитических идей. Демократические настроения Анаксагора были обусловлены его длительным пребыванием в Афинах и близким общением с выдающимися политиками и деятелями культуры. Акме Анаксагора совпало с «золотым веком» Афин и наивысшим расцветом древнегреческой демократии. Среди учеников и слушателей Анаксагора были Перикл, Еврипид и, возможно, Фемистокл. При этом Перикл и Фемистокл являются крупнейшими демократическими политиками в истории античного мира. Именно их политическая деятельность привела к тому, что демократия стала одним из главных видов государственного устройства в Древней Греции. Еврипид же воспел в своих трагедиях демократические ценности (свободу и равенство) и подверг резкой критике единовластие, олигархию и аристократию. Маловероятно, что Анаксагор, находясь в данных обстоятельствах, сохранял равнодушное или, тем более, критическое отношение к демократии. Анаксагор мог не являться горячим сторонником демократии, но определенные симпатии к этому государственному строю он, вероятно, имел. Космополитические настроения у Анаксагора проявились в его высказываниях об отечестве и месте захоронения. Представление о том, что весь космос является отечеством, и безразличное отношение к месту захоронения позволяют рассматривать Анаксагора в качестве одного из предшественников космополитического учения в античности. Как мы показали, данные представления Анаксагора были связаны с его общей устремленностью к созерцательной жизни.

Список литературы / References

- Аристотель. (1937). *Афинская полития. Государственное устройство афинян*. Пер. С. И. Радцига. 2-е изд. М. 254 с.
- Aristotle. (1937). *The Constitution of the Athenians. The State Structure of the Athenians*. Radzig, S. I. (transl.). 2nd ed. Moscow. 254 p. (In Russ.)
- Бергер, А. К. (1966). *Политическая мысль древнегреческой демократии*. М. 359 с.
- Berger, A. K. (1966). *Political Thought of Ancient Greek Democracy*. Moscow. 359 p. (In Russ.)
- Дворецкий, И. Х. (1958). *Древнегреческо-русский словарь*. В 2-х т. Т. 1. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей. 1043 с.
- Dvoreckiy, I. H. (1958). *Ancient Greek-Russian Dictionary*. In 2 vols. Vol. 1. Moscow. 1043 p. (In Russ.)
- Диоген Лаэртский. (1986). *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*. Пер. М. Л. Гаспарова, ред. А. Ф. Лосев. 2-е изд. М. 570 с.
- Diogenes Laertius (1986). *Lives and Opinions of Eminent Philosophers*. Gasparov, M. L. (transl.), Losev, A. F. (ed.). 2nd ed. Moscow. 570 p. (In Russ.)
- Еврипид. (1998). *Трагедии*. В 2-х т. Т. 1. Пер. с древнегреч. И. Анненского, изд. подгот. М. Л. Гаспаров, В. Н. Ярхо. М: Ладомир, Наука. 644 с.
- Euripides. (1998). *Tragedies*. In 2 vols. Vol. 1. Annensky, I. (transl.), Gasparov, M. L., Jarho, V. N. (eds.). Moscow. 644 p. (In Russ.)
- Еврипид. (1999). *Трагедии*. В 2-х т. Т. 2. Пер. с древнегреч. И. Анненского, изд. подгот. М. Л. Гаспаров, В. Н. Ярхо. М: Ладомир, Наука. 699 с.
- Euripides. (1999). *Tragedies*. In 2 vols. Vol. 2. Annensky, I. (transl.), Gasparov, M. L., Jarho, V. N. (eds.). Moscow. 699 p. (In Russ.)
- Исократ. (2013). *Речи. Письма. Малые аттические ораторы*. Ред. Э. Д. Фролов. М.: Ладомир. 1072 с.
- Isocrates. (2013). *Speeches. Letters. Minor Attic Orators*. Frolov, Je. D. (ed.). Moscow. 1072 p. (In Russ.)
- Климент Александрийский. (2003). *Строматы*. Т. 1 (Кн. 1-3). Ред. Е. В. Афонасин. СПб.: Изд-во Олега Абышко. 544 с.
- Clement of Alexandria. (2003). *The Stromata*. Vol. 1 (Books 1–3). Afonasin, E. V. (ed.). St. Petersburg. 544 p. (In Russ.)
- Лебедев, А. В. (1989). *Фрагменты ранних греческих философов*. М. 575 с.
- Lebedev, A. V. (1989). *Fragments of Early Greek Philosophers*. Moscow. 575 p. (In Russ.)

Платон. (2006). Гиппий Большой. Пер. А. В. Болдырева. *Платон. Сочинения в четырех томах*. Т. 1. Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. СПб. С. 153-192.

Plato. (2006). Hippias Major. Boldyrev, A. V. (transl.). In Losev, A. F. and Asmus, V. F. (eds.). *Plato. Essays in four volumes*. Vol. 1. St. Petersburg. Pp. 153-192. (In Russ.)

Платон. (2007). Федр. Пер. А. Н. Егунова. *Платон. Сочинения в четырех томах*. Т. 2. Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. СПб. С. 161-228.

Plato. (2007). Phaedrus. Egunov, A. N. (transl.). In *Plato. Essays in four volumes*. Vol. 2. Losev, A. F. and Asmus, V. F. (eds.). St. Petersburg. Pp. 161-228. (In Russ.)

Плутарх. (1961). *Сравнительные жизнеописания*. В 3-х т. Т. 1. Изд. подгот. С. П. Маркиш и С. И. Соболевский. М.: Академия наук СССР. 504 с.

Plutarch. (1961). *The Parallel Lives*. In 3 vols. Vol. 1. Markish, S. P., Sobolevsky, S. I. (eds.). Moscow. 504 p. (In Russ.)

Плутарх. (1963). *Сравнительные жизнеописания*. В 3-х т. Т. 2. Изд. подгот. М. Е. Грабарь-Пассек и С. П. Маркиш. М.: Академия наук СССР. 545 с.

Plutarch. (1963). *The Parallel Lives*. In 3 vols. Vol. 2. Grabar-Passek, M. E., Markish, S. P. (eds.). Moscow. 545 p. (In Russ.)

Плутарх. (1964). *Сравнительные жизнеописания*. В 3-х т. Т. 3. Изд. подгот. С. П. Маркиш. М.: Наука. 546 с.

Plutarch. (1964). *The Parallel Lives*. In 3 vols. Vol. 3. Markish, S. P. (eds.). Moscow. 546 p. (In Russ.)

Туманс, Х. (2010). Перикл на все времена. *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*. № 10 (53). С. 117-154.

Tumans, H. (2010). Pericles Forever. *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*. No. 10 (53). Pp. 117-154. (In Russ.)

Страбон. (1964). *География*. Пер. Г. А. Стратановского, ред. С. Л. Утченко. Л. 943 с.

Strabo. (1964). *Geography*. Stratanovsky, G. A. (transl.), Utchenko, S. L. (ed.). Leningrad. 943 p. (In Russ.)

Фукидид. (1981). *История*. Пер. Г. А. Стратановского. Изд. подгот. Г. А. Стратановский, А. А. Нейхард, Я. М. Боровский. Л. 543 с.

Thucydides. (1981). *The History of the Peloponnesian War*. Stratanovsky, G. A. (transl., ed.), Neihard, A. A., Borovsky, Ya. M. (eds.). Leningrad. 543 p. (In Russ.)

Цицерон. (1966). *О государстве*. Пер. В. О. Горенштейна. *Цицерон. Диалоги*. Изд. подгот. И. Н. Веселовский, В. О. Горенштейн и С. Л. Утченко. М.: Наука. 224 с.

Cicero. (1966). *On the Republic*. Gorenstein, V. O. (transl.). In Veselovsky, I. N., Gorenstein, V. O. and Utchenko, S. L. (eds.). *Cicero. Dialogues*. Moscow. 224 p. (In Russ.)

Цицерон. (1975). Тускуланские беседы. Пер. М. Гаспарова. *Цицерон. Избранные сочинения*. Пер. и ред. М. Гаспарова, С. Ошерова и В. Смирин. М. 456 с.

Cicero. *The Tusculanae Disputationes*. Gasparov, M. (transl.). In Gasparov, M., Osharov, S. and Smirin, V. (eds.). *Cicero. Selected writings*. Moscow. 456 p. (In Russ.).

Cleve, F. M. (1973). *The Philosophy of Anaxagoras*. The Hague. Martinus Nijhoff. 168 c.

Curd, P. (2007). *Anaxagoras of Clazomenae: Fragments and Testimonia: A Text and Translation with Notes and Essays*. University of Toronto Press. 279 p.

Davison, J. A. (1953). Protagoras, Democritus, and Anaxagoras. *The Classical Quarterly, New Series*. Vol. 3. No. 1-2. Pp. 33-45.

Gagarin, M., Woodruff, P. (1995). *Early Greek Political Thought from Homer to the Sophists*. Cambridge University Press. 288 c.

Hershbell, J. (1982). Plutarch and Anaxagoras. *Illinois Classical Studies*, Vol. 7. No. 1. Pp. 141-158.

Mansfeld, J. (1979). The Chronology of Anaxagoras Athenian Period and the Date of His Trial. *Mnemosyne*. Fourth Series. Vol. 32. Fasc. 1/2. Pp. 39-69.

Mansfeld, J. (1980). The Chronology of Anaxagoras Athenian Period and the Date of His Trial. Part II. The Plot against Pericles and His Associates. *Mnemosyne*. Fourth Series. Vol. 33. Fasc. 1/2. Pp. 17-95.

Woodbury, L. (1981). Anaxagoras and Athens. *Phoenix*. Vol. 35. No. 4. Pp. 295-315.

Сведения об авторе / Information about the author

Бровкин Владимир Викторович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева 8, e-mail: vbrovkin1980@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-0344-3304>.

Статья поступила в редакцию: 15.04. 2026

После доработки: 15.05.2026

Принята к публикации: 29.05. 2026

Brovkin Vladimir – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: vbrovkin1980@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-0344-3304>.

The paper was submitted: 15.04. 2026

Received after reworking: 15.05.2026

Accepted for publication: 29.05. 2026

УДК 1(091)

ВОЗМОЖНА ЛИ РЕКОНСТРУКЦИЯ ЭПИСТЕМЫ РАННЕГО ПИФАГОРЕИЗМА?

А. Н. Габов

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
realgabov@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена вопросам возможности рациональной реконструкции эпистемы раннего пифагореизма (ок. 530 – 430 гг. до н. э.). Определение эпистемы как точного, доказательного, теоретического знания дано в трактовке Аристотеля, обобщенной Р.С. Платоновым. Рассмотрен ряд характеристик философского знания пифагорейцев-математиков, в рамках которых исследователем может быть осуществлен поиск эпистемических констант и зафиксированы его результаты. Сделан вывод о том, что эпистема раннего пифагореизма, найденная как модель математической философии, способна выявить ключевые особенности исторического перехода от математики к философии.

Ключевые слова: эпистема, ранний пифагореизм, модель математической философии, числовая философия, досократическая философия.

Для цитирования: Габов, А. Н. (2026). Возможна ли реконструкция эпистемы раннего пифагореизма? *Respublica Literaria*. Т. 7. № 2. С. 44-54. DOI: 10.47850/RL.2026.7.2.44-54.

IS IT POSSIBLE TO RECONSTRUCT THE EPISTEME OF EARLY PYTHAGOREANISM?

A. N. Gabov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
realgabov@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the possibility of rational reconstruction of the episteme of early Pythagoreanism (c. 530–430 BC). The definition of episteme as accurate, provable, theoretical knowledge is given in Aristotle's interpretation, generalized by R. S. Platonov. A number of characteristics of the philosophical knowledge of Pythagorean mathematicians are considered, within which the researcher can search for epistemic constants and record his results. The conclusion is made that the episteme of early Pythagoreanism, found as a model of mathematical philosophy, is capable of revealing the crucial features of the historical transition from mathematics to philosophy.

Keywords: episteme, early Pythagoreanism, model of mathematical philosophy, numerical philosophy, pre-Socratic philosophy.

For citation: Gabov, A. N. (2026). Is it Possible to Reconstruct the Episteme of Early Pythagoreanism? *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 2. Pp. 44-54. DOI: 10.47850/RL.2026.7.2.44-54.

«Невозможна», – делает вывод на основе многолетней череды изысканий в истории пифагорейской философии Леонид Яковлевич Жмудь. Пожалуй, самый известный и наиболее часто цитируемый русскоязычный исследователь Пифагора и его школы фактически отказывает италийцу и его ранним последователям в наличии внятно

формулируемой эпистемы. В частности, подвергнув обстоятельному рассмотрению числовую доктрину, автор делает вывод, что «теория, считавшаяся сутью пифагорейской философии, теория, за которой стоит авторитет Аристотеля как источника и как историка философии, оказывается, подобно многим другим элементам античной традиции о пифагорейцах, ретроспективной проекцией» [Жмудь, 2012, с. 353]. Характерно при этом, что исследователь дает шанс другой, относимой непосредственно к Пифагору концепции, отмечая, что «единственным надежно засвидетельствованным учением Пифагора является метемпсихоз» [Там же, с. 49].

Совсем иную точку зрения можно встретить у не менее известного историка философии, занимавшегося, в том числе, наследием италийских философов, А. Н. Чанышева. Рассуждая о проблеме секретности пифагорейской доктрины, он упоминает Дж. Бэрнета, который полагал, что «секретность раннего пифагореизма – вымысел, нужный для объяснения отсутствия пифагорейских сочинений» [Цит. по: Чанышев, 1975, с. 16]. Чанышев видит в этом «пример гиперкритики» [Чанышев, 1975, с. 16]. По его мнению, иначе как через принятие во внимание фактора секретности, трудно «объяснить тот факт, что та ранняя информация, которая имела у древних в период существования пифагореизма, очень бедна, но она возрастает после того, как Пифагорейский союз перестал существовать и когда запрет был как бы снят» [Там же].

С позиций математической философии, специфика строгого умолчания в отношении философской доктрины в рамках раннего пифагорейского сообщества помимо прочего могла состоять также и в том, что метафорические разъяснения являются онтологически несоизмеримо более *дорогими* по сравнению с уравнениями и теоремами как в плане экспликации, так и в плане доказательств. При переходе в долину философии математик вынужден подозревать внутреннего философа в излишней расточительности уже в тот момент, когда на смену экономичным формулировкам, достаточным для какой-либо теоремы, на первый план выдвигаются существенно более массивные, нагруженные посторонними смыслами, но и в то же время более хрупкие, с точки зрения стройности доказательств, нарративы. Вместе с тем потребность в универсальном онтологическом принципе в среде ранних пифагорейцев-математиков растет. Максимы уровня «*все есть число*», «*все есть мера*», «*все соразмерно*», «*все измеримо и соизмеримо*» являют собой чрезвычайно экономичную холистическую конструкцию, требующую минимальных поправок и уточнений.

По Чанышеву, количественный рост информации о пифагорейских изысканиях после распада Пифагорейского союза косвенно подтверждает само наличие того материала, на основе которого исследователи и по сей день имеют возможность реконструировать историю раннего пифагореизма. С такого ракурса гиперкритическая модель, к которой склоняется в том числе и Жмудь, выглядит как попытка редуцировать всю ценность раннего пифагореизма к собирательному образу исторического деятеля, многовековой филологической игре или же отвлеченному конструкту авторства Аристотеля. К примеру, начиная раздел «Пифагорейская философия» в монографии «Пифагор и его школа (ок. 530 – ок. 430 гг. до н.э.)», Жмудь сразу же делает оговорку о том, что «заглавие этого раздела взято в кавычки не потому, что у ранних пифагорейцев не было философии. Она, разумеется, была, хотя и вовсе не походила на ту, которая описана Аристотелем. Но главное заключается

не в этом. Если отказаться от числа как краеугольного камня, на котором основывалась философия всех пифагорейцев, то окажется, что никакой общепифагорейской философии не существовало, ибо каждый из них развивал собственную систему взглядов» [Жмудь, 1990, с. 174-175]. Здесь следует отметить, что, по замечанию историка философии А. Б. Павловой, «у западных исследователей античности (В. Буркерт, К. Фриц, Э. Франк) достаточно широко распространено историко-философское направление, гиперкритически настроенное по отношению к достоверности большинства античных источников. Например, Э. Франк отказывает пифагореизму в самостоятельном существовании, считая, что свидетельства об этом учении были созданы в Академии Платона» [Павлова, 2005, с. 12].

Более взвешенно подходит к проблеме У. К. Ч. Гатри, находя, что «ведущая идея любой философской системы проясняется, когда мы понимаем ее цель ... Для Пифагора и его последователей философия должна была служить прежде всего основой образа жизни, и более того, пути к вечному спасению» [Гатри, 2015, с. 335]. Телеология, вменяемая автором раннему пифагорейскому сообществу, хотя и не содержит прямых указаний на эпистему, служит в данном случае неплохим примером позитивной методологии в отношении поднятой нами историко-философской проблемы. Выраженный плюрализм мнений в рядах последователей Пифагора У. К. Ч. Гатри считает вполне естественным в силу того, что пифагорейская школа и ее общины «развивались в разных направлениях, и, как мы узнаем из Аристотеля, “некоторые пифагорейцы” придерживались одних доктрин, а другие других, хотя все заявляли о верности основателю школы. Это не облегчает нашу задачу, но, по крайней мере, означает, что противоречия – не повод для отчаяния или поспешного вывода, что наши источники ошибались: не менее вероятно, что они верно отражали исторические факты» [Гатри, 2015, с. 334].

Я. Хакинг в недавней монографии «Почему вообще существует философия математики?», несмотря на достаточно экспрессивный и непоследовательный стиль изложения, выдает целый ряд разносторонних формулировок, касающихся ранней пифагорейской философии. Например, автор высказывает точку зрения, согласно которой именно из «соединения арифметики – не целых чисел, а пропорций между ними, – со свойствами прямой линии ... рождается мечта Пифагора: вселенная по своему характеру является математической» [Хакинг, 2020, с. 27-28]. Хакинг сравнивает эту позицию с позицией М. Тегмарка, согласно которой «наш физический мир *есть* абстрактная математическая структура» [Цит по: Хакинг, 2020, с. 28].

Историк философии А. И. Щетников сходно видит логическую основу пифагорейской философии в составляющих, расположенных на линии *космос – порядок – гармония – соразмерность – числовые отношения – число*. В частности, автор указывает, что «по преданию, Пифагор (570–497 до н. э.) первый назвал мироздание словом “космос” (κόσμος = надлежащий порядок). Цель пифагорейской общины состояла в обустройстве жизни в согласии с божественным космическим законом. Начала такого обустройства Пифагор и его ученики видели в правильной связи (ἀρμονία) и соразмерности (συμμετρία) всего сущего; источником же соразмерности служили числовые отношения, и поэтому первоначалом (ἀρχή) всего оказывалось число» [Щетников, 1997, с. 4]. Набор представленных здесь мнений по вопросам истории раннепифагорейской философии, а также мнений в отношении возможности валидной реконструкции эпистемы, разумеется, далеко не полон.

Пифагорейцы-как-сообщество-математиков

Выделим три сектора раннего пифагорейского сообщества (ок. 530–490 гг. до н. э.), которые могли бы условно отграничить его участников по направлению их основной деятельности: пифагорейцы-как-политическое-сообщество, пифагорейцы-как-религиозно-философское-сообщество и пифагорейцы-как-сообщество-математиков. Если смотреть на Пифагора как на политика, фокус смещается в сторону идеологии, задача которой утилитарна – сплотить школу, гетерию. Если усматривать в Пифагоре религиозного лидера, пророка, толкователя и мудреца, то центр тяжести исследований вынужденно смещается к полюсу иррационального. Если же говорить о Пифагоре как о математике, то и деятельность его школы в текстах исследователя будет тендировать к рациональности и научным методам.

К эпохе Аристотеля (384–322 гг. до н. э.) уже довольно длительное время существовало неопределенное количество околomатематических мыслителей, которых необходимо было каким-то образом классифицировать. По-видимому, связать таких мыслителей воедино посредством горизонтальных связей между ключевыми точками их доктринальных позиций представлялось весьма сложной задачей даже для такого профессионала в каталогизации, каковым был Стагирит. В такой ситуации необходимо было отыскать ту вершину, которая надежно соединяла бы их гипотезы на более высоком уровне абстракции. Этой суперпозицией и стала так называемая *числовая философия*. Во многом для Аристотеля «пифагорейцы» и «так называемые пифагорейцы» (обсуждение проблемы различий между первыми и вторыми здесь намеренно опускается) – суть утилитарный ярлык для околomатематических мыслителей периода с 530 до 322 гг. до н. э. по той простой причине, что номинальный Пифагор – и философ, и математик одновременно.

Ключ к эпистеме

Одной из важнейших посылок к возможности реконструкции эпистемы можно считать догадку ранних пифагорейцев о том, что и в основе получения сведений о размерах земельных участков, и в основе получения сведений о космосе в целом, лежат числа. Для математика и геометра такое утверждение будет обладать всеми признаками истинности. Но будет ли такое утверждение истинным для философа? Гносеология пифагорейской числовой концепции помимо имманентного модуса *упорядочения* явно несет в себе также и попытку построения эпистемы с широким основанием в виде геометрических и числовых структур. Участники сообщества математиков, находящиеся в своеобразной эхо-камере пифагорейской общины, с высокой долей вероятности переносили особенности своего «ремесла» на мировоззрение. При этом соединение математики с философией неизбежно проходило через своеобразный «шлюз» метафоры в силу различия средств выражения. Появление метафоры в данном случае было вызвано необходимостью обеспечения передачи следующей логики: 1) космос есть порядок, 2) числа есть порядок, 3) космический порядок *соответствует* некоему порядку чисел, 4) познание космоса, таким образом, возможно через познание *соответствующих* числовых взаимоотношений. Весьма удачными на этот счет выглядят комментарии, которые дает К. Хаффмен на фрагмент В4 Филолая: «*И впрямь все, что познается, имеет число, ибо невозможно ни понять ничего, ни познать без него*»

[Цит по: Афонасина, 2021, с. 85]. Хаффмен указывает, что здесь «число взято в качестве прототипа того, что познаваемо. Ничто не является более детерминированным и точным, чем числовое отношение ...» [Там же]. Ямвлих в комментариях к Никомаху сообщает, что «Филолай называет число “всемогущей и самородной связью вечного пребывания космических вещей»» [Фрагменты ранних греческих философов ..., 1989, с. 446].

Модальность искомой эпистемы

Р. С. Платонов предельно обобщает понятие аристотелевской эпистемы, указывая, что «эпистема в строгой трактовке Аристотеля – это именно точное, доказательное знание: ее предмет – “общее и существующее с необходимостью”, соответственно, “вечное” – то, что “не возникает и не уничтожается” [EN 1139 b 20–25]; ее метод – “доказательство” (ἀπόδειξις), исходящее из “начал” (ἀρχῶν)², которые в свою очередь усматриваются умом непосредственно [EN 1140 b 30–35]; ее задача – раскрыть вещи как таковые, то есть ответить на вопрос “что?” (τί) – “что есть” (τί ἐστίν) добродетель [EE 1220 a 10–15], “что есть верное суждение” (τίς ἐστὶν ὁ ὀρθὸς λόγος) [EN 1138 b 30–35] и т. д. Аристотель также называет такое знание – “теоретическое” (θεωρητικός), то есть умозрительное [Met 1064 a 15–20], поэтому в исследовательской литературе области знания, относящиеся к эпистеме в узком смысле, часто называются теоретическими науками» [Платонов, 2022, с. 49-50]. Открытым при этом остается вопрос о том, как определить *minimum minimorum* понятий, достаточный для валидной реконструкции эпистемы.

Схематически генезис досократических онтологий можно представить в виде следующих этапов: 0. Вопросание: «что есть все?» 1. Ответ: «все есть (например, число)». 2. Эпистемические разъяснения (зачастую посредством метафор). 3. Понятия как закономерная кристаллизация эпистемических разъяснений. В оптике современного историка философии генезис философии раннего пифагореизма успешно проходит нулевой, первый и обогащенный достаточным уровнем полемики второй этапы, но не достигает понятийности характерной для заключительного этапа, т. е. этапа формирования эпистемического минимума. Ключ к вопросу, таким образом, лежит именно в области эпистемических разъяснений. В зависимости от методологии и фокуса, исследователи вменяют раннему пифагореизму черты религиозно-этической (Жмудь, Афонасин), абстрактно-математической (Щетников, Хакинг) или общественно-политической (Гатри, Чанышев) философии. Афонасин, например, делая выводы из проанализированного им материала, переносит центр тяжести вопросов к раннепифагорейской философии на метемпсихоз, а также на связи раннего пифагореизма с орфической традицией и мистериальными культами. Щетников, напротив, больше углубляется в особенности древнегреческой системы счисления, геометрии и практики строительства храмов, выводя из прикладной математики пифагорейцев основания философии *соразмерности* и *порядка*. Хаффмен пытается обозначить своеобразную диалектику в реконструкции эпистемы раннепифагорейской философии с культурологической позиции, отмечая, что «в классической традиции наблюдается разрыв между учеными, которые все еще рассматривают греческую культуру как модель для рационального исследования, и теми, кто заостряет внимание на иррациональном в греческой культуре. Пифагор в полной мере становится и тем, кто впервые осознал роль математики в описании природного порядка, и колдуном, и шаманом» [Цит по: Афонасина, 2021, с. 65].

В случае раннего пифагореизма нам необходимо обратить внимание и на нулевую стадию формирования эпистемы, а значит – на вопрошание как таковое. «*Что есть все?*» – представляет собой *онтологическое* вопрошание о природе реальности. «*Все есть число и все из чисел*» – выдвинутый ранними пифагорейцами-математиками *гносеологический* метод постижения реальности. Именно эпистемические разъяснения данного метода посредством метафор, направленных от достаточно узкого на тот момент круга пифагорейцев-математиков к более широкому кругу школы пифагорейцев в целом, непосредственно маркируют переход от математического знания к философскому. Вместе с тем нет данных о том, что данный переход приводит к появлению и обоснованию выраженных философских понятий, необходимых для реконструкции эпистемы. В этой связи в историографии вопроса и возникает ряд разнонаправленных трактовок относительно «ядра» философского знания ранних пифагорейцев. Эпистемические разъяснения, не будучи кристаллизованными до уровня понятийности, приводят исследователя к поиску таковой во внутренней *логике* математического знания ранних пифагорейцев.

Таким образом, при удержании позиции приоритета математической философии исследователь может приступить к поиску и уточнению формулировок искомой эпистемы в рамках следующих характеристик:

1. *Рациональность и масштабируемость* эпистемы подразумевает методологию описания *частей* космоса вне зависимости от их размеров, протяженности и объема, а также космоса *целиком*, включая аспекты описания пространства и времени. При этом, разумеется, необходимо отличать простое внедрение пифагорейской школой количественных методов в какую-либо сферу своих изысканий от математической философии как таковой. Появление математической философии у ранних пифагорейцев может достоверно фиксироваться посредством минимального обнаружения необоснованно-расширенного, с точки зрения его онтологической «стоимости», разъяснения для той или иной аксиомы, теоремы или уравнения, а также смещения математических обоснований и доказательств во все более и более насыщенные нарративы. Окончательным этапом может выступать формулирование холистических установок и, наконец, появление «числового идеализма» платоновского типа.

2. *Аксиоматизация и доказательность*. В данном случае реконструкция становится возможной за счет ретроспективного выделения в философии ранних пифагорейцев методов и принципов, являющихся базовыми основаниями математического знания. Сформулированная в ключе аксиоматического и доказательного подходов, эпистема имеет потенцию к принятию вида достаточно строгой и полноценной структуры взаимозависимых понятий, не требующих дальнейших экспликаций. Вместе с тем такая эпистема будет уже надежно дистанцирована от жесткого и ограниченного догмата чистой максимы. Перенос параметра *истинности* с математических утверждений на утверждения философские выходит здесь на первый план. Говоря об идее доказательства как таковой, Ливио указывает, что «именно пифагорейцы превратили эту привычку в совершенный инструмент, позволявший удостовериться в истинности математических утверждений. Значение этого прорыва в логике колоссально. Когда математика стала прибегать к доказательствам, основанным на постулатах, сразу же оказалось, что она покоится на куда более прочном фундаменте, чем любая другая научная дисциплина, которую обсуждали философы того времени. Как только удавалось представить строгое доказательство, основанное на последовательности умозаключений, где не было никаких логических оплошностей, истинность соответствующего математического утверждения становилась незыблемой

навечно» [Ливио, 2016, с. 51]. Логичным будет предположить, что и философия, черпавшая из базовой дисциплины свои методы, получала у ранних пифагорейцев-математиков наивысший приоритет в сравнении с менее аргументированными доктринами.

Хинтиikka говорит, что аксиоматизация – это систематизация истин некоторой дисциплины, которая «получается, если можно так выразиться, сжатием всех истин о предмете в конечное (или рекурсивно перечислимое) множество аксиом. В определенном смысле они говорят вам все, что может быть сказано об этом предмете. Такая аксиоматизация, если она является полной, даст вам обзор всей области исследования. Если вы в своем исследовании достигли полной аксиоматической системы, тогда остальная ваша работа будет состоять в простом выжимании логических следствий из аксиом. Вы не нуждаетесь больше в новых наблюдениях, экспериментах или других данных. Достаточно изучить аксиомы и не нужно больше обращаться к реальности, которую аксиомы представляют» [Хинтиikka, 2022, с. 33-34]. Если считать онтологию той самой *областью исследования* ранних пифагорейцев-математиков, то, вероятнее всего, холистической картины они могли достигать только посредством логических следствий из известных им математических аксиом, тем или иным способом перенесенных в философию. Здесь интерес представляют именно пути перехода к такого рода числовой философии, которой больше не нужно обращаться к эмпирической реальности для производства умозаключений.

В среде ранних пифагорейцев математика сближается с философией именно по причине того, что философская истина сходно с истиной математической должна быть доказана неким заранее утвержденным в достаточно узком кругу «экспертов» способом. Различие же заключалось в том, что математика времени ранних пифагорейцев являлась аксиоматической, либо доказательной арифметико-геометрической *логикой*, т. е. логикой, основанной на внутренних правилах данных дисциплин, где в рассуждениях геометра или математика уже учтен какой-либо базовый набор аксиом, либо, напротив, представлена экономичная последовательность доказательств; в то время как онтология ранних *пифагорейцев-как-сообщества-математиков*, эксплицирующая *структуру* и *логику* космического порядка через математические соотношения, вынужденно переходила к более широким языковым моделям описания. Язык, в свою очередь, является не требующей жесткой аргументации семантически–прагматической *логикой*, в рамках которой вербальная информация подвергается анализу с двух сторон: семантика отвечает за буквальный смысл, истинность и значение знаков, а прагматика – за контекст, цель использования такой информации и ее ценность для получателя. Возможно, именно поэтому об открытых пифагорейцами математических принципах, лежащих в основании мироздания, было запрещено рассказывать непосвященным, чтобы всякий раз вынужденно не переходить на уровень слабой метафорической аргументации.

3. *Логос порядка и математическая истинность*. Идея «космоса как порядка», возникающая при описании сущего, сама по себе уже является неким начальным вариантом абстрагирования от эмпирики. Для осуществления перехода на следующую ступень абстракции философу необходимо дать экспликацию обнаруженного им *порядка*. Логос *частного порядка* – например, некоего уравнения или теоремы – для математика и геометра раскрывается, в первую очередь, через число и доказательство. Именно путем масштабирования указанного принципа ранние пифагорейцы-математики могли прийти к выводу, что и логос наиболее общего порядка – космоса – наилучшим образом раскрывается при помощи чисел, выражающих количественные характеристики истинности

математических операций, а также при помощи логико-дедуктивных процедур (включая доказательства), призванных определить и утвердить истинность этого порядка. По словам Ливио, «постоянно обнаруживавшая себя разного рода взаимосвязь между числами, формами и Вселенной еще на шаг приблизила пифагорейцев к детальной метафизике порядка» [Ливио, 2016, с. 45]. В статье “The Mathematical Universe” Макс Tegmark находит, что одно из ключевых предсказаний гипотезы математической Вселенной заключается в том, что рано или поздно «физические исследования обнаружат математические закономерности в природе. Результаты в этом отношении поразительны с тех пор, как основная идея математической Вселенной была впервые сформулирована пифагорейцами, что вызывало восхищенные одобрения этой идеи со стороны Галилео, Дирака, Вигнера и других еще до появления стандартных моделей физики элементарных частиц и космологии. Я не знаю другого убедительного объяснения этой тенденции, кроме того, что физический мир действительно математичен»¹

4. *Инструментально-гносеологический подход.* Поскольку максимы числовой философии *пифагорейцев-как-сообщества-математиков* могут быть переформулированы в виде постулатов об универсальной *измеримости* и *соизмеримости* сущего, то их вполне можно рассматривать с точки зрения гносеологии. Очевидно, что измерение посредством каких-либо мер и величин является одним из базовых инструментов всякого познания вообще, начиная, например, с определения единичности или множественности предмета познания. Постоянно совершенствующиеся математические методы позволяли в динамике наблюдать развитие такого способа познания и фиксировать его преимущества. Математические методы обеспечивали продвижение в сферы, недоступные для опыта. С точки зрения ранних пифагорейцев-математиков, гипотетически не должно было существовать принципиально *неизмеримых* частей сущего; следовательно, базовая ступень экспликации, которая может быть весьма достоверно развернута из максимы ранней пифагорейской философии: *космос квантифицируем, а значит, познаваем.*

Принципиальная квантифицируемость космоса даже при отсутствии сколько-нибудь значимого постижения каких-либо иных качеств и свойств сущего аксиоматически гарантирует *познаваемость* космоса как таковую. Сами принципы и законы упорядочения космоса также становились познаваемыми посредством измерения, что априорно выводило их из-под власти мифологем, утверждая примат рациональности. Ливио замечает, что «тесные отношения между гномоном и квадратом, который он “обнимает”, пифагорейцы считали символом познания в целом: знание “обнимает” познанное. Следовательно, по мнению пифагорейцев, числа не просто описывали физический мир, но и лежали в основе умственных и эмоциональных процессов» [Ливио, 2016, с. 41]. Созвучно этому замечанию и указание Секста Эмпирика (Против ученых, VII, 92) на то, что «пифагорейцы считают [критерием истины] разум, но не вообще, а тот, что проистекает из математики (так полагал и Филолай), ибо, обладая способностью созерцать природу Вселенной, он находится с ней в некоем родстве, так как подобное постигается подобным» [Фрагменты ранних греческих философов ..., 1989, с. 441].

Таким образом, космос для ранних пифагорейцев *принципиально познаваем* в рамках метода квантификации, инструментальную основу которого представляет собой математика. Инструментарий данного метода может бесконечно расширяться за счет открытий в базовой

¹ Tegmark, M. (2007). The Mathematical Universe. Pp. 25-26. [Online]. Cornell University. Available at: <https://arxiv.org/pdf/0704.0646v2> (Accessed: 06 April 2026).

дисциплине. Характерно при этом, что во многих исследованиях открытие пифагорейцами иррациональных чисел представляют как тупик математической философии Пифагора [Кедровский, 1973, с. 36-37]. На наш взгляд, никакого тупика в данном случае не усматривается. Иррациональные числа, ставшие новым инструментом для математика, с тем же успехом становятся новым инструментом для философа в деле описания космоса, заявляя себя в качестве еще одной открытой закономерности порядка, в качестве логики этого порядка, пусть на момент открытия, возможно, еще не до конца понятой. Цейтен отмечает, что «в исследованиях общего порядка нельзя избежать иррациональных величин; благодаря этому прежние математические методы оказались не вполне надежными, и большой заслугой пифагорейцев является то, что они заметили это» [Цейтен, 2010, с. 38]. Описывая принципы математического инструментализма пифагорейцев, Чернисс определяет числа как группы единиц, тождественных материальным точкам, «между которыми существует “дыхание” или материальная “пустота”; и они в буквальном смысле отождествляются с феноменальными объектами как скоплениями точек, без рассмотрения вопроса о том, являются ли эти материальные точки сами по себе делимыми или нет. Это учение было скорее материализацией числа, чем математизацией природы, но пифагорейцам это, несомненно, казалось единственным способом объяснить физический мир с помощью тех подлинно математических утверждений, которые они доказали в качестве независимо верных» [Цит. по: Cornelli, 2016, p. 53].

Выводы

В свете вышесказанного мы считаем, что положительный ответ на вопрос о возможности рациональной реконструкции эпистемы раннего пифагореизма оправдан и правомерен, но с тремя предварительными уточнениями:

– эпистема имеет высокие шансы быть надежно реконструированной только на основе системы знания, полученной в виде совокупного результата деятельности ранних *пифагорейцев-как-сообщества-математиков*, а не всего круга ранних пифагорейцев, представляя, по существу, модель математической философии;

– эпистема может быть реконструирована в ключе представлений Аристотеля как достоверное, общеприменимое, доказательное и подлинное знание, исходящее из необходимых для получения такого знания аксиом и неразложимых простых понятий (суждений); математическая философия, формирующая такую эпистему, способна к воспроизведению вечных, неизменных, теоретических истин квантифицирующей модальности;

– доказательно реконструированная эпистема раннего пифагореизма обладает потенциалом к надежной фиксации ключевых особенностей исторического перехода от математики к философии.

Список литературы / References

Афонасина, А. С. (2021). *Античная философия. Зарубежные исследования орфической и пифагорейской традиций*: учебное пособие. Новосибирск.

Afonasina, A. S. (2021). *Ancient Philosophy. Foreign Studies of the Orphic and Pythagorean Traditions*. Textbook. Novosibirsk. (In Russ.)

Гатри, У. К. Ч. (2015). *История греческой философии. Т. 1: Ранние досократики и пифагорейцы*. СПб.

Guthrie, W. K. C. (2015). *A History of Greek Philosophy. Vol. 1. The Earlier Presocratics and the Pythagoreans*. St. Petersburg. (In Russ.)

Жмудь, Л. Я. (1990). *Пифагор и его школа (ок. 530 – ок. 430 гг. до н.э.)*. Л.

Zhmud, L. (1990). *Pythagoras and his School (c. 530 – c. 430 BC)*. Leningrad. (In Russ.)

Жмудь, Л. Я. (2012). *Пифагор и ранние пифагорейцы*. М.

Zhmud, L. (2012). *Pythagoras and the Early Pythagoreans*. Moscow. (In Russ.)

Кедровский, О. И. (1973). *Взаимосвязь философии и математики в процессе исторического развития. От Фалеса до эпохи Возрождения*. Киев.

Kedrovsky, O. I. (1973). *The Interconnection Between Philosophy and Mathematics in the Process of Historical Development. From Thales's time to the Renaissance*. Kyiv. (In Russ.)

Ливио, М. (2016). *Был ли Бог математиком?* М.

Livio, M. (2016). *Is God a Mathematician?* Moscow. (In Russ.)

Павлова, А. В. (2005). *Понятие парадигмальности в пифагорейской космогонической традиции: автореф. дис. ... канд. филос. наук*. Екатеринбург.

Pavlova, A. V. (2005). *The concept of Paradigmaticity in the Pythagorean Cosmogonic Tradition*. Abstract of Candidate Thesis. Yekaterinburg. (In Russ.)

Платонов, Р. С. (2022). Эпистемические основания этики Аристотеля. *Этическая мысль*. Т. 22. № 2. С. 48-61.

Platonov, R. S. (2022). Epistemic Foundations of Aristotle's Ethics. *Ethical Thought*. Vol. 22. No. 2. Pp. 48-61. (In Russ.)

Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. (1989). Отв. ред. И. Д. Рожанский. М.

Rozhansky, I. D. (ed.). (1989). *Fragments of early Greek Philosophers. Pt. I. From Epic Theocosmogonies to the Emergence of Atomism*. Moscow. (In Russ.)

Хакинг, Я. (2020). *Почему вообще существует философия математики?* М.

Hacking, I. (2020). *Why Is There Philosophy of Mathematics at All?* Moscow. (In Russ.)

Хинтиikka, Я. (2022). Принципы математики: новый взгляд. *Хинтиikka Я., Санду Г. Принципы математики: новый взгляд. Революция в логике?* М. С. 5-350.

Hintikka, J. (2022). The Principles of Mathematics Revisited. In *Hintikka J., Sandu G. The Principles of Mathematics Revisited. A Revolution in Logic?* М. Pp. 5-350. (In Russ.)

Цейтен, И. Г. (2010). *История математики в древности и в Средние века*. М.

Zeuthen, H. G. (2010). *History of Mathematics in Antiquity and the Middle Ages*. Moscow. (In Russ.)

Чаньшев, А. Н. (1975). *Италийская философия*. М.

Chanyshev, A. N. (1975). *Italic Philosophy*. Moscow. (In Russ.)

Щетников, А. И. (1997). *Пифагорейское учение о числе и величине*. Новосибирск.

Shchetnikov, A. I. (1997). *Pythagorean doctrine of number and dimension*. Novosibirsk. (In Russ.)

Cornelli, G. (2016). A review of Aristotle's claim regarding Pythagoreans fundamental Beliefs: All is number? *Filosofia Unisinos. Unisinos Journal of Philosophy*. Vol. 17. No. 1. Pp. 50-57. DOI: 10.4013/fsu.2016.171.06.

Сведения об авторе / Information about the author

Габов Александр Николаевич – аспирант Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: realgabov@gmail.com.

Статья поступила в редакцию: 16.02.2026

После доработки: 06.04.2026

Принята к публикации: 22.05.2026

Gabov Aleksandr – postgraduate student at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: realgabov@gmail.com.

The paper was submitted: 16.02.2026

Received after reworking: 06.04.2026

Accepted for publication: 22.05.2026

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 001.38:001.89

ФЕНОМЕН ГРАЖДАНСКОЙ НАУКИ В СОВРЕМЕННОМ НАУКОВЕДЕНИИ

А. М. Аблажей

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
ablazhey63@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена обсуждению сложившихся в современном науковедении подходов к изучению феномена гражданской (непрофессиональной) науки, когда речь идет об активном участии заинтересованной общественности либо в самом процессе получения научного знания, либо в определении направлений научного поиска. Нас интересовали сложившиеся формы взаимодействия гражданских активистов и сотрудников научных учреждений в самых разнообразных научных практиках и то, как они влияют на профессиональную науку. Показано, что теоретической базой для анализа феномена гражданской науки выступает концепт «науки 2-го рода», в рамках которого подчеркивается демократический, внеклассовый, мультикультурный характер процесса научного поиска; особое внимание обращается на позитивное влияние, оказываемое на процесс производства знания иными, не-академическими, способами, ярким примером которого как раз и выступает концепт «гражданской» науки. В то же время на примере ряда исследований показано, что ситуация не столь однозначна, ввиду чего следует воздержаться от всеобъемлющих заявлений и более осторожно относиться, например, к утверждению, согласно которому гражданская наука способствует формированию гораздо более открытой для общественного участия науки, сокращая тем самым дистанцию между ней и обществом. На деле роль гражданских участников зачастую сводится к сбору первичных данных, тогда как их влияние на определение общего дизайна проектов, выбор методов сбора данных и конечных целей, зачастую, минимально. Сложившаяся ситуация требует от исследователей STS критической оценки того, как развивается концепция общественного участия в науке и как она может развиваться в будущем.

Ключевые слова: гражданская наука, civil science, любительская наука, эпохальный перелом, прикладные аспекты, общественность, взаимодействие, диалог.

Для цитирования: Аблажей, А. М. (2026). Феномен гражданской науки в современном науковедении. *Respublica Literaria*. Т. 7. № 2. С. 55-65. DOI: 10.47850/RL.2026.7.2.55-65.

THE PHENOMENON OF CITIZEN SCIENCE IN CONTEMPORARY SCIENCE STUDIES

A. M. Ablazhey

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
ablazhey63@gmail.com

Abstract. The article is devoted to discussing the approaches that have developed in contemporary science studies to examining the phenomenon of citizen (non-professional) science, where the focus is on the active participation of interested members of the public either in the very process of producing scientific knowledge or in setting the directions of scientific inquiry. In short, we are interested in the established forms of interaction between civic activists and staff of scientific institutions across a wide range of scientific practices, and how this influences professional

science. It is shown that the theoretical basis for analyzing the phenomenon of citizen science is the concept of “Mode 2 science”, which emphasizes the democratic, non-class-based, multicultural character of the scientific research process; special attention is paid to the positive impact that non-academic ways of producing knowledge have on the knowledge production process, of which the concept of “citizen” science is a striking example. At the same time, drawing on a number of studies, it is shown that the situation is not so unequivocal, and therefore one should refrain from making sweeping claims and be more cautious, for example, about the assertion that citizen science helps create a science that is much more open to public participation, thereby reducing the distance between science and society. In reality, the role of citizen participants is often reduced to collecting primary data, while their influence on defining the overall design of projects, choosing data collection methods, and setting ultimate goals is often minimal. This situation requires STS researchers to critically assess how the concept of public participation in science is developing and how it might evolve in the future.

Keywords: citizen science, amateur science, epochal break, applied aspects, general public, interaction, dialogue.

For citation: Ablazhey, A. M. (2026). The Phenomenon of Citizen Science in Contemporary Science Studies. *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 2. Pp. 55-65. DOI: 10.47850/RL.2026.7.2.55-65.

Введение. В настоящем обзоре нам бы хотелось обратить внимание на такую пока еще малоизученную разновидность научной деятельности, как любительская наука, и ее взаимодействие с профессиональной наукой. В данном случае речь идет о максимально широком спектре способов и видов получения научного знания, а также об участии в его получении, как правило, на добровольной (некоммерческой) основе непрофессионалов. В этой связи в нашем обзоре мы будем использовать как распространенный в западном науковедении термин «гражданская наука» (civil science), так и более привычный в российских реалиях – «любительская наука». В любом случае в качестве объекта анализа будет фигурировать феномен участия непрофессиональных ученых либо в самом процессе получения научного знания, либо активное участие заинтересованной общественности (те или иные формы гражданского участия) в определении направлений научного поиска, взаимодействие гражданских активистов и сотрудников научных учреждений в самых разнообразных научных практиках.

Теоретические аспекты. Прежде чем переходить, собственно, к обзору, несколько вводных замечаний относительно того общественно-политического и интеллектуального контекста, в котором развивается сегодня взаимодействие профессиональной и любительской (гражданской) науки. Напомним, что одним из наиболее популярных подходов, характеризующих специфику современной науки, стала концепция «науки 2-го рода», генезис которой вписывается ее адептами (родоначальники направления – М. Гиббонс и Х. Новотны) в контекст так называемого «радикального перелома» («epochal break»), начало которого относят к 80-м гг. XX в. Г. Шиман в своем критическом обзоре, описывающем основные концепции, в основе которых лежит представление об «эпохальном переломе», утверждает, что в рамках концепции «науки 2-го рода» речь идет о «частичном растворении границ, которые ранее разделяли такие подсистемы общества как наука, государство, рынок и культура, и придает особое внимание *исчезновению разделения между академическим и не-академическим [видами] производства знания*» (выделено нами – Авт.). Происходящие «институциональные» изменения радикально повлияли на «эпистемологическое ядро» современной науки, ныне представляющее собой сумму точек зрения, носящих ярко выраженный «индивидуальный, социальный и культурный» характер. Исходя из этого, сторонники концепции подчеркивают «демократический, внеклассовый,

мультикультурный» характер научного поиска; особо подчеркивается позитивное влияние, которое оказывают на процесс производства знания иные, не-академические, способы, ярким примером которого как раз и выступает концепт «гражданской» науки. Предлагается «формировать новые гетерогенные структуры, в которых научные, технические, экономические, политические и общественные интересы удовлетворяются многообразными способами» [Schiemann, 2011, p. 433].

Исходя из такого понимания места и роли науки в современном обществе, формулируются ее основные черты. Прежде всего утверждается, что в *любом научном проекте сегодня так или иначе артикулируются его возможные прикладные аспекты*. В результате стирается грань между фундаментальными и прикладными исследованиями; в контексте, изначально ориентированном на получение практически полезного знания, происходит отбор изучаемых вопросов, выбор методов исследования, формируется оценка сугубо научных (фундаментальных) и прикладных аспектов применения полученных результатов. В связи с тем, что исследовательский процесс приобретает ярко выраженный междисциплинарный характер, для решения поставленных проблем мобилизуются ресурсы различных специальностей и, как правило, привлекаются новые инновационные методологии и методы исследования. Создаваемые исследовательские команды все чаще имеют временный характер и предназначены для реализации определенного проекта. В контексте нашей проблемы важно подчеркнуть, что междисциплинарность приводит к росту разнообразия мест производства знания; помимо традиционных научных центров, появляются новые организационные формы: рабочие группы, исследовательские сети, консультативные структуры, волонтерские организации и др. Огромную роль здесь играют новые технологии коммуникации и обмена знаниями, позволяющие обеспечить эффективное взаимодействие всевозможных объединений и сообществ. Вследствие усиления внимания к прикладным аспектам науки *возрастает уровень социальной ответственности исследователей*, поскольку акторы публичной сферы (государство, медиа, представители гражданской науки) предъявляют жесткие требования к социальным и экологическим последствиям проводимых исследований. Важно подчеркнуть, что требование *ответственности* актуально не после окончания исследования, но с самого начала включено в научный проект. Сам процесс обсуждения проекта и его социальных последствий протекает, как правило, в виде диалога, в котором участвуют не только ученые, но и представители общественности (public). Наконец, усиливается значимость новых форм *контроля качества научных знаний*, а в условиях, когда размываются границы традиционных дисциплин, процесс отбора квалифицированных и компетентных экспертов становится отдельной сложной задачей. Помимо узкоспециализированных требований к научному знанию, прежде всего новизны и соответствия нормам рациональности и логической непротиворечивости, во внимание принимается более широкий перечень критериев (социальных, культурных, экологических и др.). Налицо набор различных, зачастую противоречащих друг другу представлений о характере научного знания, которые следует согласовать в ходе активных социальных взаимодействий широкого круга участников [подробнее см.: Аблажей, 2019].

Примерно той же позиции в отношении непрофессиональной науки придерживаются сторонники концепции «пост-нормальной науки», делающие упор на том, что в ситуациях высокой неопределенности, постоянного усложнения и высокого уровня риска, обусловленного необходимостью практических решений, необходима новая организация

науки, обязательным элементом которой является переговорный процесс с широким кругом участников, важное место занимает обсуждение ценностных аспектов научного проекта и его возможных практических эффектов [Schiemann, pp. 434-435]. Схожую точку зрения высказывает Л. Шиповалова, характеризуя основное содержание концепта «пост-нормальной науки»: «Во многих науках, предметное поле которых предполагает непосредственный интерес со стороны ненаучных субъектов, профессиональное научное исследование и экспертиза, несмотря на различие языков, целей и способов решения задач, существенным образом переплетены, связаны содержанием обсуждаемых вопросов. Более того, профессиональная научная коммуникация в этих областях может становиться открытой внешнему вниманию и оказываться предметом обсуждения в публичной научной коммуникации». В результате формируются так называемые «гибридные зоны» науки [Шиповалова, 2022, с. 63].

Таким образом, становится понятно, что экспоненциальный рост участия широкой общественности не только в самом процессе исследования (зачастую требование максимально широкого круга участников исследования становится обязательным, например, в тех же экологических проектах), но также в обсуждении необходимости его проведения, возможных последствий и т. д., связан не только с тем, что участие в качестве волонтера в наблюдении за птицами или взятии проб воды становится модным поветрием или рассматривается в качестве общественно-полезного способа проведения свободного времени. Истоки, как видно из предыдущего раздела, лежат глубже и могут быть связаны с изменением места научной деятельности как монопольного способа производства знания в современном обществе, где все большее число людей имеют высокий уровень образования и в силу этого способны и все чаще при обсуждении тех или иных аспектов научной деятельности формулируют собственное представление о том, что полезно или вредно для общественного блага.

Основная часть. Тема гражданской науки нашла отражение в целом ряде исследований как зарубежных, так и российских авторов. По мнению А. Артюшиной, с 1990-х гг. мы наблюдаем стремление научного сообщества включить широкую общественность в ведущиеся в науке дискуссии с целью заручиться ее поддержкой, как моральной, так и институциональной или финансовой. Артюшина выделяет новый феномен в развитии самоорганизации научной деятельности, который она определяет как «сетевой узел», появление которого стало «следствием стремления ученых закрыть экспертное суждение от публичной критики». Дальнейшие рассуждения данного автора во многом схожи с концепцией «пост-нормальной науки»: по ее мнению, «представление о том, что наука является главным носителем экспертного знания, поставлено под вопрос. В расширенных столкновениях по поводу научного знания... необходима специальная работа над публичным имиджем науки, необходимы новые практики проведения научной экспертизы», например, «включение непрофессионалов в процесс обсуждения не только итогов, но целей и задач [конкретного научного проекта], а также в сам процесс научного исследования» [Артюшина, 2012, с. 46].

С. Егеров утверждает, что сегодня участие широкой общественности в научных исследованиях стало настолько распространенным, что сложилась отдельная *civil society* (CS) субкультура, которая постепенно утверждается и в России, свидетельством чему стала и рецензируемая Егеровым коллективная монография «Научное волонтерство: делаем науку

вместе», опубликованная в 2025 г. Кратко характеризуя базовые основания возникновения и стремительного роста массовости гражданской науки, С. Егерев выражает уверенность в том, что научные исследования исторически взаимодействуют с самыми различными социальными, экономическими и культурными контекстами. Гражданская наука «всего лишь ускорила проникновение научного понимания разнообразных процессов в широкие слои общества» [Егерев, 2025, с. 224].

Е. Рассолова и Д. Галкин в своей работе обосновывают тезис о том, что в современных условиях формируется несколько моделей коммуникации науки и публичной сферы (в авторской трактовке – «общественности»). С одной стороны, сохраняется традиционный алгоритм получения научного знания, основанный на исключительном участии профессионалов. С другой – наука становится частью «широкой коммуникационной сети», где взаимодействуют несколько агентов, среди которых «ключевыми являются научное сообщество и сообщество любителей науки». Подобные трансформации, по мнению авторов, «кардинально меняют производство и развитие научного знания в современном мире, ослабляя контроль и монополию на знания, традиционно удерживаемые учеными и научным сообществом» [Рассолова, Галкин, 2024, с. 201].

С. Шевченко в исследовании, посвященном ценностным основаниям гражданской (он называет ее «народной») науки, делает вывод о том, что образ «открытой, демократичной науки, предполагающий всеобщую доступность научных данных и публикаций; “децентрализацию” экспертности через расширение коллаборации и интенсификацию делегирования познавательных задач; приоритет ценностей познания, любопытства над иными мотивами участия в научной деятельности» во многом комплиментарен сформулированному Р. Мертоном этосу науки Нового времени. Вовлеченные в процесс производства научного знания неспециалисты, делая «свободный выбор в пользу сознательного участия в научном познании, поддерживают и эксплицируют самим актом этого выбора ценности открытой, универсальной, неангажированной, лишенной догматизма науки» [Шевченко, 2018, с. 180].

О. Кошовец и И. Фролов, рассуждая о становлении технонауки (еще одной популярной концепции) в контексте представлений об «эпохальном переломе», в качестве одного из важнейших ее признаков называют тенденцию к утрате *научным* знанием своего «привилегированного модуса существования» в современном обществе. В результате «наука как институт постепенно лишается монопольного права на производство общезначимого и особо ценного (в социокультурном смысле) знания и *начинает трансформироваться в нечто новое*, что мы лишь в силу институциональных и культурных причин продолжаем именовать “наукой”. Этот процесс находит отражение в концепциях “постакадемической науки”, “технонауки”, “трансдисциплинарности”, а также в рамках практик депрофессионализации научного знания, таких как “гражданская наука” (экспертиза) и “неформальный научный обмен” с помощью социальных медиа» [Кошовец, Фролов, 2020, с. 21-22].

Переходя к обзору новейших зарубежных работ по теме гражданской науки, нам хотелось бы начать его со статьи «Postdigital Citizen Science: Mapping the Field», написанной четверью авторами, представляющими университеты Хорватии, Новой Зеландии и Великобритании. Статья представляет собой описание современного состояния гражданской науки, особое внимание авторы уделяют как противоречиям и рискам,

возникающим в процессе ее развития, так и потенциальным возможностям. Выдвинув тезис, согласно которому гражданская наука, функционируя в условиях постцифровой реальности и капитализма знаний, одновременно стремится к трансформации последнего, авторы подробно обсуждают три ключевые проблемы для гражданской науки: технологическая вооруженность, экономическая специфика и формы участия широкой общественности (непрофессионалов от науки) в производстве научного знания.

По утверждению авторов, гражданская наука гораздо старше академической (читай – профессиональной), поскольку становление науки как оплачиваемой профессии – относительно недавний феномен, датируемый концом XIX в. При этом сам термин «гражданская наука» стал широко использоваться лишь с 1990-х гг., обозначая познавательные практики, основанные на постоянном расширении участия, в той или иной форме, акторов публичной сферы в научных исследованиях. Тогда же сложились две ведущие трактовки ее роли и функций. Одна из них делает упор на понимании гражданской науки как «науки для народа» и тесно связана с тезисом о необходимости углубления понимания науки обществом через расширение участия последнего в научных исследованиях. Другая ставит во главу угла «расширение возможностей» науки, стремление сделать науку более отзывчивой к общественным нуждам, а также более лояльной в отношении локального знания и локальных же познавательных практик. Сегодня, по мнению авторов, все чаще звучат утверждения о том, что только включение в процесс получения научных знаний широкой общественности в лице гражданских (непрофессиональных) исследователей дает возможность сделать его гораздо более эффективным и морально оправданным предприятием. Другое дело, что нерешенным остается вопрос о том, в чем заключается сверхзадача гражданской науки: речь идет либо о вовлечении непрофессиональных ученых в исследовательские практики в самых разных формах, либо об их активном участии в определении тематики и методики исследований, проводимых совместно профессиональными и непрофессиональными исследователями, либо о стремлении к максимально полному включению локальных знаний и опыта в познавательные практики [Jandrić, Tolbert et al., 2025, p. 11].

Авторы статьи предупреждают от всеобъемлющих заявлений, призывая более осторожно относиться, например, к утверждению, согласно которому гражданская наука способствует «формированию *гораздо более открытой для общественного участия науки, сокращая тем самым дистанцию между наукой и обществом*» [Ibid] (курсив мой – Авт.). На деле роль гражданских участников зачастую сводится к сбору первичных данных, тогда как их влияние на определение общего дизайна проектов, выбор методов сбора данных и конечных целей зачастую минимально. Примером такого исследования является, например, широко известный проект «eBird», в рамках которого по всему миру ежегодно проводится более 100 млн наблюдений за птицами, а темпы роста числа участников составляют около 20 % в год. Роль волонтеров здесь сводится, как правило, лишь к заполнению контрольного листа наблюдений, а всю обобщающую работу берут на себя профессиональные орнитологи.

Убежденность в том, что постоянный рост масштабов участия непрофессионалов в научных исследованиях является свидетельством непрерывного роста уровня демократичности современной науки, также, по мнению авторов, является иллюзией. На самом деле, широкое системное неравенство в науке с появлением там

непрофессиональных гражданских участников, пусть даже с весьма высоким уровнем образования, не уменьшается, а, напротив, возрастает. Более того, по их мнению, идея о том, что гражданская наука непременно должна стать частью современной науки, также является нежизнеспособной, выступая ярким примером пост-цифрового эпистемического насилия. Авторы при этом ссылаются на исследования, утверждающие, что профессиональная наука является не чем иным, как доминирующим режимом познания, тогда как гражданская наука предлагает использовать альтернативные эпистемические практики [Jandrić, Tolbert et al., 2025, p. 10].

Что касается типологии гражданской науки, то наиболее разработанной является типология, основанная на степени публичного участия в научных исследованиях. Первой моделью здесь является *контрактная* гражданская наука, когда сообщества обращаются за помощью к исследователям для реализации конкретного проекта. За ней идут *контрибутивная* (непрофессионалы участвуют в реализации проектов, инициированных учеными); *совместная* (представители сообществ не только собирают первичные данные, но также участвуют в их анализе и распространении результатов); *со-творческая* (дизайн и методы реализации проекта разрабатываются совместно профессиональными и гражданскими учеными); наконец, наиболее продвинутой является *коллегиальная* модель, когда ведущую роль в реализации научного проекта играют именно гражданские исследователи. Типология может быть также основана на практических целях проекта. В таком случае речь может идти о социально-ориентированных, природоохранных, исследовательских, виртуальных и образовательных моделях гражданской науки [Jandrić, Tolbert et al., 2025, p. 12].

В статье «“Citizen Scientists” on Citizen Science» представлены небольшие эссе 15 участников проектов в сфере гражданской науки из Австралии, Новой Зеландии, Пакистана, США, Бразилии и Хорватии. Авторы рассказывают, как их участие в гражданской науке либо привело их в профессиональную науку, либо органично переплелось с ней, как гражданская наука стала инструментом мобилизации сообществ для совместного создания новых знаний и формирования новых общественных групп. Много внимания уделено обсуждению противоречий и нюансов работы в гражданской науке, а также взлетов и падений в ходе сотрудничества волонтеров с профессиональными учеными и академическими структурами.

Ценность статьи в том, что собранные в ней материалы представляют собой отражение личного опыта участия непрофессиональных ученых в самых различных проектах. На его основе делается два важных вывода: 1) гражданская наука *требует* радикальной открытости и сотрудничества (этот лейтмотив проходит через всю статью); 2) современная система высшего образования *скорее ограничивает* такой подход, чем способствует ему. В подтверждение данного тезиса приводится следующий аргумент: все авторы так или иначе связаны со сферой высшего образования, но при этом либо относятся к ней с недоверием, либо открыто ее отвергают. Этот «дух сопротивления» проявляется в нескольких ключевых аспектах: «отказ от гиперспециализации», которую навязывает университетская система; «выявление и преодоление пробелов в исследованиях, предполагающие работу с “белыми пятнами” науки, на которые академия часто не обращает внимания»; наконец, «освоение “запретных зон” знания, которые академический мейнстрим избегает» [Tolbert, Olson et al.,

2025, p. 138]. Гражданская наука, занимая промежуточное положение между академией и широкой публичной сферой, «бросает вызов традиционным исследовательским подходам, сопротивляется академической замкнутости и обогащает науку за счет открытости и гибридности» [Ibid., p. 139].

Основная проблема, поставленная в статье «From Deliberation to Production: Public Participation in Science and Technology Policies of the European Commission (1998-2019)», написанной исследователями из университетов Льежа и Женевы, состояла в выявлении факторов и динамики трансформации политической линии руководства Европейского союза относительно участия широкой общественности в обсуждении различных аспектов научной политики и в дальнейшем в ее реализации, о способах и механизмах привлечения непрофессиональных исследователей к реализации проектов в области науки и технологических инноваций.

Авторы отмечают, что с начала 2000-х гг. руководство единой Европы продвигало *делиберативное* (основанное на широком обсуждении) видение гражданской науки. В этой работе приняли активное участие ряд известных исследователей в области науки и технологий (STS), выступивших в качестве экспертов. Именно в этот период экспертные отчеты, исследовательские проекты, практически ориентированные конференции и консультативные группы способствовали переводу концепций STS в политически-прикладную сферу. (В скобках отметим, что стремление к переводу теоретических разработок в практическую сферу с самого начала было сверхзадачей исследователей, относящих себя к сфере STS). Важно отметить, что в ходе обсуждения форм общественного участия в науке в этот период (ряд кризисов 1990-х гг., таких как скандал с ГМО или «коровьим бешенством», на которые наложился более широкий кризис легитимности европейских институтов) различные стороны склонялись к тому, что представителям публичной сферы следует стать полноправными участниками дискуссии относительно исследовательской повестки Европейской комиссии. Экономический кризис 2000-х гг., вследствие которого исследовательская политика была сориентирована на производство инноваций, также способствовал изменению представлений о том, какой тип общественного участия в научных исследованиях следует продвигать и с какой целью [Masq, Tancoigne et al., 2020, pp. 507-508].

Таким образом, если изначально общественное участие задумывалось и продвигалось как «способ укрепить легитимность решений в области исследовательской политики путем *вовлечения общественности в процессы принятия решений*» (курсив мой – Авт.), то сейчас речь идет о возможности «производства знаний и инноваций путем *вовлечения общественности в процессы создания знаний и инноваций*» (курсив мой – Авт.). По мнению авторов, таким образом происходит укрепление «легитимности науки и техники в целом» [Ibid., p. 508].

В целом, по мнению авторов статьи, изменение взглядов на характер общественного участия в научной деятельности в рамках Европейской комиссии не всегда предполагало обоснованное намерение изменить баланс сил между публичной сферой, политиками и научными институтами. Скорее следует вести речь об «изменении взглядов на роль рядовых граждан в управлении наукой и технологиями, которые воспринимаются скорее как потребители и потенциальные со-создатели науки, технологий и инноваций, нежели как потенциальные участники дискуссий о том, как этими сферами управлять». Что касается

сообщества исследователей STS, то трансформация форм общественного участия в науке, обусловленная адаптацией к различным контекстам и ориентированная на достижение разных целей, требует от них усиленного внимания к тому, как развивалась концепция общественного участия в науке и, главное, как она может развиваться в будущем [Ibid., p. 509].

Выводы. Подводя итоги, следует сделать вывод о том, что феномен гражданской (народной, любительской, непрофессиональной) науки сегодня имеет самое широкое распространение. При этом сам факт добровольного, зачастую бесплатного участия в наблюдении за птицами или взятии проб воды – это не просто модное поветрие, вид волонтерства или общественно-полезный способ проведения свободного времени. Истоки широкого развития самых разнообразных форм участия непрофессионалов в научных исследованиях лежат, как было показано, гораздо глубже и могут быть связаны с изменением места профессиональной науки в современном обществе и роли научной деятельности как монопольного способа производства знания в knowledge society. Кризис доверия к науке, продолжающийся с конца 1960-х гг., привел к тому, что все большее число представителей широкой общественности (а в обществе знания людей с высоким уровнем образования становится все больше) считают себя вправе участвовать в обсуждении тех или иных аспектов исследовательской деятельности и, более того, формулировать собственные, зачастую отличные от сугубо научных, представления о том, какие научные открытия полезны или вредны для общественного блага. В этом контексте весьма симптоматично выглядит эволюция политики Европейского союза в плане привлечения представителей широкой общественности к научной деятельности. Если в конце 1990-х – начале 2000-х гг. общественное участие представляло собой, в первую очередь, способ укрепления легитимности решений, принимаемых в сфере научной политики, то сегодня мы говорим о необходимости вовлечения широких кругов общественности непосредственно в процесс производства знаний и инноваций, способствуя, тем самым, усилению легитимного статуса науки и техники в целом.

Список литературы / References

Аблажей, А. М. (2019). Трансформации института науки в современных условиях: анализ исследовательских подходов. *Идеи и идеалы*. Т. 11. № 2. Ч. 1. С. 44-62.

Ablazhey, A. M. (2019). Transformations of Science in the Modern Conditions: Analysis of the Research Approaches. *Ideas and Ideals*. Vol. 11. No. 2. Pt. 1. Pp. 44-62. (In Russ.)

Артюшина, А. В. (2012). Социология науки и техники (STS): сетевой узел и трансформация лабораторной жизни. *Социологические исследования*. № 1. С. 35-52.

Artushina, A. V. (2012). Sociology of Science and Technology (STS): Network Node and the Transformation of Laboratory Life. *Sociological Studies*. No. 1. Pp. 35-52. (In Russ.)

Егерев, С. В. (2025). «Герасим-на-Дому» и перспективы отечественной CS-платформы. Рецензия на книгу «Научное волонтерство: делаем науку вместе». *Управление наукой: теория и практика*. Т. 7. № 1. С. 220-225.

Egerev, S. V. (2025). "Gerasim-at-home" and prospects for a national CS platform. Review of the book "Citizen Science: Let's Do Research Together". *Science Management: Theory and Practice*. No. 7. No. 1. Pp. 220-225. (In Russ.)

Кошовец, О. Б., Фролов, И. Э. (2020). «Прекрасный новый мир»: о трансформации науки в технонауку. *Эпистемология и философия науки*. Т. 57. № 1. С. 20-31.

Koshovets, O. B., Frolov, I. E. (2020). Brave new World: On Science Transformation into Technoscience. *Epistemology and Philosophy of Science*. Vol. 57. No. 1. Pp. 20-31. (In Russ.)

Рассолова, Е. Н., Галкин, К. А. (2024). Трансформация моделей взаимодействия науки и общества: от диалогической модели популяризации к сетевой структуре гражданской науки. *Управление наукой: теория и практика*. Т. 6. № 3. С. 193-207.

Rassolova, E. N., Galkin, K. A. (2024). Transformation of Models of Interaction Between Science and Society: from the Dialogical Model of Popularization to the Network Structure of Citizen science. *Science Management: Theory and Practice*. No. 6. No. 3. Pp. 193-207. (In Russ.)

Шевченко, С. Ю. (2018). Народная наука: отличимы ли люди от бактерий. *Эпистемология и философия науки*. Т. 55. № 1. С. 171-183.

Shevchenko, S. Yu. (2018). Citizen Science: are the People Distinguishable from Bacteria? *Epistemology and Philosophy of Science*. Vol. 55. No. 1. Pp. 171-183. (In Russ.)

Шиповалова, Л. В. (2022). Как возможна пост-нормальная наука? *Эпистемология и философия науки*. Т. 59. № 3. С. 61-73.

Shipovalova, L. V. (2022). How is Post-Normal Science Possible? *Epistemology & Philosophy of Science*. Vol. 57. No. 1. Pp. 20-31. (In Russ.)

Jandrić, P., Tolbert, S., Hayes, S., Jopling, M. (2025). Postdigital Citizen Science: Mapping the Field. *Postdigital Science and Education*. No. 7. Pp. 9-30.

Masq, H., Tancoigne, E., Strasser, B. (2020). From Deliberation to Production: Public Participation in Science and Technology Policies of the European Commission (1998-2019). *Minerva*. No. 58. Pp. 489-512.

Schiemann, G. (2011). An Epoch-Making Change in the Development of Science? A Critique of the "Epochal-Break-Thesis". In Carrier, M. and Nordmann, A. (eds.). *Science in the Context of Application*. Boston Studies in the Philosophy of Science 274. Springer Science + Business Media. Pp. 431-452.

Tolbert, S., Olson, Ch. Ul Haq, R. Evans, L., dos Santos, A. P. O., Franco, A. A., Jager, I., Kovač, M., Orchard, S., Harris, S., Šrajcar, F., Santos-Lang, C., Jandrić, P., Hayes, S., Jopling, M. (2025). "Citizen Scientists" on Citizen Science. *Postdigital Science and Education*. Vol. 7. No. 1. Pp. 120-142.

Сведения об авторе/ Information about the author

Аблажей Анатолий Михайлович – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: ablazhey63@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-3693-8845>

Статья поступила в редакцию: 15.04.2026

После доработки: 22.05.2026

Принята к публикации: 29.05.2026

Ablazhey Anatoly – Candidate of Philosophical Sciences, Leading Research Officer of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: ablazhey63@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-3693-8845>

The paper was submitted: 15.04.2026

Received after reworking: 22.05.2026

Accepted for publication: 29.05.2026

УДК 316.7

МУЖЧИНЫ В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СУЖЕНИЕ ГОРИЗОНТА ОЖИДАНИЙ

А. К. Мамедов

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва)
Akmnauka@yandex.ru

Аннотация. Процесс сужения горизонта ожиданий мужчины в современном городском пространстве является сверхактуальным. Исследуются структурные факторы трансформации мужской идентичности: урбанизация, изменение характера труда, цифровизация экономики, феминизация социальных ролей, рост числа неполных семей, размывание институциональных паттернов мужской социализации. На основе классических социологических концепций предлагается теоретическая модель исследования изменений мужских ролевых ожиданий в условиях постиндустриального мегаполиса. Сделан вывод о том, что речь идет не о «кризисе маскулинности» в узком психологическом смысле, а о структурной перестройке социальных горизонтов, в рамках которой мужчина теряет институционально закрепленные сценарии будущего и оказывается в условиях нормативной неопределенности.

Ключевые слова: урбанизация, маскулинность, городское пространство, изменения труда, феминизация ролей, неполная семья, социальные ожидания, идентичность, anomia.

Для цитирования: Мамедов, А. К. (2026). Мужчины в современном городском пространстве: сужение горизонта ожиданий. *Respublica Literaria*. Т. 7. № 2. С. 66-75. DOI: 10.47850/RL.2026.7.2.66-75.

MEN IN THE MODERN URBAN SPACE: NARROWING THE HORIZON OF EXPECTATIONS

A. K. Mamedov

Lomonosov Moscow State University (Moscow)
Akmnauka@yandex.ru

Abstract. The process of narrowing the horizons of a man's expectations in the modern urban space is super-urgent. The structural factors of the transformation of male identity are investigated: urbanization, the changing nature of work, the digitalization of the economy, the feminization of social roles, the growing number of single-parent families, and the erosion of institutional patterns of male socialization. Based on classical sociological concepts, a theoretical model for studying changes in male role expectations in a post-industrial metropolis is proposed. It is concluded that we are not talking about a "crisis of masculinity" in a narrow psychological sense, but about a structural restructuring of social horizons, in which a man loses institutionally fixed scenarios of the future and finds himself in conditions of normative uncertainty.

Keywords: urbanization, masculinity, urban space, labor changes, feminization of roles, single-parent family, social expectations, identity, anomie.

For citation: Mamedov, A. K. (2026). Men in the Modern Urban Space: Narrowing the Horizon of Expectations. *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 2. Pp. 66-75. DOI: 10.47850/RL.2026.7.2.66-75.

Введение

Фиксируемый в современной социологии феномен «горизонт ожидания» позволяет теоретически актуализировать не только набор социальных ролей, но и поле возможного будущего, структурированное культурными, институциональными и экономическими факторами [Кастельс, 2000]. Горизонт ожиданий включает и формирует представления о сценариях успеха, нормативах поведения, символических маркерах статуса.

Так, в традиционном индустриальном обществе мужская роль воспринималась как незыблемая и естественная, данная по умолчанию, поскольку была строго актуализирована и институционально закреплена: кормилец, носитель профессионального статуса, субъект публичной сферы и политической активности. Данные позиции формировали устойчивый и предсказуемый горизонт жизненных траекторий. Постиндустриальный и деиндустриализованный город вместо четких жизненных сценариев предлагает множественность, не подкрепленную устойчивыми институциональными гарантиями, что приводит к сужению горизонта ожиданий, выраженного в сокращении структурированных и социально одобряемых мужских жизненных стратегий. Механизмы влияния мегаполиса на психику индивида – рационализация, дистанцированность, фрагментация социальных связей – представлены в классическом анализе городской жизни Г. Зиммеля [Зиммель, 2002]. Как следствие, в XXI в. мы наблюдаем трансформацию модусов поведения:

- ускорение социальных процессов;
- высокая мобильность;
- плотность конкуренции;
- цифровая медиатизация повседневности.

Если раньше город представлял собой пространство расширения возможностей, то теперь он стал пространством постоянной адаптации, имеющей дискретный характер, т. к. социум постоянно выдвигает все новые требования, связанные с высокой конкурентностью в городской среде [Мамедов, Якушина, 2015а]. Ментальный опыт, сформировавшийся на базе имеющихся реалий, обесценивается в процессе новых социальных действий: если индустриальный мегаполис создавал рабочие места и вертикальные социальные лифты, то современный мегаполис усиливает горизонтальную конкуренцию при отсутствии устойчивых вертикалей. В итоге мужская роль, в силу сложившегося социогенеза связанная с вертикальной мобильностью и иерархическим продвижением, оказывается подорванной, что приводит к эрозии типичных установок.

Труд, согласно логике рационализации популярного в первой половине XX в. мыслителя М. Вебера, в соответствии с протестантской этикой выступал центральным элементом социальной идентичности [Вебер, 2016]. Соответственно, профессия формировала статус, дисциплину, жизненный уклад и долгосрочную биографию, что позволяло расширявшимся линейно жизненным горизонтам быть устойчивыми. Современная экономика в большей части характеризуется проектной занятостью, нестабильностью доходов, цифровыми платформами, сервисной доминантой [Бауман, 2008]. Физический и индустриальный труд, ранее ассоциировавшийся с мужской идентичностью, маргинализируется и утрачивает символический престиж [Ильин, 2005]. Параллельно усиливается, зачастую экспоненциально, значимость и доминанта коммуникативных

и эмоциональных компетенций, что ведет к смешению гендерных кодов труда и снижению четкой дифференциации «мужских» и «женских» профессиональных сфер. Горизонт ожиданий сужается до краткосрочных стратегий занятости, биография перестает быть линейной, а следовательно, и предсказуемой. Утрата грани между гендерными ролями в социуме усиливает феминистские тренды поведения.

Под феминизацией понимается не просто биологическая трансформация, а расширение поведенческих норм и практик, традиционно приписываемых женщинам: эмпатия, эмоциональная открытость, ориентация на диалог, участие в заботе о детях. Городская среда все явственнее институционализирует эти требования через корпоративную культуру, сферу услуг и медиа. Особую роль в этом играет современный кинематограф, где образ «неотягощенной» семьей женщины становится частью мейнстрима. Однако сохраняются и традиционные ожидания: финансовая ответственность, лидерство и конкурентоспособность. Возникает двойное нормативное давление.

В 60-е гг. XX в. в европейском экзистенциализме данный феномен был определен как «разорванное мышление». Необходимость сочетания мужчиной несовместимых моделей поведения приводит к состоянию, описываемому как аномия. По Э. Дюркгейму, это разрыв между социальными нормами и возможностями их реализации. Отсюда и потребность в компенсации в виде демонстративного потребления [Дюркгейм, 1994]. В условиях эрозии профессиональной идентичности значимость подобной символической компенсации возрастает, и логика демонстративного потребления, согласно Т. Веблену, приобретает новое измерение [Веблен, 1984]:

- статус подтверждается брендами;
- маскулинность выражается через материальные символы;
- успех визуализируется в цифровом пространстве.

Следует отметить, что эта стратегия не расширяет горизонт ожидания, а подменяет его внешними атрибутами, создавая «иероглифы» престижа. На передний план выдвигаются лишь эфемерные, сиюминутные маркеры успеха [Бурдые, 2007].

Данные процессы не могли не изменить и демографическую ситуацию, а именно: возникновение чайлдфри-фэмили, рост числа неполных семей и разрыв в трансляции мужских моделей поведения. Современная городская семья, в отличие от сельской, не воспринимает ребенка в качестве экономической единицы или перспективной рабочей силы. Инфантилизм и отчуждение от труда становятся массовым трендом.

Увеличение числа детей, выросших без отца, также напрямую влияет на воспроизводство или сбой маскулинных сценариев, зачастую искажая их и трансформируя в иные культурные поля. Отсутствие устойчивой и доминантной мужской фигуры затрудняет передачу ролевых паттернов, ослабляет институциональные модели ответственности, а также формирует неопределенные ожидания относительно мужской роли. Город усиливает мобильность, индивидуализацию, частоту разводов, что дополнительно осложняет межпоколенческую трансляцию мужской идентичности.

В связи с этим можно предложить модель анализа, включающую три уровня:

1. Структурный уровень:
 - трансформация рынка труда;
 - урбанистическая плотность;
 - медиатизация.

2. Институциональный уровень:

- изменения семьи;
- корпоративная культура;
- образовательные практики.

3. Символический уровень:

- новые медиа-образы маскулинности;
- потребительские маркеры статуса;
- гибридные гендерные модели.

В связи с сужением горизонта ожидания, проявляющегося как сокращение институционально закрепленных сценариев мужской взрослости, следует выделить потенциальные модели развития, для которых вероятны три сценария:

1. Адаптационный – формирование гибридной маскулинности.
2. Компенсаторный – радикализация и возврат к жестким моделям.
3. Институциональный – переопределение ролей через образовательные и семейные политики.

Сужение горизонтов ожидания мужчины в городском пространстве является результатом комплексной трансформации социальной структуры, усложненной тотальной урбанизацией. Речь идет не о деградации, а о переходе к новой конфигурации маскулинности, в которой традиционные институциональные опоры утрачивают универсальность. Город, создавая множественность возможностей и широкую палитру предложений, лишает предсказуемости, и мужчина оказывается в пространстве выбора без четкой нормативной карты.

Структурные трансформации неизбежно находят отражение в субъективном опыте. Если институциональная модель мужской взрослости утрачивает устойчивость, то индивид оказывается в ситуации внутреннего расщепления между ожиданием и возможностью, нормой и реальностью. Горизонт ожидания – это не только социальная рамка, но и психологическая карта будущего. Иногда социальная агнозия приводит к потере четкости и хоть какой-то определенности, в результате чего возникает:

- тревожность из-за неопределенности;
- снижение чувства собственной значимости;
- ощущение «застревания» в пролонгированной молодости;
- страх несоответствия.

Э. Гидденс характеризовал это как симптомы утраты «онтологической безопасности» – базового доверия к стабильности социального мира [Гидденс, 2005, с. 55].

Современный городской мужчина, как правило, существует в состоянии латентного сравнения. Медиасреда производит бесконечные образы успеха: предприниматель, атлет, интеллектуал, заботливый отец, эмоционально зрелый партнер. Эти модели предъясняются одновременно, создавая эффект нормативной перегруженности. Город усиливает эффект видимости – мужчина становится объектом публичного наблюдения, реального или воображаемого.

В индустриальной модели признание было институциональным, т. к. профессия давала статус, семья подтверждала зрелость, а социальная иерархия закрепляла место. Сегодня признание носит ситуативный и нестабильный характер. Психологически это ведет к дефициту символической опоры. Мужчина может быть экономически активным, но не ощущать социального веса. Он может реально участвовать в воспитании детей,

но не воспринимать себя как носителя авторитета. Возникает феномен внутреннего обесценивания, апатии, когда достижение не переживается как окончательное. Горизонт ожидания смещается вперед, но перестает быть достижимым.

Расширение эмоционального репертуара мужчины – объективный социальный процесс. Однако психологически этот процесс, как правило, амбивалентен. С одной стороны, мужчина получает право на выражение уязвимости, участие в заботе и эмоциональную близость. С другой стороны, сохраняется страх утраты «мужского ядра». Возникает скрытая тревога: «не означает ли мягкость слабость?», «как это будет воспринято?», «не ведет ли отказ от жесткой доминантности к символической маргинализации?». Данный конфликт редко артикулируется открыто, он проявляется в микропрактиках: ироническом дистанцировании от собственных чувств, компенсаторной демонстрации силы, избегании разговоров о внутреннем опыте. Городская среда не предоставляет устойчивого языка для описания нового типа маскулинности. Мужчина оказывается в переходном состоянии без четкого культурного нарратива, без компетенций и навыков быстрой адаптации к новым реалиям.

Традиционные общества обладали ритуалами перехода: армия, профессиональная иерархия, ранний брак. Эти институты символически фиксировали момент взросления. Современный город размывает границу между юностью и зрелостью. Психологически это проявляется в пролонгированной зависимости, избегании долгосрочных решений, отложенном отцовстве, сохранении потребительского стиля жизни.

Мужчина может быть биологически взрослым, но субъективно не ощущать завершенности перехода. Отсутствие инициации формирует ощущение незавершенности собственной биографии.

Безусловно, динамика роста неполных семей влияет не только на социальную структуру, но и на внутреннюю психодинамику идентичности. Отсутствие устойчивой отцовской фигуры может приводить к гипертрофированной потребности в признании, поиску внешних авторитетов, а также неопределенности мужского самообраза. Психологический образ отца как носителя границы и ответственности ослабевает. В результате мужчина во взрослой жизни вынужден конструировать образ мужской зрелости самостоятельно, без устойчивого образца.

Современный мегаполис усиливает горизонтальное сравнение, поскольку социальные сети, функционирующие как витрина достижений, определяют установку: ты – это то, что ты о себе пишешь. В этой среде формируется постоянная фоновая тревожность – ощущение, что кто-то всегда успешнее. Психологически это выражается в синдроме самозванца, хроническом чувстве недостаточности, выгорании.

Мужчина, не обладая устойчивым институтом признания, становится зависимым от ситуативной оценки.

В условиях сужения горизонта ожидания возникают компенсаторные стратегии:

1. Гиперуспешность – чрезмерная ориентация на карьеру.
2. Гипертелесность – культ физической формы как подтверждение мужественности.
3. Цифровая идентичность – перенос самореализации в виртуальную среду [Мамедов, Коркия, 2017].
4. Радикализация – обращение к традиционалистским или агрессивным моделям.

Каждая из этих стратегий выполняет психологическую функцию восстановления контроля. Указанный нами процесс сужения горизонта затрагивает ряд экзистенциальных вопросов смысла, что естественно для любой пограничной ситуации. Если индустриальная

модель предлагала ясный ответ: «Работай, обеспечивай, будь опорой», то современный город предлагает множественные, но отнюдь не иерархизированные варианты. Психологически это создает состояние экзистенциальной неопределенности: «кем быть?», «что считать успехом?», «где граница взрослости?». Отсутствие четкой культурной формулы мужской зрелости усиливает внутреннюю фрагментацию. Трансформируется привычная и устоявшаяся оптика воззрения на жизнь.

Можно говорить о формировании переходного типа маскулинности – гибкой, но тревожной; эмоционально более открытой, но нормативно незащищенной; свободной от жесткой иерархии, но лишенной институционального признания. Этот тип не является слабым. Он находится в процессе становления.

Психологическая стабилизация возможна через:

- образовательные программы формирования мужской ответственности;
- переопределение отцовства как ценности;
- признание многообразия мужских сценариев;
- снижение давления медийных стандартов успеха.

Без институционального сопровождения индивидуальная адаптация будет сопровождаться хронической тревожностью.

Социологические и психологические исследования последних лет фиксируют устойчивый рост показателей тревожности и эмоционального истощения в мужской среде крупных городов. Особенно это заметно среди мужчин 25–45 лет – период, который традиционно ассоциировался с карьерным и семейным становлением.

Городская экономика проектного типа формирует режим постоянной включенности. Нестабильная занятость, краткосрочные контракты, отсутствие долгосрочной карьерной траектории, конкуренция в цифровой среде формируют фон перманентной неопределенности. Исследования показывают: мужчины чаще связывают самооценку с профессиональным успехом, что при нестабильности труда приводит к повышенной тревожности, соматизированному стрессу и эмоциональному дистанцированию. Выгорание становится не эпизодическим состоянием, а фоновым режимом существования [Мамедов и др., 2026, с. 121].

Медиатизированная культура успеха формирует модель «гипермужчины»: предприниматель, спортсмен, активный отец, эмоционально зрелый партнер. Эмпирические опросы демонстрируют, что значительная часть мужчин осознает постоянное несоответствие этим паттернам, что далеко не безобидно. Возникает феномен «скрытого напряжения» – внешняя адаптация при внутреннем ощущении недостаточности. Особенностью мужского психологического реагирования является то, что тревожность зачастую не артикулируется напрямую, она выражается через раздражительность, замыкание, избегание обсуждения чувств, а также через уход в цифровые пространства.

Современный городской мужчина чаще и реальнее вовлечен в уход за ребенком, чем предыдущие поколения, при этом эмпирика показывает амбивалентность переживания: высокая включенность, но одновременно страх потери профессионального статуса; стремление быть «новым отцом», но отсутствие устойчивого образца. Это усиливает внутренний конфликт между карьерной и семейной идентичностью, приводя нередко к деструктивным формам поведения.

При кажущейся плотности городского общения мужчины все чаще сталкиваются с дефицитом доверительных социальных связей. Исследования социальной поддержки показывают, что городская среда усиливает публичность, но не гарантирует глубины контакта: мужчины реже обсуждают эмоциональные проблемы с друзьями, перенося их во внутренний мир, и переживают кризисы, как правило, в одиночку. Уже с середины 50-х гг. XX в. социологами констатируется феномен «одиночества в толпе».

Сужение горизонта ожидания имеет не только социологическое и психологическое, но и философское измерение. Поздняя модерность разрушает метанарративы мужской идентичности. Если индустриальная эпоха предлагала телеологию «стань опорой семьи», «построй карьеру», то современность предлагает множественность без иерархии. Экзистенциально это означает отсутствие заданного и принятого всеми пути, необходимость самостоятельного конструирования смысла и ответственность без гарантий.

Несомненно, городской мужчина оказывается в ситуации, которую можно описать как «тревога выбора». Свобода больше не компенсируется ясностью. Она (свобода) все более тревожна и неустойчива. Выбор профессии, модели семьи, стиля жизни – все это становится лишь индивидуальным проектом и зоной ответственности. Но индивидуализация в современном ее варианте не сопровождается институциональной поддержкой. Тревога возникает не по причине отсутствия возможностей, а из-за их избыточности. Выбор из избыточного зачастую приводит к ощущению неправильности самого выбора. Как отмечал У. Бек в своей концепции общества риска, подобная ситуация порождает феномен, который можно определить как «ловушку индивидуализации», то есть ситуацию, при которой социальные кризисы начинают восприниматься как личные неудачи [Бек, 2000].

С точки зрения феноменологии повседневности, мужской субъект утрачивает ощущение цельности биографии: она сконструирована из множества весьма разнообразных акторов. Человек все больше напоминает субъекта в комнате зеркал, где возможность вычленения собственного «я» весьма затруднительна. Он существует одновременно в нескольких ролях: сотрудник, партнер, отец, участник цифровых сообществ, потребитель. Эти роли не всегда интегрированы. Появляется чувство фрагментации – как будто разные части «я» функционируют автономно [Мамедов, Якушина, 2015а; Мамедов, Якушина, 2015б].

Индустриальная маскулинность была ориентирована на будущее – долгосрочное накопление статуса. Современная городская маскулинность часто живет в режиме краткосрочности: проекты – вместо профессии, отношения – вместо брака, впечатления – вместо накоплений. Временной горизонт сокращается. Это и есть психологическое проявление сужения ожиданий.

Безусловно, современный мужчина формально свободен от жестких гендерных предписаний: у него есть право и возможность выбирать профессию без гендерных ограничений, активно участвовать в воспитании детей, демонстрировать эмоциональность. Однако эта свобода сопряжена с неопределенностью и отсутствием четких ориентиров. Социальная агнозия усиливает дезориентацию в обществе. Парадокс состоит в том, что расширение возможностей сопровождается в первую очередь ростом тревожности.

На фоне описанных процессов формируется переходная модель мужской взрослости, для которой характерны: гибкость идентичности, рефлексивность, эмоциональная открытость, нестабильная институциональная опора.

Данный тип еще не получил культурной фиксации, поскольку он находится в процессе становления и требует институционального признания. Новая социальная ткань еще не прожита и не отрефлексирована. Социальная мысль пока не выдвигает на повестку дня данный феномен.

Сужение горизонта ожиданий мужчины в городском пространстве можно определить как процесс сокращения институционально закрепленных, социально признанных и психологически устойчивых сценариев мужской взрослости в условиях поздней модерности. Он проявляется на трех уровнях:

1. Структурном – трансформация труда и семьи.
2. Психологическом – тревожность, фрагментация идентичности.
3. Экзистенциальном – утрата телеологии мужского жизненного проекта.

Это не кризис в узком смысле, а фаза массового перехода к новой конфигурации маскулинности [Кон, 2009].

Сужение горизонта ожиданий мужчины в городском пространстве – это не только социоструктурный, но и глубоко психологический процесс. Мужчина поздней модерности оказывается между двумя эпохами: он, по большей части, не полностью индустриальный субъект (это уже в прошлом), но еще не институционально признанный носитель новой гибридной маскулинности. Современный город манит к себе, предоставляя свободу, но отнимает ясность, расширяя ассортимент выбора и таким образом сокращая предсказуемость решений. Он поощряет эмоциональность, но отнюдь не гарантирует признания. Психологическая динамика современного мужчины – это динамика адаптации к миру, где взрослость в силу своей дискретности больше не определяется однозначно.

Список литературы / References

- Бауман, З. (2008). *Текущая современность*. СПб.: Питер. 238 с.
- Bauman, Z. (2008). *Liquid Modernity*. St. Petersburg. 238 p. (In Russ.).
- Бек, У. (2000). *Общество риска. На пути к другому модерну*. Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. М.: Прогресс-традиция. 381 с.
- Beck, U. (2000). *Risk Society. Towards Another Modernity*. Sedelnik, V. and Fedorova, N. (transl.). Moscow. 381 p. (In Russ.)
- Бурдьё, П. (2007). Социальное пространство и символическая власть. *Социология социального пространства*. Пер. с фр. М.: Изд-во Алетейя. С. 64-86.
- Bourdieu, P. (2007). Social Space and Symbolic Power. In *Sociology of Social Space*. Moscow. Pp. 64-86. (In Russ.)
- Вебер, М. (2016). Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. *Экономическая социология*. Т. 17. №. 5. С. 13-29.
- Weber, M. (2016). Economy and Society: Essays on Interpretive Sociology. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 17. No 5. Pp. 13-29. (In Russ.)

Веблен, Т. (1984). *Теория праздного класса*. М.: Прогресс. 367 с.

Veblen, T. (1984). *The Theory of the Leisure Class*. Moscow. 367 p. (In Russ.)

Гидденс, Э. (2005). *Устройство общества. Очерк теории структуризации*. М.: Академический проект. 525 с.

Giddens, E. (2005). *The Structure of Society. Essay on the Theory of Structuration*. Moscow. 525 p. (In Russ.)

Дюркгейм, Э. (1994). *Самоубийство: Социологический этюд*. Пер. с фр. с сокр., под ред. В. А. Базарова. М.: Мысль. 399 с.

Durkheim, E. (1994). *Suicide: A Sociological Study*. Bazarov, V. A. (ed.). Moscow. 399 p. (In Russ.)

Зиммель, Г. (2002). Большие города и духовная жизнь. *Логос*. Т. 3. № 34. С. 1-12.

Simmel, G. (2002). Big Cities and Spiritual Life. *Logos*. Vol. 3. No. 34. Pp. 1-12. (In Russ.)

Ильин, В. И. (2005). Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность. *Мир России. Социология. Этнология*. Т. 14. № 2. С. 3-40.

Ilyin, V. I. (2005). Consumer Society: Theoretical Model and Russian Reality. *The World of Russia. Sociology. Ethnology*. Vol. 14. No. 2. Pp. 3-40. (In Russ.)

Кастельс, М. (2000). *Информационная эпоха: Экономика, общество и культура*. Т. 1. М.: ГУ ВШЭ. 608 с.

Castells, M. (2000). *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Vol. 1. Moscow. 608 p. (In Russ.)

Кон, И. С. (2009). *Мужчина в меняющемся мире*. М.: Время. 494 с.

Kon, I. S. (2009). *A Man in a Changing World*. Moscow. 494 p. (In Russ.)

Мамедов, А. К., Горлач, Д. Г., Горлач, М. Е. (2026). *Прагмалингвистика социального статуса*. М.: МАКС Пресс. 145 с.

Mamedov, A. K., Gorlach, D. G., Gorlach, M. E. (2026). *Pragmalinguistics of Social Status*. Moscow. 145 p. (In Russ.)

Мамедов, А. К., Коркия, Э. Д. (2017). Идентичность в виртуальной реальности: новые альтернативы. *Теория и практика общественного развития*. № 2. С. 9-12.

Mamedov, A. K., Korkiya, E. D. (2017). Identity in Virtual Reality: New Alternatives. *Theory and Practice of Social Development*. No. 2. Pp. 9-12. (In Russ.)

Мамедов, А. К., Якушина, О. И. (2015а). Поиск идентичности в современных реалиях: дикретность, посттрадиционализм и индивидуализм. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. № 4. С. 20-30.

Mamedov, A. K., Yakushina, O. I. (2015a). The Search for Identity in Modern Realities: Discreteness, Posttraditionalism, and Individualism. *Bulletin of the Peoples Friendship University of Russia. Series: Sociology*. No. 4. Pp. 20-30. (In Russ.)

Мамедов, А. К., Якушина, О. И. (2015б). Теоретические подходы к пониманию идентичности в современной социологической науке. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. № 1. С. 43-59.

Mamedov, A. K., Yakushina, O. I. (2015b). Theoretical Approaches to Understanding Identity in Modern Sociological Science. *Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*. No. 1. Pp. 43-59. (In Russ.)

Сведения об авторе/ Information about the author

Мамедов Агамали Кулам-оглы – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета Московского государственного университета им. М. В Ломоносова, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 33, e-mail: Akmnauka@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2607-7546>.

Статья поступила в редакцию: 05.03.2026

После доработки: 15.05.2026

Принята к публикации: 29.05.2026

Mamedov Agamali Kulam-ogly – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University. Moscow, Leninskie Gory, 1, building 33, e-mail: Akmnauka@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2607-7546>.

The paper was submitted: 05.03.2026

Received after reworking: 15.05.2026

Accepted for publication: 29.05.2026

УДК 316.74: 303.1

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

В. А. Шелгинская

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург)
victoria.shelg@yandex.ru

Аннотация. Социокультурные мероприятия являются сложной областью исследований ввиду того, что служат полем столкновения интересов нескольких заинтересованных сторон, таких как посетители, бизнес, государство. Поскольку интересы и цели каждой из сторон различаются, а потребность в привлечении посетителей остается, это порождает проблему интерпретации данных и планирования исследований. Цель – раскрыть особенности интерпретации данных эмпирических исследований социокультурных мероприятий в ситуации сочетания аналитических контекстов. Методологическую основу составили герменевтический подход, дополненный примерами из опыта изучения представлений молодежи по методу Кано. Процедура анализа деконструирована как процесс последовательной реинтерпретации, базирующийся на определении и сравнении ценностно-целевых позиций ключевых заинтересованных сторон, а также в соотношении с тремя контекстами проявления социальных представлений. Выделены соответствующие этапы интерпретации: первый (описание посетительского профиля целевой группы), второй (приведение в соответствие с контекстом мероприятия), третий (оценка преобразовательного потенциала). Раскрыты особенности каждого этапа с опорой на примеры анализа представлений молодых респондентов.

Ключевые слова: досуг, развлечение, учреждение культуры, студенческая молодежь, герменевтический круг, Нориаки Кано, удовлетворенность потребителей, оценка качества, модель объективного качества.

Для цитирования: Шелгинская, В. А. (2026). Герменевтический аспект эмпирических исследований социокультурных мероприятий. *Respublica Literaria*. Т. 7. № 2. С. 76-90. DOI: 10.47850/RL.2026.7.2.76-90

HERMENEUTIC ASPECT OF SOCIO-CULTURAL EVENTS EMPIRICAL RESEARCH

V. A. Shelginskaya

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)
victoria.shelg@yandex.ru

Abstract. Sociocultural event is a complex research area as far as it presents as a potential field of conflict of stakeholders interests: visitors, businesses, government. Their interests and goals are different, but all have the need to attract visitors'. Thus, a problem of interpreting sociological data about target group begins. Our goal is to reveal the features of empirical socio-cultural event studies interpretation according to a situation of combining analytical contexts. The methodological basis includes a hermeneutic approach, which is supplemented by practical examples from the casestudy using the Kano method. The procedure of analyzing sociological data is deconstructed as a process of consistent reinterpretation, based on the domination and comparison of key stakeholders value-target positions and in accordance with three contexts of social representations' existence. The corresponding interpretative stages are highlighted: the first (target group's visitor profile description), the second (alignment with the event context), the third (assessment of transformation potential). The features of each stage are revealed using illustrative examples of youth' preferences study.

Keywords: leisure, entertainment, cultural center, students, Noriaki Kano, hermeneutic circle, customer satisfaction, quality assessment, objective quality model.

For citation: Shelginskaya, V. A. (2026). Hermeneutic Aspect of Socio-cultural Events Empirical Research. *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 2. Pp. 76-90. DOI: 10.47850/RL.2026.7.2.76-90

Введение

Праздники и массовые социокультурные мероприятия на протяжении многих лет представляют определенный интерес и как предмет исследования во многих научных направлениях, и как фактор формирования общества. Рост значимости креативных индустрий, доступность грантовой поддержки событийных проектов и привлекательность этой сферы для молодых специалистов значительно способствовали развитию практического и исследовательского интереса к социокультурным мероприятиям (ивент-мероприятиям). Во многом это связано с тем, что реализация мероприятий не только стимулирует различные отрасли, активно вовлекая их в социально-экономические взаимоотношения, но и предоставляет возможности для достижения целей социального управления, связанных с деятельностным или ценностным воздействием на посетителей, формированием шаблонов поведения, ценностных установок, вовлечением в активное участие и получение опыта [Миэда, 2025; Каверина, 2011; Герасимова, Герасимов, 2022].

При этом качественная и ответственная реализация социокультурного мероприятия предполагает предварительное изучение целевых социальных групп посетителей. Например, посетителям может быть свойственна рекреационно-гедонистическая цель посещения, тогда как представители бизнеса могут быть сфокусированы на соответствии ожиданиям потребителя для максимизации посещаемости и выручки, а государственно-муниципальный партнер может преследовать просветительскую или вовлекающую цель. Если бы мы рассматривали эти цели по отдельности, как цели отдельных мероприятий, то эмпирическое исследование могло быть сфокусировано на какой-то одной значимой составляющей (в нашем примере – соответственно на мотивации, потребительских предпочтениях или предпочитаемых формах вовлечения и коммуникации), принимая остальные как несущественные.

Но поскольку мероприятия объединяют разные заинтересованные стороны со своими целями и ожиданиями от реализации проекта, это ставит перед исследователями сложную комплексную задачу, суть которой можно выразить вопросом: как в рамках одного исследования получить такие сведения о социальных представлениях, на основании которых можно было бы охарактеризовать социальный портрет потенциального посетителя в соответствии с целями различных заинтересованных сторон? Данная проблема имеет две составляющих: проблему разработки эмпирического инструментария и проблему интерпретации данных. Данное исследование посвящено именно второму аспекту.

Цель – раскрыть особенности интерпретации данных эмпирических исследований социокультурных мероприятий в ситуации сочетания аналитических контекстов (в частности, в случае необходимости учета интересов нескольких субъектов).

Материалы и методы

Герменевтический принцип «понимания» подразумевает последовательное проведение трех процедур: декодирование имеющегося материала, интерпретацию и выявление внутренних смыслов, приведение в соответствие с контекстом, в котором представлен объект исследования [Добрина, 2024; Матушевская, 2024]. Двусторонняя связь интерпретатора и контекста позволяет раскрыть круговой или спиралевидный процесс – «рассмотрение общего через составляющие его части и интерпретация элементов через предпонимание целого» [Титов, 2020, с. 176]. Мы предпринимаем попытку приложить эти принципы к интерпретации результатов эмпирического исследования следующим образом.

Интерпретация в нашем случае происходит как на уровне субъектов-носителей изучаемых социальных представлений (далее – Ссп), так и на уровне субъекта целеполагания (далее – Сц), задающего направление анализа. Признавая влияние исследователя как субъекта интерпретативного процесса, полагаем, что в данном случае он может быть условно вынесен за пределы этой системы и отождествлен с той или иной заинтересованной стороной на различных этапах интерпретации, поскольку при проведении интерпретации интериоризирует соответствующие точки зрения. Интерпретация на уровне Ссп предполагает согласованное декодирование самими Ссп информации, запрошенной исследователем, а с другой стороны – декодирование исследователем смыслов (выраженных прямо или косвенно), носителями которых респонденты-Ссп являются вследствие пребывания в своем жизненном контексте. Интерпретация на уровне Сц предполагает переосмысление этих сведений посредством преломления их через рамку иного жизненного контекста, с позиции субъекта управления в части достижения поставленных целей.

Соответственно, проведенный анализ представлен тремя этапами. Первый и второй этапы относятся к интерпретации на уровне Ссп, которые выработали свои представления в условиях окружающего их жизненного контекста. Первый этап включает первичную интерпретацию данных при допущении, что Ссп объективно интерпретировали вопросы исследователя и соотнесли их со своей понятийной системой и жизненным контекстом (привели «внешние» смыслы в соответствие с «внутренним») [Добрина, 2024]. Второй этап направлен на повторную, углубленную интерпретацию с учетом того, что за внешне проявленными смыслами могут находиться скрытые, косвенно выраженные представления, дополняющие или опровергающие явно продемонстрированные. На данном этапе снимаются возможные искажения в ответах респондентов, обусловленные влиянием их жизненного контекста (стереотипов или шаблонов, принимаемых Ссп в качестве руководящих ориентиров, но не обязательно полностью разделяемых). Третий этап переносит контекст рассмотрения на Сц, где данные о Ссп интерпретируются через соотнесение с новым контекстом.

Теоретический анализ на каждом этапе дополнен примерами, приведенными из опыта изучения представлений молодежи о социокультурных мероприятиях, сведения о которых были получены по методу Кано на основании доступной выборки $n=30$, в которую вошли молодые люди 18–24 лет (из них 2/3 девушки), являющиеся посетителями социокультурного мероприятия смешанного типа (тематический фестиваль с патриотическим уклоном, подразумевающий сочетание интересов учреждения культуры в части реализации

культурной политики и тематических интересов местного молодежного сообщества). Метод Кано – качественный метод анализа социологической информации¹, который позволяет работать с небольшими массивами данных (от 30 до 300), предполагает присутствие попарно-противоположных вопросов к респонденту, а также дает возможность рассчитать на основе сопоставления ответов интегральный показатель, позволяющий охарактеризовать отношение респондента к той или иной переменной [Абакумова, 2021; Власов и др., 2024].

Результаты

Первый этап анализа и интерпретации связан с контекстом, предвосхищающим проведение мероприятия, который мы можем условно обозначить как исходный и охарактеризовать следующим образом. Ссп формирует свои представления о мероприятии, исходя из опыта, полученного в своей социокультурной среде: культурных стереотипов, мнения социального окружения, воспитания и т.д. В их формировании участвует ряд факторов, среди которых присутствуют как индивидуальные (эстетическое воспитание, воображение и пр.), так и общесоциальные (шаблоны массовой культуры, влияние авторитетов, социализация и пр.). Ссп рассматривает массовое социокультурное мероприятие как вид досугово-развлекательного времяпрепровождения, связанный преимущественно с отдыхом и развлечением, нежели с познавательной или прикладной деятельностью [Назарова, 2025]. Т.е. гуманистические цели посещения (даже при их наличии) в данном случае уступают гедонистическим. Таким образом, очевидными, проистекающими из контекста критериями выбора мероприятия к посещению являются соответствие общим представлениям и ожидание приятного времяпрепровождения.

Контекст, в котором оперирует Сц на данном этапе, во многом схож с вышеописанным контекстом Ссп. Исходя из аналогичных общесоциальных культур-формирующих предпосылок, Сц прежде всего ориентирован на то, чтобы привлечь потенциального посетителя. Поскольку и Ссп, и Сц в данном случае оперируют представлениями, в общем виде близкими за счет влияния одних общесоциальных факторов, задачей исследователя остается определить особенности проявления этих представлений в целевых социальных группах.

Соответственно, интерпретация эмпирических данных на этом этапе предполагает выявление преобладающих представлений, характеризующих посетительский профиль целевой группы (рис. 1). Под посетительским профилем здесь понимается совокупная характеристика социальных представлений и ожиданий относительно атрибутов, вида, формата, целей и преимуществ социокультурного мероприятия, свойственная социальной группе посетителей и определяющая ее намерение относительно данного мероприятия.

Несмотря на общую простоту, которая определяется схожестью контекстов с позиций Ссп и Сц, интерпретация данных уже на этом этапе сталкивается с неоднозначностью, обусловленной влиянием контекста на рефлексивные процессы самих Ссп и общей проблемой прямых исследовательских вопросов. Ответ информанта может быть искажен

¹ Под социологической информацией здесь понимается в общем виде совокупность систематизированных данных о представлениях группы людей об определенном явлении. Таким образом, несмотря на то, что метод Кано изначально относится к области разработки товара и маркетинга, в его основе лежит именно социологическая информация.

влиянием на него популярных шаблонов, стереотипных образов или общепринятых установок, а также ограничениями, которые накладывают предлагаемые варианты ответов, собственная реакция на формулировки вопросов и их интерпретация, происходящая в условиях стресса (беседа с незнакомым человеком, ограниченность по времени и необходимость саморефлексии) [Сосновская, 2020; Грехнева и др., 2021]. Например, когда интервьюер задает вопрос относительно значимости того или иного атрибута мероприятия в ситуации ограниченного времени (когда требуется быстрый ответ на вопрос), респондент скорее всего назовет атрибуты, которые были более ярко выражены на когда-то посещенном им мероприятии или в целом лучше разрекламированы. В первом случае ответ респондента будет продиктован его предыдущим опытом (или насмотренностью), во втором случае – наиболее часто присутствующей в его окружении информацией (уровня «top of mind», которая первая вспоминается без подсказки и связана обычно с некоторым наиболее широко представленным в информационном поле объектом²).

Одним из существенных искажений здесь также является генерализация представлений – ситуация, когда переменные воспринимаются информантом как равно значимые (рис. 1), что дает понимание о перечне привлекающих посетителя атрибутов мероприятия в целом, но не позволяет судить об уровне их значимости или функциональной роли. Так, на рис. 1 мы видим, что большинство атрибутов мероприятия отмечаются респондентами в качестве предпочтительных. Чтобы соответствовать этим представлениям, организатор вынужден предлагать на мероприятии широкий ассортимент активностей. При этом участие посетителей в тех или иных активностях, даже если они изначально расположены к ним, не предопределено. В итоге организатор рискует иметь дело с ситуацией, когда большое количество ресурсов потрачено на обеспечение широкого комплекса атрибутов, хотя по факту часть из них остается невостребованной посетителями и, как следствие, не вносит вклад в получение желаемого эффекта от мероприятия.

С появлением этой проблемы мы переходим на второй аналитический этап.

Рис. 1. Комплекс представлений о мероприятии, анализируемый на первом этапе анализа и интерпретации

² В общем виде термин относится к теории маркетинговых коммуникаций и обозначает первый бренд или торговую марку, которые аудитория вспоминает, не задумываясь.

На втором этапе анализа и интерпретации фокус внимания переносится с исходного контекста (профиль посетителя, сформированный под влиянием социокультурного окружения) на контекст отдельного мероприятия, форма и содержание которого формируются деятельностью организующей стороны. Несмотря на то что в целом интересы вовлеченных сторон (потенциальных посетителей и организаторов) все еще совпадают, у организующей стороны как у Сц появляется дополнительный контекстуальный аспект: потребность в достижении конкурентного преимущества и информационного доминирования с тем, чтобы привлечь посетителей и достичь целей экономической или коммуникативной эффективности.

Для этого недостаточно знать общий комплекс привлекающих к посещению атрибутов. Важно также понимать значимость того или иного из них для целевой группы и использовать их сочетание таким образом, чтобы была обеспечена не только некоторая их базовая совокупность, но также представлены такие атрибуты, которые бы позволили придать мероприятию дополнительную ценность³ в восприятии посетителя [Маркова, Курцевич, 2007]. Поэтому интерпретация на данном этапе предполагает уточнение представлений об атрибутах мероприятия, наличие которых препятствует принятию решения о посещении, или, наоборот, свидетельствует о возможности придать мероприятию дополнительные характеристики. Эти характеристики, будучи сознательно не фиксируемыми посетителем в качестве привлекательных, тем не менее обеспечили бы положительное эмоциональное воздействие на него, формируя позитивное отношение к мероприятию и организатору.

Данный этап также не лишен проблемы саморефлексии информанта, в частности, связанной с присутствием явных и скрытых представлений. Под явными и скрытыми представлениями (аналогично понятиям явных и латентных функций у Р. Мертона) здесь понимаются представления, соответственно, декларируемые информантами в явной форме и, наоборот, не осознаваемые ими заранее, но вносящие существенный вклад в формирование отношения [Воронина, 2017]. Определение несоответствий между явными и скрытыми представлениями позволяет условно отделить влияние общесоциального контекста от более глубинного, индивидуального уровня представлений, которые присущи информанту, но не озвучиваются им или не осознаются.

Преодоление этой проблемы возможно за счет введения проверочных или дублирующих вопросов к респонденту, что может выявить несоответствия. Такие вопросы могут быть представлены в виде прямого либо косвенного противопоставления. Прямое противопоставление наиболее выразительно раскрыто в методе Кано, где пара вопросов формируется по принципу сравнения отношения респондента к наличию атрибута и к его отсутствию, оцениваемого по одинаковой шкале. Возможные несоответствия выявляются в случаях, когда отсутствие атрибута оценивается респондентом более положительно, чем его присутствие, или наоборот. Либо когда диаметрально противоположное качество оценивается более положительно или отрицательно.

³ Под дополнительной ценностью в данном случае понимается субъективное свойство объекта, не только удовлетворяющее определенные потребности или ожидания, но синергетически повышающее значимость этого объекта в восприятии человека.

Так, например, на рис. 2 такое несоответствие прослеживается в отношении шестого атрибута. Этот атрибут, а именно общение по интересам, в явной форме оценивается респондентами как сравнительно менее значимый по сравнению с остальными. Однако при косвенной оценке отсутствие этого атрибута воспринимается значительно более негативно, чем какого-либо другого атрибута. Это показывает, что его значимость не проявляется при прямой оценке (он не входит в совокупность атрибутов, вспоминаемых респондентами на уровне «top of mind»). Однако его отсутствие воспринимается критически, т. е. значимость формируется на уровне глубинных представлений, а не спонтанного вспоминания. Респонденты ждут этот атрибут скорее подсознательно, чем сознательно, что позволяет использовать его как элемент создания дополнительной ценности мероприятия, а не как, например, элемент рекламной кампании.

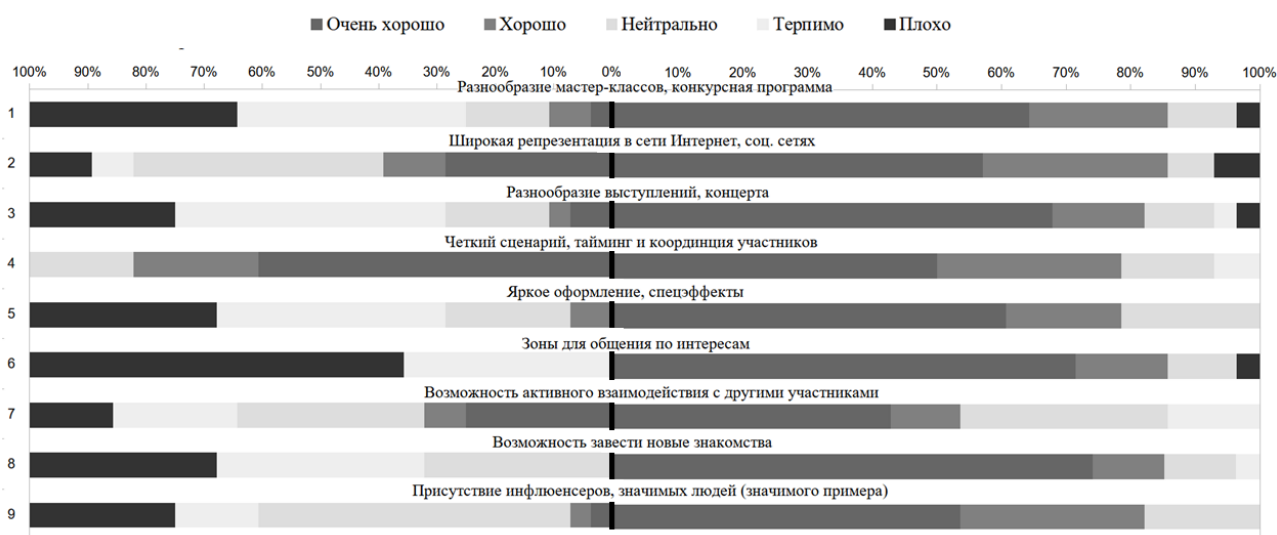

Рис. 2. Комплекс представлений о мероприятии, анализируемый в сравнении на втором этапе анализа и интерпретации (справа – при положительном проявлении атрибута, слева – при отрицательном)

Косвенное противопоставление может не иметь очевидной пары «наличие-отсутствие» для интерпретируемого атрибута, но иным способом делать возможным сравнение ответов по другим критериям. Так, значимость одного и того же атрибута (или их совокупности) может оцениваться несколько раз с изменениями в формулировках вопроса, либо с изменениями контекста проявления атрибута. Например, важность определенного атрибута для респондента при выборе мероприятия может не совпадать с его же значимостью в период непосредственного присутствия на мероприятии.

В целом интерпретация второго этапа направлена на то, чтобы осмыслить социальные представления в контексте самого мероприятия. При этом необходимо не просто раскрыть их совокупность, а проанализировать и ранжировать их в зависимости от роли в формировании посетительского намерения (предпочтения данного мероприятия перед аналогичным и проистекающей из этого готовности его посетить) и посетительского опыта (эмоциональной реакции на мероприятие, лежащей в основе впечатления о нем, которое формирует последующее посетительское намерение) (табл. 1). В частности, атрибуты уровня

«top of mind» целесообразно использовать при продвижении мероприятия для привлечения аудитории, тогда как атрибуты, значимость которых имеет скрытую, глубинную природу, – в качестве средств формирования позитивного и запоминающегося опыта посещения.

Такой подход позволяет включить в рассмотрение позицию посетителя и организатора. Причем позицию последнего можно назвать реакционной относительно посетителя в том смысле, что анализ и интерпретация данных ориентированы на то, чтобы далее (при разработке управленческих решений) максимально удовлетворить посетителя или даже превзойти его ожидания. Иными словами, интерпретация здесь не учитывает возможность как-либо повлиять на посетителя или, косвенно, на его социокультурное окружение в дальнейшем. Тогда как интересы государственно-муниципального партнера мероприятия и интересы общественного развития во многих случаях предполагают или ожидают того, что требует дополнительной интерпретации.

Третий этап анализа и интерпретации предполагает рассмотрение полученных на предыдущих этапах выводов с позиции Сц в ситуации, когда его интересы не ограничиваются предоставлением событийной услуги, но предполагают определенное влияние на посетителей и связаны с возможными противоречиями по отношению к их ожиданиям. При этом становится важным не просто удовлетворить потребителя, но и достичь таких целей, которые могут быть восприняты потребителем с предубеждением. Например, СКМ нередко преследуют просветительские, вовлекающие или воспитательные цели, к которым потенциальный посетитель может отнестись с предубеждением, будучи расположенным к сугубо развлекательному формату [Герасимова, Герасимов, 2022; Каверина, 2011]. Аналогичная ситуация может иметь место в деятельности любого организатора, который предполагает оказать коммуникативное воздействие на посетителя, например, в целях формирования имиджа организации или образа бренда. Здесь следует учитывать, что любой материальный объект среды проведения мероприятия (элементы оформления, инфраструктуры, место проведения), а также социальной среды (участники, ведущие, выступающие), может рассматриваться как средство коммуникации, вербальной или символической [Калина, 2020; Каверина, 2011].

Ситуацию, определяющую интерпретативный контекст данного этапа, можно охарактеризовать следующим образом. С одной стороны, потенциальный посетитель, Ссп, выбирает мероприятие, руководствуясь комплексом представлений, сложившихся под влиянием окружающего его социокультурного контекста и особенностей личного восприятия. Ориентируясь на набор этих представлений, а также учитывая неявные особенности или скрытые представления, можно реализовать мероприятие, эмоционально выразительное и формирующее положительное отношение к организатору. При этом сохраняется и закрепляется тот набор представлений, который лежал в его основе, а соответственно, и связанные с ним социокультурные особенности. С другой стороны, Сц, предполагающий повлиять на социокультурные установки посетителя, вынужден не учитывать или нивелировать при разработке мероприятия деструктивные (по отношению к его целям) представления и их социокультурные предпосылки – либо учитывать их так, чтобы это также способствовало определенному преобразующему воздействию.

Поэтому целью третьего этапа интерпретации (и его аналитической рамкой) становится выявление таких представлений (взаимосвязи представлений), которые свидетельствовали бы о потенциальной возможности разработать на их основе

эффективные средства многоканальной коммуникации или вовлечения. Поле изысканий связано с поиском баланса между привлекающими, формирующими удовлетворение от посещения и коммуникативно-вовлекающими атрибутами.

Интерпретация на данном этапе может быть проведена с помощью некоторого интегрального показателя, либо качественным образом.

Интегральный показатель обобщает результаты попарного сравнения ответов, проведенного на втором этапе, характеризуя их функциональный потенциал. Так, например, в методе Кано переменные распределяются по пяти категориям: М (обязательные – неотъемлемые атрибуты, которые воспринимаются как должное), О (одномерные – когда удовлетворенность растет пропорционально изменению этого атрибута), А (аттрактивные – эти атрибуты привлекают,кратно увеличивают удовлетворенность, но не обязательно предполагаются аудиторией изначально, и их отсутствие не вызывает существенно неудовлетворенности), I (безразличные) и R (нежелательные – приводящие к неудовлетворенности или негативным реакциям) [Григорьева, 2023]. Сопоставляя результаты по этому показателю с результатами интерпретации предыдущих этапов, можно получить представление о том, какие атрибуты целесообразно использовать в качестве стимулирующих посещение, какие – в качестве средств формирования положительного опыта посещения, а какие – использовать, например, в качестве средства вовлечения или источника преобразующего воздействия.

Проиллюстрируем это на примере рис. 2 и табл. 1, в которых представлен интегральный показатель по каждой переменной (атрибуту), согласно которому можно сделать следующие сравнительные выводы:

1. Картина положительных и отрицательных представлений по элементам 5 (яркое оформление и спецэффекты) и 7 (активное взаимодействие с другими участниками) имеет разный характер, при этом оба элемента попали в категорию безразличных в ситуации выбора мероприятия. Их функциональная задача, вероятнее всего, относится не к этапу выбора мероприятия, а к периоду формирования посетительского опыта или оказания коммуникативного воздействия. При этом привлекательность пятого атрибута достаточно выражена, что делает связанные с ним элементы среды мероприятия потенциальными источниками коммуникативного воздействия.

2. Представления по элементам 1 (разнообразие мастер-классов) и 6 (общение по интересам) – одни из немногих, где проявлены отрицательные мнения, однако они попали в категорию одномерных, т.е. пропорционально увеличивающих уже существующую посетительскую привлекательность мероприятия. Это позволяет использовать их для усиления положительного посетительского опыта. Вместе с тем оба атрибута можно назвать деятельностными (в отличие от, например, атрибута 3 (разнообразие выступлений, концертов)), т.е. способствующими вовлечению посетителя и его более активному взаимодействию со средой, имеющимися в ней коммуникативными источниками.

3. Представления по атрибуту 4 (четкий сценарий, тайминг и координация участников), в отличие от, например, атрибута 7 (активное взаимодействие с другими участниками), имеют более позитивный характер (меньше индифферентных оценок респондентов и больше в целом положительных), но при этом атрибут попал в категорию нежелательных, что указывает на самый неудачный способ, с помощью которого Сц может стимулировать вовлечение посетителей и целевую коммуникацию с ними.

Аналогичные выводы качественного характера могут быть сделаны на основе сопоставления ответов по любым взаимно-проверочным парам или группам вопросов.

Таблица 1

Показатель категории атрибута, согласно методу Канон

Атрибут	Попаданий в категорию				
	М	О	А	І	R
1. Разнообразии мастер-классов, конкурсная программа	2	9	8	7	1
2. Широкая репрезентация в сети Интернет, соц. сетях	1	2	9	5	5
3. Разнообразии выступлений, концертов	3	3	13	6	1
4. Четкий сценарий, тайминг и координация участников	0	0	6	4	9
5. Яркое оформление, спецэффекты	2	8	8	9	0
6. Зоны для общения по интересам	7	10	9	0	1
7. Возможность активного взаимодействия с участниками	1	1	8	10	5
8. Возможность завести новые знакомства	3	5	14	6	0
9. Присутствие инфлюенсеров, значимых людей (значимого примера)	3	4	10	10	0

Выводы / заключение

В представленном материале предпринята попытка раскрыть особенности интерпретации данных эмпирических исследований социокультурных мероприятий на основе принципов герменевтического подхода. С учетом трехстороннего интереса и трех специфических контекстов анализа эмпирической информации выделено три этапа интерпретации, охарактеризованы особенности каждого из них и соответствующим образом проанализированы представления респондентов.

Первичная интерпретация позволила охарактеризовать посетительский профиль аудитории мероприятий (первой заинтересованной стороны). С одной стороны, аудитории свойственна комплексность представлений: мероприятие должно объединять различные варианты времяпрепровождения, проходить в комфортной и привлекательно оформленной обстановке, предполагать значительную степень свободы действия, быть социально полезным. С другой стороны, среди этих атрибутов сложно выделить те, которые непосредственно стимулируют посещение или вызывают предубеждение. Поэтому первичная интерпретация не дает понимания того, как обеспечить мероприятию конкурентное преимущество или добавленную ценность (что имеет значение для организатора как второй заинтересованной стороны).

Сравнительно-аналитическая интерпретация, осуществленная далее, была направлена на то, чтобы снять влияние распространенных стереотипных представлений и обнаружить глубинные ожидания аудитории. Здесь необходимо учитывать, что и за внешне выраженными смыслами могут находиться скрытые, косвенно выраженные представления, а также то, что возможно искажающее влияние масс-культурных факторов. На данном этапе интерпретации атрибуты распределены по трем функциональным группам (на основании

простого сопоставления ответов, а также с применением интегрального показателя). Первая группа – атрибуты, необходимость присутствия которых выражена в представлениях аудитории, а отсутствие сопровождается сравнительно небольшим негативным отношением. К таким можно отнести концертную составляющую, информационное сопровождение, возможность увеличения своего социального капитала, присутствие значимых (медийных и других) личностей на мероприятии, а также привлекательное (яркое, выразительное) оформление. Хотя последний атрибут, тем не менее, при анализе через интегральный показатель попал в категорию индифферентных. Указанный перечень атрибутов можно использовать в целях привлечения (в рамках рекламной кампании и при первичном знакомстве с площадкой проведения), тогда как оформительская составляющая скорее служит средством формирования «контекста» мероприятия – условий, которые обеспечивают комфортную, но не доминирующую в восприятии посетителя среду, в которой возможно оказание на посетителя целевого воздействия. Вторая группа – атрибуты, явно невыраженные в ожиданиях, но связанные со значительным негативным откликом в случае их отсутствия. К таковым были отнесены деятельностные виды участия и доверительное общение с единомышленниками. Эти же два атрибута специфически выделялись в качестве одномерных (пропорционально увеличивающих удовлетворенность мероприятием) при анализе с использованием интегрального показателя. С точки зрения организатора мероприятия, их функциональная значимость связана с формированием дополнительной ценности мероприятия, с приданием ему специфических характеристик, выделяющих его по отношению к конкурентам и обеспечивающих более выразительный эмоциональный отклик аудитории. Третья группа – атрибуты, способные спровоцировать обратный эффект от посещения мероприятия, негативно воспринимаемые целевой аудиторией. К таковым в нашем случае можно отнести только один элемент: координационную деятельность организатора по отношению к участникам и жесткую программу мероприятия.

Данный этап интерпретации позволяет рассмотреть представления посетителей сообразно контексту отдельного мероприятия как малой, сравнительно изолированной социокультурной среды, однако не дает представления о потенциале социокультурного воздействия на него, что представляет интерес для третьей заинтересованной стороны (государственных структур).

Наконец, вторичная интерпретация позволяет рассмотреть совокупность выявленных представлений с точки зрения ценностно-смысловой коммуникации и вовлечения. Так, привлекательные атрибуты, перечисленные выше, хотя и связаны с продвижением и рекламой мероприятия (с точки зрения непосредственного организатора), но также способствуют формированию его общей «атмосферы», располагающей к более открытому взаимодействию, вовлечению и символической коммуникации (как с точки зрения оказания целевого преобразующего воздействия, так и социального управления в сфере культуры). Атрибуты, косвенно выраженные в представлениях, могут служить тем механизмом, который позволяет обеспечить неформальное и ненавязчивое вовлечение, а также преемственность между посетителями и их собственным социальным окружением. С точки зрения частного организатора и управляющих структур этот аспект представляет особую значимость, поскольку связан с закреплением и распространением у аудитории целевых смыслов.

Таким образом, трехступенчатая интерпретация позволяет получить широкий срез информации о представлениях посетителей и разработать на ее основе более персонализированный подход к подготовке социокультурного мероприятия, учитывающий не только сиюминутные досугово-развлекательные интересы и потребность в преодолении конкурентной борьбы, но и формирующий основу для целевой коммуникации организатора с аудиторией, а также для социокультурной коммуникации управляющих структур с населением.

В целом представленные результаты вносят вклад в преодоление интерпретативной неопределенности, свойственной ситуациям, когда социокультурное мероприятие предполагает выполнение нескольких потенциально противоречивых функций, а исследовательские возможности ограничены количеством или характером вопросов к респондентам, возможными масс-культурными искажениями, влиянием предубеждений. Эти противоречия отчасти снимаются в предложенной трехэтапной процедуре реинтерпретации. Дальнейшие исследования в данной области предполагают углубленный анализ исследовательского инструментария и методическую формализацию интерпретативных процедур.

Список литературы / References

Абакумова, И. В. (2021). Исследование удовлетворенности потребителей с использованием метода Кано. *Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки.* № 94. С. 42-48.

Abakumova, I. V. (2021). A Study of Consumer Satisfaction Using the Kano Method. *Bulletin of Amur State University. Series: Humanities.* No. 94. Pp. 42-48. (In Russ.)

Власов, А. И., Петриченко, Д. Д., Фатхутдинов, Т. М. (2024). Анализ характеристик продукта с точки зрения эмоциональной удовлетворенности потребителя (метод Кано). *Труды международного симпозиума «Надежность и качество».* Т. 2. С. 398-403.

Vlasov, A. I., Petrichenko, D. D., Fatkhutdinov, T. M. (2024). Analysis of Product Characteristics from the Point of View of Consumer Emotional Satisfaction (Kano method). *Proceedings of the International Symposium "Reliability and Quality".* Vol. 2. Pp. 398-403. (In Russ.)

Воронина, С. А. (2017). Роль современной социологии в изучении латентных элементов социальной структуры общества. *Социология в современном мире: наука, образование, творчество.* № 9-1. С. 66-70.

Voronina, S. A. (2017). The Role of Modern Sociology in the Study of Latent Elements of the Social Structure of Society. *Sociology in the Modern World: Science, Education, Creativity.* No. 9-1. Pp. 66-70. (In Russ.)

Герасимова, И. А., Герасимов, А. П. (2022). Социально-культурная деятельность как средство воспитания молодежи. *Культура и образование.* № 3 (46). С. 96-102. DOI: 10.24412/2310-1679-2022-346-96-102.

Gerasimova, I. A., Gerasimov, A. P. (2022). Social and Cultural Activities as a Means of Educating Youth. *Culture and Education*. No. 3 (46). Pp. 96-102. DOI: 10.24412/2310-1679-2022-346-96-102. (In Russ.)

Грехнева, Л. В., Кривов, С. В., Старкин, С. В. (2021). Проблемы формулировки анкетных вопросов: социолого-лингвистический анализ. *Филология: научные исследования*. № 1. С. 66-76. DOI: 10.7256/24540749.2021.1.3471

Grekhneva, L. V., Krivov, S. V., Starkin, S. V. (2021). Problems of Formulating Questionnaire Questions: A Sociological and Linguistic Analysis. *Philology: Scientific Research*. No. 1. Pp. 66-76. DOI: 10.7256/24540749.2021.1.3471. (In Russ.)

Григорьева, Е. М. (2023). Метод Кано. *Экономические исследования*. № 2. С. 54-57.

Grigorieva, E. M. (2023). Kano Method. *Economic Research*. No. 2. Pp. 54-57. (In Russ.)

Добринина, О. А. (2024). Анализ герменевтического потенциала постнеклассической социологии Пьера Бурдьё. *Теория и практика общественного развития*. 2024. № 1. С. 43-47. DOI: 10.24158/tipor.2024.1.4.

Dobrina, O. A. (2024). Analysis of the Hermeneutic Potential of Pierre Bourdieu's Post-non-classical Sociology. *Theory and practice of social development*. No. 1. Pp. 43-47. DOI: 10.24158/tipor.2024.1.4. (In Russ.)

Калина, Н. Д. (2020). Факторы визуальной коммуникации как осмысление процессов конструирования артефактов культуры. *Человек и культура*. № 4. С. 77-91. DOI: 10.25136/2409-8744.2020.4.32988.

Kalina, N. D. (2020). Factors of Visual Communication as Understanding of the Processes of Designing Cultural Artifacts. *Man and Culture*. No 4. Pp. 77-91. DOI: 10.25136/2409-8744.2020.4.32988. (In Russ.)

Каверина, Е. А. (2011). Культуротворческий потенциал событийных коммуникаций. *Ценности и смыслы*. № 2 (11). С. 54-59.

Kaverina, E. A. (2011). Cultural-creative Potential of Event Communications. *Values and meanings*. No. 2 (11). Pp. 54-59. (In Russ.)

Маркова, В. Д., Курцевич, А. И. (2007). Дополнительная ценность для потребителей: методические аспекты формирования. *Мир экономики и управления*. Т. 7. № 2. С. 48-52.

Markova, V. D., Kurtsevich, A. I. (2007). Additional Value for Consumers: Methodological Aspects of Formation. *The world of economics and management*. Vol. 7. No. 2. Pp. 48-52. (In Russ.)

Матушевская, В. В. (2024). Применение герменевтического подхода для интерпретации социальной реальности. *Социально-гуманитарные знания*. № 11. С. 162-165.

Matushevskaya, V. V. (2024). Application of the Hermeneutic Approach to the Interpretation of Social Reality. *Social and Humanitarian Knowledge*. No. 11. Pp. 162-165. (In Russ.)

Миэда, А. К. (2025). Роль конгрессно-выставочной деятельности в формировании событийного потенциала регионов России. *Экономика и бизнес: теория и практика*. №. 7. С. 148-155.

Mieda, A. K. (2025). The Role of Congress and Exhibition Activities in Shaping the Event Potential of Russian Regions. *Economy and Business: Theory and Practice*. No. 7. Pp. 148-155. (In Russ.)

Назарова, И. Б. (2025). Люди отдыхают: дифференцирующие факторы в выборе развлечений. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. Т. 25. № 3. С. 580-595. DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-580-595.

Nazarova, I. B. (2025). People are Relaxing: Differentiating Factors in the Choice of Entertainment. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 25. No. 3. Pp. 580–595. DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-580-595. (In Russ.)

Сосновская, А. М. (2020). Современные источники националистического самосознания в молодежной среде: анализ имплицитных установок опроса «Гармонизация межнациональных отношений и профилактика экстремистских проявлений в образовательной сфере и молодежной среде». *Управленческое консультирование*. № 2. С. 109-120. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-2-109-120.

Sosnovskaya, A. M. (2020). Modern Sources of Nationalist Self-awareness Among young People: An Analysis of Implicit Attitudes from the Survey “Harmonization of Interethnic Relations and Prevention of Extremist Manifestations in the Educational Sphere and Among Young People”. *Management Consulting*. No. 2. Pp. 109-120. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-2-109-120. (In Russ.)

Титов, В. Н. (2020). Конфликт интерпретаций в рамках парадигмы «интерпретативной социологии». *Общественные науки и современность*. № 4. С. 174-190. DOI: 10.31857/S086904990010755-2.

Titov, V. N. (2020). Conflict of Interpretations within the Paradigm of “Interpretative Sociology”. *Social Sciences and Modernity*. No. 4. Pp. 174-190. DOI: 10.31857/S086904990010755-2. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Шелгинская Виктория Алексеевна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, e-mail: victoria.shelg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5075-5984>.

Статья поступила в редакцию: 08.02.2026

После доработки: 20.05.2026

Принята к публикации: 29.05.2026

Shelginskaya Victoria – Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer of Department of Sociology and Technology of Public Administration, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Mira Str., 19, e-mail: victoria.shelg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5075-5984>.

The paper was submitted: 08.02.2026

Received after reworking: 20.05.2026

Accepted for publication: 29.05.2026

ПРАВО

УДК 008 + 340.5

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

С. В. Зыков

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
ZykovSV@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается развитие обязательственного права как элемента цивилизационного развития России (ограниченное дореволюционным периодом). Анализ правовых источников демонстрирует, что для доимперского периода основополагающее значение в сфере договорного регулирования имели переведенные византийские правовые акты, отказ от которых в последующем привел к существенным проблемам. Спецификой отечественного обязательственного права являлись развитая система ответственности должностных лиц в допетровскую эпоху и, на протяжении всего дореволюционного развития, непринятие концепции безвиновной ответственности. Также в статье представлен анализ обычного крестьянского договорного и деликтного права XIX в.

Ключевые слова: специфика национальной правовой системы России, история отечественного права, эволюция российского гражданского законодательства, источники гражданского права, обязательственное право.

Для цитирования: Зыков, С. В. (2026). Цивилизационное измерение отечественного гражданского права. *Respublica Literaria*. Т. 7. № 2. С. 91-100. DOI: 10.47850/RL.2026.7.2.91-100.

THE CIVILIZATIONAL DIMENSION OF DOMESTIC CIVIL LAW

S. V. Zykov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
ZykovSV@yandex.ru

Abstract. This article examines the development of the law of obligations as an element of Russia's civilizational development (limited to the pre-revolutionary period). An analysis of legal sources demonstrates that, during the pre-imperial period, translated Byzantine legal acts were fundamental in the sphere of contractual regulation, the subsequent rejection of which led to significant problems. A distinctive feature of Russian law of obligations was the developed system of official liability in the pre-Petrine era and, throughout its pre-revolutionary development, the rejection of the concept of no-fault liability. The article also presents an analysis of customary peasant contract and tort law of the 19th century.

Keywords: specifics of the national legal system of Russia, history of domestic law, evolution of Russian civil legislation, sources of civil law, law of obligations.

For citation: Zykov, S. V. (2026). The Civilizational Dimension of Domestic Civil Law. *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 2. Pp. 91-100. DOI: 10.47850/RL.2026.7.2.91-100.

Попыткам построить модель российской цивилизации и соотнести ее с другими насчитывается уже не одно столетие. По этому вопросу существует обширнейшая литература как российская, так и иностранная. Проблема, имеющая ярко выраженное мировоззренческое измерение, далека от решения и остается актуальной.

Корректная цивилизационная типологизация невозможна без исследования такого важного элемента культуры, как право. Следует согласиться с утверждениями об отсутствии в научной литературе как модели российской национальной правовой системы, так и анализа «составляющих ее элементов» [Винниченко, 2015, с. 91]. В качестве правовых аспектов рассматриваются исключительно вопросы публичного права и связанные с ними (например, политического режима). Частное право выпадает из рассмотрения, что отчасти объясняется общим состоянием науки истории государства и права, которая в силу существующей научной рубрикации и сложившихся подходов, тяготеет к публичному праву. В рамках же собственно гражданско-правовой специальности исторические аспекты рассматриваются лишь как введение для характеристики отдельных юридических институтов, с игнорированием общих тенденций развития.

С другой стороны, нельзя не согласиться с И. В. Минникес, что в современной истории права методологической проблемой является преобладание хронологического изучения над предметно-ориентированным [Минникес, 2016, с. 45]. В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть общие тенденции обязательственных (с акцентом на договорные) отношений, составляющих, без преувеличения, ядро частного (гражданского) права.

Поскольку на начальном этапе развития российского права, исторически наиболее длительном, наибольшее влияние на него оказывало право византийское (Ромейской империи), нельзя кратко не затронуть основные черты византийского частного права.

Проблема, с которой столкнулась Византия изначально, – бессистемность и казуистичность Корпуса Юстиниана, прежде всего Дигест. Для облегчения работы с ними сразу возникла обширнейшая юридическая литература (комментарии, сокращенные изложения, алфавитные и предметные указатели и т. п.). В отличие от западноевропейского средневековья, наработки ученых получали воплощение в законодательстве. Принимались все более структурированные акты, а их нормы, исходно заимствованные из Дигест, приобретали все более обобщенный, современный вид.

Следует упомянуть в этом ряду Эклогу (741 г.), Прохирон (907 г.) и Шестикнижие (1375 г.). С учетом положений Эклоги были разработаны четыре закона для регулирования отношений в особых сферах. Из них надо упомянуть Земледельческий закон, перевод которого позже вошел в отечественную Кормчую книгу. По справедливому наблюдению современного российского историка права Д. Ю. Полдникова, уже в Эклоге «предписаниям придана форма обобщенных правил, близких к современному стилю» [Полдников, 2024, с. 361]. Однако этот акт отличался крайней лапидарностью: так, титул IX, состоящий всего из двух статей, посвящен купле-продаже; титул X, состоящий из пяти статей, – всем остальным договорам. Значительно более детализированное регулирование договорных отношений содержал Прохирон, имевший исторически большее значение для развития частного права (например, ставший в последующем основой для Шестикнижия). Прохирон явно недооценен в современной истории права.

Эклога и Прохирон были полностью переведены на русский язык не позднее XIII в., в более ранний период встречаются переводы выдержек из них. В то же время есть основания предполагать использование церковными судами с момента их возникновения полных текстов на греческом языке. Наименования Эклоги и Прохирона были переведены как «Леона царя премудрого и Константина главизны ...» и «Закон градский» соответственно. Несколько столетий они составляли основу древнерусского, русского средневекового и раннего российского частного права.

Поясним на примере договорного права. Конечно же, акты собственно отечественного происхождения (пространная редакция Русской правды, Судебник 1497 года, Судебник 1550 года, Уложение 1649 года) содержали фрагментарное регулирование договорных отношений. Но их отдельные нормы (в значительной степени процессуальные) не раскрывали содержания важнейших аспектов указанных отношений: дефиниций договоров, основных прав и обязанностей сторон, их ответственности и рисков. Эти основополагающие положения содержались в Законе градском (по два раздела («границы») которого посвящены дарению (12, 13) и товариществу (19, 20), и по одному разделу – купле-продаже (14), займу (16), найму, включая наем вещей и наем работ, – подряду (17), хранению (18)).

Значение переводов византийских светских актов для древнерусского и русского средневекового частного права сегодня не осознается даже специалистами. Встречаются работы по источникам частного права рассматриваемого многовекового периода, в которых они не упоминаются вовсе [см. напр.: Лаушкин, 2015, с. 268-272].

В такой ситуации понятна, без преувеличения, «юридическая катастрофа», произошедшая в сфере договорного права в имперский период. В предшествующую эпоху влияние Церкви на правоприменение было огромным и не сводилось только к компетенции церковных судов, пусть и очень широкой: достаточно вспомнить «Мерило праведное» – выражаясь современным языком, это был сборник методических материалов (заметим, содержащий полные переводы и Эклоги, и Прохирона), подготовленных Церковью в помощь светским судам. Петровские реформы фактически превратили ее из субъекта в объект управления; соответственно, резко упало значение Кормчих книг, содержащих акты, регулировавшие договорные отношения.

Обращаясь к Законам гражданским¹, мы обнаруживаем недостаточность и фрагментарность регулирования договорных отношений. Так, нормы о договоре мены (ст. ст. 1374–1380 Законов гражданских) не содержат, в отличие от вышеуказанных разделов Закона градского, ни определения, ни содержания договора, устанавливая только ограничения мены и требования к форме договора. В нормах о купле-продаже мы находим самую минимальную регламентацию вопросов качества товара: он должен быть «той самой доброты», которая предусмотрена условиями договора или должна соответствовать согласованным образцам (ст. 1516 Законов гражданских), в качестве единственной санкции был предусмотрен возврат полученного (ст. 1518 Законов гражданских); в то же время обнаруживается большое количество запретов в отношении продажи общественного имущества (ст. 1387), членов семей крепостных (ст. 1397), детей «азиатцев» по Сибирской и Оренбургской линиям (ст. 1405) и т. п. Большое количество норм посвящено совершению

¹ Свод законов Российской империи. Т. 10. Ч. I: Законы гражданские. (1857). СПб.

купчих крепостей (ст. ст. 1417–1468 Законов гражданских); особенностям продажи земель «башкирцами и татарцами» (ст. ст. 1469–1486 Законов гражданских); приобретению недвижимого и движимого казенного имущества с публичных торгов (ст. ст. 1487–1509 Законов гражданских).

Регулирование найма вещей преимущественно сводилось к вопросам формы договора и ограничений. О его содержании говорилось только в ст. ст. 1691, 1707, 1708 Законов гражданских, причем последние две нормы восходили к Уложению 1649 г., в свою очередь, основанному на положениях Закона градского. В отдельных разделах определены особенности найма имущества, принадлежавшего казне, городским округам и церковным организациям (ст. ст. 1709–1713 Законов гражданских); башкирских земель (ст. ст. 1714–1725 Законов гражданских); угодий, принадлежавших «сибирским инородцам», а также «самоедским» в Мезенском уезде (ст. ст. 1726–1736 Законов гражданских).

Подобная картина наблюдалась и применительно к регулированию других видов договорных отношений. Наличие большого количества запретов и ограничений, вероятнее всего, было оправдано конкретными историческими условиями. Проблема в другом: выпадение из числа используемых источников Закона градского привело к отсутствию в системе правового регулирования основополагающих элементов договоров (дефиниций предмета договора, общих прав и обязанностей сторон, ответственности за их неисполнение).

Фрагментарность регулирования ряда важнейших вопросов частноправовых отношений во многом предопределила обращение российского гражданского права (термин появился в начале XIX в.) к зарубежному германскому праву.

По отношению к «византийскому вектору» частного права замена на «германский» имеет, как бы это ни показалось удивительным, и внутренние предпосылки.

Тот факт, что «германский» концепт частного права достаточно быстро и бесповоротно возобладал над условно «французским», имел очевидные причины: германская подсистема континентального права более всеобъемлюща, что делает ее удобной в практическом применении и обуславливает ее выбор правовыми системами, не связанными с германской культурой (один из последних примеров – кодификация гражданского права в КНР); она в большей степени ориентирована на систему образования, а это соответствовало условиям реформирования России XVIII–XIX вв. силами «образованного класса»; конечно, имело значение, что значительная часть представителей последнего училась в германских университетах.

В то же время в Германии, начиная с середины XVI в., византийское Шестикнижие неоднократно переиздавалось (латинский и немецкий переводы) и применялось в судах [Азаревич, 1877, с. 310]. Его первые пять книг соответствуют структуре позже принятого Германского гражданского уложения (с перестановкой последовательности второй и третьей книг). Несмотря на давнюю «отмену Византии» в западной культуре, она объективно оказала влияние, в частности, на развитие права, не вполне корректно обозначаемого как «пандектная» подсистема.

Можно предположить, что одной из причин, обусловившей выбор ее в качестве модельной в XIX в., было наличие общей по отношению к предшествующему развитию права в России византийской основы. В этом можно видеть парадокс и драму происходившего культурного перелома.

Возвращаясь к доимперскому частному праву, отметим, что оно не редуцируется к адаптивному восприятию права византийского, хотя оно и имело место. Так, еще в ст. 46 пространной редакции Русской правды установлена, римская по происхождению, ответственность в форме двойной стоимости украденного. Кратные штрафы закреплялись в переводах Эклоги и Прохирона, Законе судном людям.

В источниках византийского происхождения сословная дифференциация ответственности проявляется крайне слабо. Например, в Законе градском (грань 39, глава 54) «да возвративше украденное и сугубо толикожде да воздать», однако при невозможности такого возмещения предусматривалось телесное наказание, т. е. последствия связываются даже не с правовым статусом, а с имущественными возможностями должника. Однако в отечественных источниках мы обнаруживаем выплату денежной компенсации за «бесчестье», дифференцированную в зависимости от социального статуса субъектов возникшего правоотношения (Уложение 1649 года: статьи X, 28; X, 29; X, 32; X, 33 и след.; также XXIII, 3; XXIV, 1). Разумеется, это не было явлением, специфическим для России: зависимость ответственности от сословной принадлежности была общим подходом европейских систем права той эпохи.

Действительную специфику системы русского права доимперской эпохи можно обнаружить в регулировании имущественной ответственности должностных лиц. Еще в ст. 3, 4 Судебника 1550 г. предусматривалась частноправовая ответственность (дополнительно к уголовной) за ненадлежащее отправление правосудия.

Уложение 1649 г. начинается с положений публичного права, но уже среди них проявляются частноправовые деликты: запрещение военным служащим по пути к месту службы «чинить убытки» и обязанность их возместить, в период военных действий – в двойном размере (VII, 2, 7, 22, 24). Возмещаются убытки, если должностным лицом безосновательно отпущен вор или разбойник (XXI, 84). Суровым было наказание за ненадлежащее отправление правосудия: в случае, если причиной выступили посулы или личные симпатии, помимо уголовного наказания, в пользу истца присуждалась сумма иска (X, 5); если за волокиту дела судьей устанавливалось уголовное наказание, то для судебного служащего более низкого ранга, помимо уголовного наказания, устанавливалась имущественная ответственность перед челобитчиком: две гривны в день (X, 16). Не перечисляя все конкретные составы, отметим, что в ст. 150 главы X содержится общее правило о возмещении населению должностными лицами любого вреда («взятое правити тем людем, кого они чем избидят»), которое советские комментаторы правомерно связывали с развитием самобытных положений предыдущего Судебника [Соборное уложение 1649 года, 1987, с. 202], отмечая казуистичность во всех остальных случаях причинения вреда: «... в Уложении 1649 года нет общей нормы на этот счет» [Там же, с. 215].

Все это очень далеко от ограниченной ответственности должностных лиц в римско-византийском праве (можно вспомнить только относившуюся к вторичным квазиделиктам ответственность судьи – D.5.1.15.1).

Разумеется, в имперский период нормы об ответственности должностных лиц, несмотря на их закрепление в действующем нормативном правовом акте, вступили в противоречие с задачами «модернизации сверху», что фактически парализовало их применение.

Говоря о культурном разломе в постпетровскую эпоху, нельзя не сказать о широко распространенном концепте народного отрицания «формального права». Мы находим его у адептов противоположных направлений общественной мысли, в том числе так называемых «западников». Однако научные исследования народной жизни этих выводов не подтверждают. В обычном крестьянском праве использовались договорные формы, существовавшие в доимперском законодательстве: купля-продажа (часто обеспеченная задатком), аренда, долговые отношения, артель (т. е. товарищество) [Народные юридические обычаи ..., 1900, с. 331-337]. Последняя из указанных договорных форм недостаточно регулировалась законодательством и особенно активно восполнялась крестьянскими обычаями [Соснина и др., 2024, с. 1322-1323], заметим, вполне соответствующими содержанию римско-византийского договора товарищества. Перечень используемых договоров мало изменялся по территориям, лишь региональная специфика русского Севера добавляла в него договор перевозки [Там же]. Исследователям удалось выявить лишь самые общие черты данных отношений, не позволяющие однозначно связать их с доимперским или имперским правовым регулированием.

В отношении восприятия правонарушений в народной среде источники крайне ограничены (в капитальной работе по обычному крестьянскому праву С. В. Пахмана данный раздел вообще отсутствует). Причины понятны, поскольку, например, такая распространенная форма «привлечения к ответственности», как самосуд [Соловьев, 1900, с. 280-283], с точки зрения действовавшего законодательства, сама носила криминальный характер; трудно предположить готовность крестьян откровенничать на эту тему с приехавшим исследователем, и, напротив, легко предположить готовность выдать «барам» за достоверные сведения местные легенды. Из имеющихся данных следует, что крестьяне рассматривали как более важные преступления против личной собственности и личности членов общины, не придавая значения таким деяниям, как посягательства на казенную собственность, преступления против общественной нравственности (если они не затрагивали кого-то из членов общины лично), укрывательство преступников, осужденных государственным судом и т. п. [Там же, с. 275-278]. Кроме того, в народной среде был распространен взгляд, «по которому преступление считается не более чем гражданским, частным нарушением права» [Там же, с. 278]. Обе эти черты характеризуют и архаичное римское право, но, разумеется, речь может идти только о структурном сходстве общинного негосударственного правосознания. Подобное сходство просматривается и во многих обычных юридических институтах (глава семейства как распорядитель имуществом семьи, патрилинейное наследование, личные последствия неисполнения договорных обязательств и др.).

Очевидно, здесь можно различить два компонента: архаичный, догосударственный, возможно, являющийся общим для ранней римской общины и русской крестьянской общины XIX в., и антигосударственный, характерный только для последней как результат постниконовского и постпетровского культурно-идеологического раскола. Однако выявить реальную пропорцию этих компонентов в настоящее время не представляется возможным.

В сфере обязательственного права обнаруживаются особенности отечественного общенародного правосознания. Российское право последовательно не воспринимало концепцию безвиновной гражданско-правовой ответственности. Как известно, в римском праве именно такая ответственность была предусмотрена за вред, причиненный

четвероногим, еще в Законах XII таблиц (VIII, 6) и подтвержденная в Дигестах (D.9.1). Однако в Уложении 1649 года ответственность за действия животного предусматривалась только при умышленном натравливании (X, 281) или за небрежность при содержании животного (X, 284).

Более того, исключалось установление безвиновной ответственности заключением соглашения. Так, согласно Прохирону (tit.17, 9; восходит к Дигестам: D.19.2.13.5), мастер не несет ответственности за недостатки материала, *если он не взял на себя риск*. Эта оговорка содержится, разумеется, и в переводе, Законе градском («аще обещася не сокрушити и сокрушитъ повинень есть» – грань 17, глава 9). Но эта оговорка отсутствует в ст. 272 Уложения, несмотря на наличие пометки на боковом поле «из градцких». Кстати, здесь подтверждается концепция, которой придерживается автор: Уложение 1649 года цитирует не наиболее важные или применимые нормы Закона градского, а те нормы, которые подлежали изменению, предполагая, что во всех иных случаях последний оставался действующим актом.

Эти подходы сохранились в имперский период. Согласно Законам гражданским, вред, причиненный животным, возмещался лишь в случае умысла использовавшего для этого животное (ст. 656) или при недосмотре за ним (ст. 688 СЗРИ). Последнее подтверждалось судебной практикой Правительствующего сената в решении 1875 г. № 628², указавшем как на условие ответственности виновность в недосмотре или в недостаточном принятии мер предосторожности при содержании животного.

В римском праве была установлена безвиновная ответственность капитана корабля, содержателя гостиницы (постоялого двора) за действия их слуг (D.4.9.7). В аналогичной ситуации Правительствующий сенат в решении 1869 г. № 1073³ указал, что от хозяина не зависело похищение шубы посетителя, поэтому он не несет ответственности за вред и убыток последнего. Формально ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, появилась в отечественном праве только в конце XIX в. [Полежаева, 2005, с. 6]. При этом указывается, что, согласно Общему уставу российских железных дорог от 12 июня 1885 г. и ст. 683 Законов гражданских СЗРИ, владельцы опасных предприятий несли ответственность за причинённый ущерб только при наличии их вины [Летута, 2022, с. 93].

В целом соглашаясь с тем, что «культурный фактор является решающим в оценке массовым правосознанием существующего правопорядка» [Медушевская, 2010, с. 10], следует уточнить, что он проявляется в динамике: правосознание может отвергать действующее законодательство как элемент правопорядка при положительном отношении к предшествующему позитивному праву. В этой ситуации говорить о «теоцентризме» как противостоящем абстрактному «формальному закону» [Там же, с. 16] не вполне точно. Обычное народное право, как минимум, вполне принимало договорное регулирование, закрепленное в законодательстве в доимперский период. Архаизация деликтного права явилась не проявлением исходных установок, а была ситуативной, связанной с реакцией на идеологически враждебное государство.

² Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената за 1875 год. (1912). 2-е изд., неофиц. Екатеринослав: Издание Л. М. Ротенберга. С. 1231-1232.

³ Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1869 год. (1903). 2-е изд., неофиц. Екатеринослав: Издание Л. М. Ротенберга. С. 1718-1719.

Тем самым находит подтверждение тезис, что модернизационные процессы в России (как последовательность «революций сверху»), оказываясь неорганичными ее социокультурной специфике, приводят к совмещению успешного реформирования с застоєм или даже упадком [Винниченко, 2008, с. 94]. Другим его подтверждением является деградация законодательного договорного регулирования в имперский период.

Наиболее продолжительный период отечественное обязательственное право находилось под влиянием права византийского, что проявлялось не просто в имплементации отдельных норм или правовых концептов, но и во включении в правовую систему полных переводов правовых актов. Близость основополагающих мировоззренческих установок обеспечила органичность данного влияния, при том, что отдельные нормы адаптировались под российские реалии.

Особенностью отечественного обязательственного права по отношению к заимствованному в доимперский период была развитая система ответственности должностных лиц. На всех этапах развития дореволюционного права отечественное правосознание последовательно отторгало концепцию безвиновной ответственности.

Список литературы / References

Азаревич, Д. И. (1877). *История византийского права*. Т. 1. Ч. 2. Ярославль: Тип. Г. В. Фальк. 351 с.

Azarevich, D. I. (1877). *History of Byzantine Law*. Vol. 1. Pt. 2. Yaroslavl. 351 p. (In Russ.)

Винниченко, О. Ю. (2015). Методология юриспруденции: кризис или новые возможности? *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. Т. 1. № 2 (2). С. 90-96.

Vinichenko, O. Yu. (2015). Methodology of Jurisprudence: Crisis or New Opportunities? *Bulletin of Tyumen State University. Socio-economic and Legal Studies*. Vol. 1. No. 2 (2). Pp. 90-96. (In Russ.)

Винниченко, О. Ю. (2008). *Российская государственность в контексте цивилизационного развития: учебное пособие*. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та. 172 с.

Vinichenko, O.Yu. (2008). *Russian Statehood in the Context of Civilizational Development*. Textbook. Tyumen. 172 p. (In Russ.)

Лаушкин, С. А. (2015). Возникновения источников гражданского права на Руси. *Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика*. № 4. С. 268-272.

Laushkin, S. A. (2015). Emergence of Sources of Civil Law in Russia. *Socio-Economic Studies, Humanities and Law: Theory and Practice*. No. 4. Pp. 268-272. (In Russ.)

Летуа, Т. В. (2022). Деликтная ответственность и гуманизм: традиции и тенденции взаимодействия. *Философия права в условиях глобальных социальных трансформаций: сборник научных статей по итогам Всероссийского форума историков права (Санкт-Петербург, 10-11 июня 2022 г.)*. Под ред. Д. А. Пашенцева и А. А. Дорской. М.; Саратов: Саратовский источник. С. 88-95.

Letuta, T. V. (2022). Delict Liability and Humanism: Traditions and Trends of Interaction. In Pashentsev, D. A. & Dorskaya, A. A. (eds.). *Philosophy of Law in the Context of Global Social Transformations*. Proceedings of the All-Russia Forum of Legal Historians (St. Petersburg, 10-11 June). Moscow; Saratov. Pp. 88-95. (In Russ.)

Медушевская, Н. Ф. (2010) *Интеллектуально-духовные основания российского права*: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. 56 с.

Medushevskaya, N. F. (2010). *Intellectual and Spiritual Foundations of Russian Law*. Abstract of Doctor's Thesis. Moscow. 56 p. (In Russ.)

Минникес, И. В. (2016). История отечественного государства и права: практико-ориентированный подход. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. № 3. С. 43-56.

Minnikes, I. V. (2016). History of Russian Statehood and Law: Practice-Oriented Approach. *RUDN Journal of Law*. No. 3. Pp. 43-56. (In Russ.)

Народные юридические обычаи по указаниям судебной практики. (1900). *Сборник народных юридических обычаев*. Т. 2. Под ред. С. В. Пахмана. (Записки Императорского Русского географического общества по Отделению этнографии). СПб.: Тип. А. С. Суворина. С. 301-337.

Folk Legal Customs According to Judicial Practice. (1900). In Pakhman, S. V. (ed.). *Collection of Folk Legal Customs*. Vol. 2. (Notes of the Imperial Russian Geographical Society on the Department of Ethnography). St. Petersburg. Pp. 301-337. (In Russ.)

Полдников, Д. Ю. (2024). *Сравнительная история зарубежного права*: учебник: в 2 т. Т. 1. М.: НОРМА: ИНФРА-М. 542 с.

Poldnikov, D. Yu. (2024). *Comparative History of Foreign Law*. Textbook. In 2 vols. Vol. 1. Moscow. 542 p. (In Russ.)

Полежаева, О. Г. (2005). *Становление и развитие института возмещения вреда в России*: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир. 22 с.

Polezhaeva, O. G. (2005). *Formation and Development of Compensation Institution in Russia*. Abstract of the Candidate's Thesis. Vladimir. 22 p. (In Russ.)

Соборное уложение 1649 года: текст, комментарии. (1987). Подгот. текста Л. И. Ивиной. Коммент. Г. В. Абрамовича и др. Рук. авт. кол. А. Г. Маньков. Л.: Наука. 448 с.

The Cathedral Code of 1649: Text, Comments. (1987). Ivina, L. I. (text preparation). Abramovich, G. V. et al. (comments). Mankov, A. G. (head of the author's team). Leningrad. 448 p. (In Russ.)

Соловьев, Е. (1900). Преступления и наказания по понятиям крестьян Поволжья. *Сборник народных юридических обычаев*. Т. 2. Под ред. С. В. Пахмана. (Записки Императорского Русского географического общества по Отделению этнографии). СПб.: Тип. А. С. Суворина. С. 275-300.

Solovyev, E. (1900). Crimes and Punishments According to the Concepts of the Peasants of the Volga region. In Pakhman, S. V. (ed.). *Collection of Folk Legal Customs*. Vol. 2. (Notes of the Imperial Russian Geographical Society on the Department of Ethnography). St. Petersburg. Pp. 275-300. (In Russ.)

Соснина, М. А., Воротилина, Т. В., Беседкина, Н. И., Аванесова, А. А. (2024). Обычно-правовое регулирование обязательств из договоров у крестьян русского севера во второй половине XIX – начале XX вв. *Белые годы*. № 19 (3). С. 1318-1326.

Sosnina, M. A., Vorotilina, T. V., Besedkina, N. I., Avanesova, A. A. (2024). Customary-Law Regulation of Contractual Obligations among Peasants in the Russian North in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. *The White Years*. No. 19 (3). Pp. 1318-1326. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Зыков Сергей Викторович – научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: ZykovSV@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5090-1814>.

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026

После доработки: 11.05.2026

Принята к публикации: 29.05.2026

Zykov Sergey – Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: ZykovSV@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5090-1814>.

The paper was submitted: 16.03.2026

Received after reworking: 11.05.2026

Accepted for publication: 29.05.2026

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 316.77 (303.626)

МИССИЯ СОВЕТА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ СМ СО РАН)

Е. М. Лбова, А. С. Зайкова

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
kate.lbova@gmail.com, zaykova.a.s@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена истории становления и развития советов молодых ученых в России на примере Совета научной молодежи Сибирского отделения РАН (СМ СО РАН). В центре внимания – изменение формы организации этих объединений: от горизонтальной самоорганизации с финансовой и юридической поддержкой до волонтерской информационно-посреднической деятельности после реформы Российской академии наук 2013 г. На основе анализа воспоминаний очевидцев, научной литературы и экспертного интервью с действующим председателем СМ СО РАН Е. В. Лидер (2024 г.) рассматриваются три основных периода: возникновение первых советов в Новосибирском Академгородке (1961–1992 гг.), воссоздание и расцвет при поддержке Президиума СО РАН (1999–2012 гг.), постреформенный период (с 2013 г. по настоящее время). Показано, что реформа РАН 2013 г. не только лишила советы бюджетного финансирования и юридического статуса, но и трансформировала их задачи: на смену распределению грантов и организации конференций пришли функции социального консультирования (жилищные сертификаты), лоббирования региональных программ поддержки («Лаврентьевская карта») и налаживания диалога с властью. Сделан вывод о парадоксальном усилении неформального влияния советов в условиях ослабления их институциональных позиций.

Ключевые слова: научная политика, совет научной молодежи, СМ СО РАН, Е. В. Лидер, Новосибирский Академгородок, реформа РАН 2013 г., молодая наука, государственный жилищный сертификат, Лаврентьевская карта, популяризация науки.

Для цитирования: Лбова, Е. М., Зайкова, А. С. (2026). Миссия совета молодых ученых: история и современность (на примере СМ СО РАН). *Respublica Literaria*. Т. 7. № 2. С. 101-109. DOI: 10.47850/RL.2026.7.2.101-109.

MISSION OF THE YOUNG SCIENTISTS' COUNCIL: HISTORY AND MODERNITY (CASE STUDY OF CYS of the SB RAS)

E. M. Lbova, A. S. Zaykova

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
kate.lbova@gmail.com, zaykova.a.s@gmail.com

Abstract. The article examines the evolution of the goals and functions of young scientists' councils in Russia using the case of the Council of Young Scientists of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (CYS of the SB RAS). The focus is on the changing role of these associations – from horizontal self-organization with financial and legal support to volunteer information and mediation activities after the 2013 reform of the Russian Academy of Sciences. Based on an analysis of historical documents, scientific literature, and statements of 2024 by the current chairman of the CYS of the SB RAS, E. V. Leader, three main periods are considered: the emergence of the first councils

in the Novosibirsk Akademgorodok (1961–1992), the reconstruction and flourishing with the support of the Presidium of the SB RAS (1999–2012), and the post-reform period (2013–present). It is shown that the reforms not only deprived the councils of budget funding and legal status but also transformed their tasks: the distribution of grants and organization of conferences gave way to social consulting (housing certificates), lobbying for regional support programs (the “Lavrentievskaya card”), and establishing dialogue with authorities. The conclusion is drawn about the paradoxical strengthening of the informal influence of councils amid the weakening of their institutional positions.

Keywords: scientific policy, council of scientific youth, CYS of the SB RAS, E. V. Leader, Novosibirsk Akademgorodok, reform of the RAS 2013, young science, state housing certificate, Lavrentievskaya card, popularization of science.

For citation: Lbova, E. M., Zaykova, A. S. (2026). Mission of the Young Scientists’ Council: History and Modernity (case study of CYS of the SB RAS). *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 2. Pp. 101-109. DOI: 10.47850/RL.2026.7.2.101-109.

Сообщества молодых ученых представляют собой одну из немногих форм горизонтальной самоорганизации в академической среде, не привязанную к научной дисциплине. Они объединяют студентов, аспирантов и молодых сотрудников университетов и научных институтов, выполняя функции информирования о карьерных и социальных возможностях, подготовки научных и научно-популярных мероприятий, а также защиты интересов начинающих исследователей. Однако за более чем шесть десятилетий существования таких объединений в России их цели, статус и инструменты работы претерпели значительные изменения. Если изначально советы молодых ученых (СМУ) задумывались как площадки для неформального общения и междисциплинарного обмена идеями, то к концу XX в. они превратились в полноценные структуры с бюджетным финансированием и правом распределения грантов. Реформа Российской академии наук 2013 г. кардинально изменила этот ландшафт, поставив советы перед необходимостью выживания в условиях волонтерства и юридической неопределенности.

В данной статье на примере Совета научной молодежи Сибирского отделения РАН (СМ СО РАН) – одного из старейших и наиболее влиятельных региональных объединений – прослеживается эволюция целей и функций советов. Эмпирическую базу составляют исторические документы, научные публикации, а также материалы экспертного интервью действующего председателя СМ СО РАН Е. В. Лидер, занимающей этот пост с 2016 г. Анализ позволяет не только реконструировать хронологию изменений, но и выявить парадоксальную тенденцию: несмотря на потерю финансовых и юридических рычагов, советы молодых ученых сумели сохранить, а в некоторых отношениях и усилить свое влияние как посредники между научной молодежью и властью.

1. Зарождение традиции: СМУ СО АН СССР (1961–1992 гг.)

Первое официальное сообщество молодых ученых – Совет молодых ученых Сибирского отделения Академии наук СССР (СМУ СО АН СССР) – появилось 8 сентября 1961 г. в новосибирском Академгородке. Его возникновение было напрямую связано с особым статусом сибирского научного центра. Проект Академгородка, задуманный М. А. Лаврентьевым, предполагал создание условий для формирования научной среды,

свободной от политического, идеологического и экономического давления. Как отмечает Пол Джозефсон, в Академгородке сложилась особая атмосфера неформального обмена идеями, что способствовало стимулированию научных открытий [Josephson, 1997, р. XIII].

Необходимо было не только создать среду свободной науки, но и обеспечить ее воспроизводство, что зависело во многом от решения кадрового вопроса. На первых этапах существования новосибирского Академгородка эта задача решалась за счет постоянного поиска новых талантов по всей Сибири и Дальнему Востоку. СМУ СО АН СССР должен был помогать в этом. По воспоминаниям академика Ю. И. Журавлева, в те годы сотрудника Института математики СО АН СССР и первого председателя Совета, именно работа по организации физико-математической школы, «которая отбирала таланты по всей Сибири и Дальнему Востоку», привела к идее создания Совета молодых ученых¹.

Помимо поиска новых кадров для Новосибирского Академгородка, СМУ призван был помочь в преодолении изоляции, характерной для столичных академических научных сообществ. Понимая важность демократичной атмосферы для процесса генерирования нового знания, создатели Академгородка стремились преодолеть изоляцию, поддержав идею учреждения молодежных объединений по типу клуба «Под интегралом» в 1963 г. или СМУ СО АН СССР двумя годами ранее. Решая организационные вопросы, члены СМУ, являясь представителями различных научных школ и направлений, обсуждали последние исследовательские находки и теории, поддерживая высокую степень новизны научного знания в новосибирском Академгородке.

Благодаря свободе общения и романтизации научной работы в сибирской тайге, в Академгородок удалось привлечь талантливых молодых людей со всего СССР. По мнению В. Д. Ермикова, «в Сибирь приезжали люди, которые хотели сделать в своей жизни что-то значимое», они «не были корыстными» и «везли сюда дух истинной науки, а это свобода мысли и творчества» [Ермиков, 2007, с. 23].

Создание СМУ СО АН СССР также вписывалось в новую парадигму академической свободы. Участие и работа в Совете для многих его членов стали одним из факторов, повлиявших на дальнейшую успешную академическую карьеру. Из состава Совета вышли будущие академики РАН: Юрий Иванович Журавлев, Анатолий Пантелеевич Деревянко, Николай Захарович Ляхов.

Таким образом, в ранний период (1961–1992) цели Совета можно определить следующим образом:

- кадровая: привлечение талантливой молодежи в науку;
- коммуникативная: организация неформального междисциплинарного общения;
- идеологическая: поддержание духа свободы творчества в противовес бюрократизированной столичной науке.

Система СМУ СО АН СССР прекратила существование в 1992 г. после распада СССР, но заложенные ею принципы – бескорыстие, поддержка свободной научной среды, забота о кадровом воспроизводстве – надолго определили образ идеального молодежного научного объединения.

¹ Медведев, Ю. (2010). Академик Юрий Журавлев о прорывах в математике, «пятнах» в биографии и Серебряном веке. [Электронный ресурс]. *Российская газета – Федеральный выпуск*. № 3 (5082). URL: <https://www.rg.ru/2010/01/13/zhuravlev.html> (дата обращения: 14.04.2026).

2. Воссоздание и эпоха расцвета: СМ СО РАН (1999–2012 гг.)

Через семь лет, 6 сентября 1999 г., в СО РАН был воссоздан Объединенный совет научной молодежи. Согласно Постановлению Президиума СО РАН № 200 «О советах молодых ученых в научных центрах и институтах СО РАН», основной функцией советов стало повышение эффективности молодежной научной политики в Сибирском отделении и «преодоление негативных тенденций в возрастной структуре научных кадров» [Нолев, Лидер, 2019, с. 242]. Восстановление Совета привело к возрождению советов молодых ученых по всей России, завершившемуся спустя 10 лет принятием в декабре 2009 г. Постановления Президиума РАН № 319 от 22.12.2009 «О Совете молодых ученых Российской академии наук».

Этот период (1999–2012) стал временем институционального расцвета советов. По воспоминаниям первого председателя СМ СО РАН В. А. Ананьева, «деятельность воссозданного совета была направлена на финансово-организационную поддержку участия молодых ученых в конференциях, проведение конкурсов молодежных научных проектов, организацию собственной компьютерной сети, а также решение некоторых социальных вопросов» [Нолев, Лидер, 2019, с. 243].

Ключевым фактором успеха стало бюджетное финансирование. В бюджете СО РАН существовала отдельная статья для финансирования деятельности совета и специальный фонд для проведения молодежных конференций. Средства распределялись между институтами по «подушевому» принципу – пропорционально численности молодых ученых. Кроме того, действовало условие софинансирования 50 на 50: половину давал Объединенный совет, половину – дирекция института. Как рассказывает Е. В. Лидер, бывшая в те годы секретарем совета Института неорганической химии СО РАН, «таким образом институт удваивал нам сумму на расходы в течение года. На эти деньги мы проводили конференции и научные мероприятия в институте, оплачивали командировки молодым ученым».

Результаты не заставили себя ждать. В период с 1999 по 2012 гг. доля научных сотрудников до 35 лет в СО РАН выросла с 16,5 % до 29 % [Нолев, Лидер, 2019, с. 245]. Советы молодых ученых стали реальным механизмом кадровой политики.

3. СМ в пореформенный период (2013 г. – по настоящее время)

Обозначившиеся позитивные тенденции сошли на нет после реформы Российской академии наук 2013 г. Как отмечает Е. В. Лидер, «после реформы это стало волонтерством». Объединенный совет СМ СО РАН лишился юридического статуса и источников финансирования. Это произошло по целому ряду причин. Во-первых, изменилась структура подчиненности. Вместо прямого подчинения Президиуму СО РАН институты перешли в ведение Федерального агентства научных организаций (ФАНО, просуществовало с 2013 по 2018 гг.). Президиум СО РАН, в свою очередь, как руководящий орган отделения, ставший федеральным государственным бюджетным учреждением, получал финансирование только на свою жизнедеятельность и зарплату сотрудникам. Как констатирует Е. В. Лидер, «у них (Президиума СО РАН) нет теперь свободных средств, которые они могли бы направлять на какую-то другую побочную деятельность».

Во-вторых, возникла юридическая коллизия: все представители СМ СО РАН, за исключением председателя, не являются сотрудниками Президиума, а потому Президиум не имеет законной возможности выделять им средства. «Больше о деятельности СМ ННЦ СО РАН в Президиуме меня не спрашивают, поскольку в государственном задании Президиума этого пункта нет», – говорит Е. В. Лидер. Ежегодно она отчитывается лишь о социальных мерах поддержки (жилищные сертификаты), но не о научно-организационной работе.

Наконец, немаловажным фактором стало то, что в 2018 г. функции Федерального агентства научных организаций были переданы в новообразованное Министерство науки и высшего образования РФ, взявшее на себя также часть функций прекратившего существование Министерства образования и науки. Фактически это объединило научные организации и ведущие вузы страны в рамках единого ведомства. После этого аналоги СМ стали создаваться при вузах, что привело к распространению практики создания советов молодых ученых при университетах. Однако, по мнению Е. В. Лидер, такая унификация создала новые проблемы: от вузов, никогда не занимавшихся наукой, стали требовать научных результатов, а преподаватели вынуждены «выжимать из себя» исследования, к которым не готовы.

Е. В. Лидер стала вторым председателем СМ СО РАН после реформы. Первым был П. Н. Миншанов, руководивший советом в непростое переходное время. Е. В. Лидер вступила в должность в 2016 г, когда основные шоковые последствия реформы уже проявились, но новые формы работы еще не устоялись. За прошедшие десять лет ей удалось не только сохранить совет как действующую структуру, но и выработать новые эффективные практики.

Одна из них связана с консультированием научных работников по федеральной программе государственных жилищных сертификатов (ГЖС). Согласно условиям программы, на сертификат может претендовать молодой ученый, официально признанный нуждающимся и соответствующий целому ряду формальных требований (возраст, стаж работы в науке, профессиональные достижения). Е. В. Лидер с первых лет своего председательства активно помогала научным сотрудникам СФО в составлении пакета документов для заявки на сертификат и контролировала их состав перед отправкой в Москву. Это было возможно, поскольку заявки от ученых из СФО направлялись первично в Сибирское территориальное управление Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, но после его ликвидации 18 августа 2021 г. регион потерял возможность курировать и проверять пакеты документов. Ко всему прочему, жилищную комиссию при профсоюзе отстранили от этих дел, и основной объем консультирования по государственным жилищным сертификатам лег на советы научной молодежи при институтах и на Объединенный совет. Е. В. Лидер отмечает, что раньше с оформлением помогали на местах территориальные представительства ФАНО и Минобрнауки, а теперь «каждый заявитель сам направляет в Москву то, что есть. Как результат – резкое снижение процента качества собранных пакетов документов, двукратное». Теперь СМ должен оценивать пакет, подсказывать, если чего-то не хватает. «Если молодой ученый не обратился к председателю молодежного совета института на начальном этапе, то потом ему уже ничем не смогут помочь», – констатирует Е. В. Лидер.

Одним из ярких успехов совета стало продвижение идеи Лаврентьевской карты для аспирантов Новосибирской области. Это пример того, как совет научной молодежи, не имея собственных средств, может через лоббирование на уровне губернатора добиться реальных

мер поддержки. Е. В. Лидер вспоминает: «Вы слышали, наверное, про Лаврентьевскую карту для аспирантов Новосибирской области? Это идея советов научной молодежи ННЦ СО РАН, которую донесли до губернатора. Благодаря этому она достаточно быстро воплотилась в жизнь». Практика показывает, что даже при отсутствии бюджета советы сохраняют способность генерировать и реализовывать полезные проекты – за счет связей, авторитета и умения выстраивать диалог с властью.

Продвижению полезных идей помогает и то, что Е. В. Лидер входит в Президиум СО РАН (с 2016 г.), входила в Координационный совет по делам молодежи в научной и образовательной сферах при Президенте РФ (2017–2026 гг.), координационный совет мэрии Новосибирска, конкурсные комиссии по стипендиям и грантам при Правительстве НСО. Это дает ей возможность напрямую доносить проблемы молодых ученых до лиц, принимающих решения. При этом она отмечает недостаточную представленность Сибири в Координационном совете: «У нас в СФО 10 регионов, но всего четыре представителя. ... Это, конечно, недоработка сибирских ученых. Надо привлекать молодежь к этой деятельности, потому что это федеральная повестка». Недавно состав Координационного совета обновился и несмотря на то, что СФО также представляют 4 чел., из-за уменьшения общего количества представителей, процентное соотношение молодых ученых от СФО выросло. Общий состав совета сократили с 66 до 35 чел. Два из четырех представителей от СФО – молодые ученые из институтов СО РАН².

В беседе Е. В. Лидер выделяет две ключевые компетенции, которые наиболее важны для членов и особенно для председателя Совета молодых ученых. Во-первых, экспертная деятельность: «... образцовый председатель, помимо всего прочего, должен еще и осуществлять экспертизу научных работ. В этом году, например, я активно поучаствовала в распределении премий для молодых ученых Сибирского отделения. Также я занимаюсь оценением научных работ, которые приходят на региональные премии и гранты». Во-вторых, включенность в повестку: «Он должен включаться во всю повестку научной и образовательной политики, которая реализуется Координационным советом и объединенным советом научной молодежи».

При этом Объединенный совет по-прежнему воспринимается как информационная платформа: сведения о значимых научных событиях приходят напрямую председателю, а он уже распространяет их среди молодых ученых. Как подчеркивает сама Е. В. Лидер, «задача объединенного совета молодых ученых – это информационная поддержка. Что-то подсказать, что-то рассказать, что-то объяснить». Несмотря на свою полезность для сибирского молодежного научного сообщества, СМ СО РАН оказался в подвешенном состоянии, поскольку не имел источников финансирования в отличие от институтских советов молодых ученых, получающих материальную поддержку от дирекций институтов.

Таким образом, следствием проведенных реформ стало кардинальное изменение целей и функций советов: вместо распределения бюджетных средств – информационная и консультационная поддержка на добровольных началах; вместо прямого финансирования конференций – помощь в поиске грантов и спонсоров; вместо юридического статуса – неформальное представительство интересов молодых ученых.

² Совет при Президенте России по науке и образованию обновил состав Координационного совета молодых ученых. (2026). [Электронный ресурс]. *Координационный совет по делам молодежи в научной и образовательной сферах Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию*. URL: youngscience.gov.ru/news/news/3057/ (дата обращения: 14.04.2026).

4. Как менялись цели советов под влиянием реформ

Сравнение трех периодов позволяет выявить несколько ключевых тенденций.

1. Возвращение к исходной миссии. В первые годы (1960-е) главными были коммуникация и привлечение талантов. В период с 1999 по 2012 г. эти функции отошли на второй план. После реформы, когда денег не стало, советы вынужденно вернулись к прежней роли, но уже на новом техническом уровне (мессенджеры, онлайн-информирование).

2. Рост социальной составляющей. В советский период социальные вопросы (жилье, быт) решались преимущественно через профсоюзы и партийные органы. В постсоветское время, особенно после реформы 2013 г., именно советы молодых ученых взяли на себя консультирование по вопросам оформления документов на жилищные сертификаты, поскольку другие учреждения (территориальные представительства ФАНО, жилищная комиссия профсоюза) были ликвидированы или отстранены. Таким образом, произошла субституция функций: то, что раньше делали государственные или окологосударственные структуры, перешло к волонтерским объединениям.

3. Парадокс влияния. Потеря финансов и юридического статуса, казалось бы, должна была привести к прекращению деятельности институтских советов молодых ученых. Однако на деле их неформальное влияние в некоторых аспектах возросло. Председатель объединенного совета, не имея бюджета, входит в Президиум СО РАН и Координационный совет при Президенте РФ – т. е. сохраняет доступ к высшим уровням принятия решений. Более того, именно советы стали основными операторами жилищной программы для молодых ученых (пусть и в качестве консультантов, а не распорядителей). Без этой волонтерской работы система государственных жилищных сертификатов практически перестала бы эффективно функционировать.

5. Заключение: вызовы и перспективы

Проведенный анализ эволюции миссии Совета научной молодежи СО РАН в исторической перспективе позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, реформа РАН 2013 г. привела к деинституционализации объединенного совета: утрата юридического статуса и бюджетного финансирования разрушила ту модель функционирования, которая складывалась с 1999 г. Однако советы не исчезли, а перестроились, взяв на себя функции, которые ранее выполняли другие структуры (территориальные представительства ФАНО, жилищные комиссии профсоюзов). Это свидетельствует о высокой адаптивности академической среды, даже при неблагоприятных внешних условиях.

Во-вторых, современное состояние СМ СО РАН характеризуется разрывом между формальным статусом и реальной нагрузкой. Не имея юридического лица и финансирования, совет фактически выполняет публичные функции: консультирование по госпрограммам, первичную экспертизу документов, распространение информации о федеральных и региональных мерах поддержки. Эта ситуация создает риск профессионального выгорания активистов и ставит под вопрос долгосрочную устойчивость такой модели, поскольку она целиком держится на личной мотивации.

В-третьих, эффективность советов в пореформенный период напрямую зависит от способности председателя выстраивать неформальные каналы коммуникации с властью. Участие в работе Президиума СО РАН, Координационного совета при Президенте РФ, региональных комиссий позволяет транслировать запросы молодых ученых на уровни, где принимаются решения. Однако такой механизм остается персоналистским и не гарантирует преемственности после смены председателя. Отсутствие институциональной памяти и закрепленных процедур взаимодействия – уязвимость, которую не могут компенсировать даже успешные проекты вроде «Лаврентьевской карты».

Наконец, остается открытым вопрос о будущем объединенного совета. Предложения о его переподчинении вузам (например, НГУ) ограничивают территориальный охват и противоречат изначальной идее междисциплинарного и межрегионального представительства научной молодежи. Восстановление хотя бы минимального бюджетного финансирования потребовало бы изменений в законодательстве, регулирующем статус Федерального государственного бюджетного учреждения и их право поддерживать общественные объединения. Пока этого не произошло, СМ СО РАН вынужден существовать в режиме волонтерского информационного посредничества, что, с одной стороны, демонстрирует жизнеспособность горизонтальных связей, а с другой – сохраняет высокую степень неопределенности для его участников.

Список литературы / References

Ермиков, В. Д. (2007). Начинал как строитель. *И забыть по-прежнему нельзя...* Новосибирск. С. 20-24.

Ermikov, V. D. (2007). He Started as a Builder. In *And you Still can't Forget ...* Novosibirsk. Pp. 20-24. (In Russ.)

Нолев, Е. В., Лидер, Е. В. (2019). К юбилею воссоздания первой в стране организации молодых ученых: летопись совета научной молодежи СО РАН. *Вестник БНЦ СО РАН*. № 3 (35). С. 241-248.

Nolev, E. V., Leader, E. V. (2019). For the Anniversary of the Reconstruction of the Country's First Organization of Young Scientists: The Chronicle of the Council of Scientific Youth of the SB RAS. *Bulletin of the BSC SB RAS*. No. 3 (35). Pp. 241-248. (In Russ.)

Josephson, P. R. (1997). *New Atlantis Revisited: Akademgorodok, the Siberian City of Science*. Princeton: Princeton University Press. 354 p.

Информация об авторах / Information about the authors

Лбова Екатерина Михайловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: kate.lbova@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-8748-5095>.

Зайкова Алина Сергеевна – кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: Zaykova.a.s@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3300-0130>.

Статья поступила в редакцию: 15.04.2026

После доработки: 20.05.2026

Принята к публикации: 29.05.2026

Lbova Ekaterina – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: kate.lbova@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-8748-5095>.

Zaykova Alina– Candidate of Philosophy Science, Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: Zaykova.a.s@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3300-0130>.

The paper was submitted: 15.04.2026

Received after reworking: 20.05.2026

Accepted for publication: 29.05.2026

УДК 172.1+177.9+321.01

НАСКОЛЬКО МИНИМАЛЬНО МИНИМАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО?

К. Е. Морозов

Институт философии РАН (г. Москва)
lovcraft.wittgenstein@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена проблемам распределительной справедливости и обоснования политического авторитета государства. Согласно Роберту Нозигу, морально оправданно только минимальное государство, которое защищает естественные права своих граждан, но не занимается перераспределением богатства и доходов между ними. Эта статья предлагает аргумент в пользу того, что, вопреки допущениям Нозика, минимальное государство может осуществлять перераспределение, не выходя за пределы своих минимальных функций. Это возможно, потому что минимальное государство может использовать свой бюджет любым ненасильственным образом, если это способствует реализации его основной задачи – обеспечения общественной безопасности. Бедность и неравенство значительно повышают риски совершения насильственных преступлений. Следовательно, минимальное государство имеет право обеспечивать малоимущих социальной поддержкой, чтобы снизить риски насильственных преступлений. Этот аргумент дополнительно защищается от возражений.

Ключевые слова: Роберт Нозик, либертарианство, анархизм, классический либерализм, минимальное государство, естественные права, общественная безопасность, распределительная справедливость, политический авторитет.

Для цитирования: Морозов, К. Е. (2026). Насколько минимально минимальное государство? *Respublica Literaria*. Т. 7. № 2. С. 110-122. DOI: 10.47850/RL.2026.7.2.110-122.

HOW MINIMAL IS THE MINIMAL STATE?

К. Е. Morozov

Institute of Philosophy RAS (Moscow)
lovcraft.wittgenstein@gmail.com

Abstract. This article addresses issues of distributive justice and the justification of the state's political authority. According to Robert Nozick, only a minimal state is morally justifiable: one that protects the natural rights of its citizens but does not redistribute wealth and income among them. This article offers an argument that, contrary to Nozick's assumptions, a minimal state can redistribute without exceeding its minimal functions. This is possible because a minimal state can use its budget in any non-violent manner as long as it contributes to its primary goal—ensuring public safety. Poverty and inequality significantly increase the risk of violent crime. Therefore, a minimal state has the right to provide social support to the poor to reduce the risk of violent crime. This argument is further defended against objections.

Keywords: Robert Nozick, libertarianism, anarchism, classical liberalism, minimal state, natural rights, public safety, distributive justice, political authority.

For citation: Morozov, K. E. (2026). How Minimal is the Minimal State? *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 2. Pp. 110-122. DOI: 10.47850/RL.2026.7.2.110-122.

В своей книге «Анархия, государство и утопия» (1974) американский философ Роберт Нозик сформулировал аргумент в пользу того, что морально оправданно только минимальное государство, «функции которого ограничены узкими рамками – защита от насилия, воровства, мошенничества, обеспечение соблюдения договоров и т. п.» [Нозик, 2020, с. 11]. Иначе говоря, согласно Нозику, функции государства должны быть ограничены обеспечением общественной безопасности. Любая деятельность государства, которая выходит за пределы этой узкой задачи, будет нарушать естественные моральные права людей, а потому недопустима. Нозик никогда явно не обсуждал, как должно выглядеть минимальное государство и как именно оно должно реализовывать свою главную задачу. Единственное, о чем явно пишет Нозик, это то, что такое государство не будет заниматься перераспределением богатства и доходов между своими гражданами, а также не будет вводить какие-либо патерналистские ограничения.

Хотя книга Нозика впервые увидела свет больше пятидесяти лет назад, разработанная им либертарианская теория справедливости по сей день остается влиятельной и обсуждаемой как среди академических философов, так и среди политиков и активистов по всему миру¹. В этой статье мы критически проанализируем аргументацию Нозика и покажем, что вопреки его собственным выводам, минимальное государство может оправданно заниматься перераспределением богатства и доходов между своими гражданами, не выходя за пределы своих основных функций. Дело в том, что аргументация Нозика не накладывает никаких ограничений на те способы, которыми государство будет обеспечивать общественную безопасность, и с учетом некоторых правдоподобных социологических допущений у государства есть основания рассматривать бедность как источник социальной напряженности. Для устранения этого источника государство может учреждать финансируемые налогами программы борьбы с бедностью, что, в сущности, предполагает перераспределение.

Аргумент Нозика в пользу минимального государства

Нозик начинает свою книгу со своей исходной нормативной предпосылки: «Люди обладают правами, и поэтому есть действия, которые не может совершать по отношению к индивиду ни отдельный человек, ни группа лиц (без нарушения этих прав)» [Нозик, 2020, с. 11]. Речь идет о *естественных* правах, т. е. таких моральных правах, существование которых не зависит от их признания другими людьми или государством². В своей известной рецензии Томас Нагель упрекал Нозика в том, что он не приводит никаких оснований в поддержку этих естественных прав [Nagel, 1995]. Отчасти этот упрек справедлив: Нозик действительно подробно не останавливается на исследовании оснований естественных прав, просто предполагая, что читатели, которые уже согласны с идеей естественных прав, найдут его аргументацию убедительной. Однако некоторые соображения в защиту естественных

¹ См., напр., специальный номер журнала *The Independent Review*, приуроченный к пятидесятилетию «Анархии, государства и утопии» (2024. Vol. 29. No. 2).

² При этом Нозик не является абсолютистом в отношении этих прав. Он признает, что иногда допустимо нарушать права других людей, но только если это необходимо для избежания «катастрофических моральных последствий» [Мехед, 2015, с. 31-32; Нозик, 2020, с. 53].

прав Нозик все-таки приводит. С его точки зрения, признание этих прав является практическим следствием второй формулировки кантовского категорического императива³: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в лице всякого другого так же как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству» [Кант, 1994, с. 205; Нозик, 2020, с. 54].

В первую очередь, согласно Нозику, категорический императив наделяет людей исключительным правом собственности на самого себя, свое тело и свою личность – т. е. *правом самопринадлежности* [Нозик, 2020, с. 220]. Это право запрещает другим людям, группам людей и государству осуществлять какие-либо действия по отношению к телу и личности человека без его согласия. Далее, вслед за Джоном Локком, Нозик признает, что люди могут приобретать права собственности на ничейные ресурсы, присваивая их [Локк, 2020, с. 250; Нозик, 2020, с. 194]. И поскольку обсуждаемое право присвоения также является естественным, то и приобретаемые через него права на внешние ресурсы также не подлежат никаким ограничениям со стороны других людей и государства, за исключением оговорки, что такое присвоение не должно непоправимо ухудшать положение других людей⁴.

Нозик также признает, что у людей есть естественное право на то, чтобы самостоятельно осуществлять защиту самих себя и своей справедливо приобретенной собственности. В силу этого, с точки зрения Нозика, налогооблагающее государство с монополией на насилие нуждается в моральном обосновании, потому что, на первый взгляд, такое государство нарушает естественные права людей. С одной стороны, такое государство требует от своих граждан, чтобы они платили ему налоги, т. е. требует от людей передачи какой-то части их справедливо приобретенной собственности. С другой стороны, такое государство ограничивает права людей самостоятельно защищать себя, устанавливая свою монополию на насилие и, таким образом, ограничивая возможности людей использовать это насилие для самообороны.

Философ и экономист Мюррей Ротбард, разделявший с Нозикум его взгляды на естественные права, утверждал, что любое, даже самое минимальное государство будет нарушать права своих граждан, а потому не может быть морально оправданно [Ротбард, 2009]. На основании этого Ротбард заключал, что наиболее справедливым общественным устройством был бы рыночный анархизм, при котором ни у кого нет права собирать налоги и монополии на насилие, а защиту себя и других люди будут организовывать, учреждая добровольные защитные ассоциации. Своей книгой Нозик пытался показать, что возможно такое государство, которое не будет нарушать естественные права своих граждан, потому что такое государство могло бы возникнуть из рыночной анархии без нарушения чьих-либо прав⁵.

³ Многие критики отмечали, что интерпретация Нозикум категорического императива во многом противоречит задумке Канта [Чалый, 2014; Морозов, 2025б; Cohen, 1995; Bardon, 2000]. Джейсон Бреннан и Бас ван дер Воссен считают, что центральный аргумент Нозика в пользу естественных прав не кантовский, а интуитивистский [Brennan & Van der Vossen, 2018]. Апелляцию к категорическому императиву в данном случае можно рассматривать как способ проиллюстрировать моральную интуицию, а не как солидаризацию с моральной теорией Канта.

⁴ Сам Нозик считал, что из его оговорки ни при каких обстоятельствах, кроме природных катастроф, не следуют обязательства по компенсации другим за совершенное присвоение [Нозик, 2020, с. 232]. В другой статье мы исследовали причины, почему Нозик заблуждался в этом [Морозов, 2025а].

⁵ В сущности, книга Нозика является завуалированной полемикой именно с Ротбардом, который и убедил Нозика в существовании естественных прав.

Нозик показывает возможность такой трансформации рыночной анархии в минимальное государство через несколько этапов. На первом этапе среди множества конкурирующих защитных ассоциаций выделяется одна доминирующая ассоциация, которая становится фактическим монополистом на конкретной территории. Этот монополистический статус связан не с тем, что доминирующая ассоциация подавляет своих конкурентов, а скорее с тем, что само обеспечение общественной безопасности является «естественной монополией»⁶.

На следующем этапе доминирующая ассоциация превращается в «ультраминимальное государство», запрещая использовать насилие в частном порядке для защиты самих себя и тем самым устанавливая свою правовую монополию на насилие [Нозик, 2020, с. 79]. По мнению Нозика, такой запрет не является нарушением прав людей, проживающих на территории, подконтрольной доминирующей ассоциации, потому что эта ассоциация имеет право ограничивать рискованную деятельность других, когда эта деятельность может нарушать права клиентов защитной ассоциации. Например, если кто-то начнет стрелять из своего окна по бутылкам на другой стороне улицы, то защитная ассоциация может запретить подобную деятельность, поскольку она накладывает на других людей риски быть застреленными на улице. Как утверждает Нозик, любое частное использование насилия несет риски, что будут нарушены естественные права кого-то, кто не виноват ни в каком преступлении перед другими людьми. Поэтому на подконтрольной ей территории защитная ассоциация может запретить любое частное использование насилия, выступая главным арбитром в разрешении споров как между его клиентами, так и независимыми людьми.

Однако затем ультраминимальное государство должно, согласно Нозик, совершить еще одно расширение – превратиться в минимальное государство. Среди читателей Нозика есть две устоявшиеся интерпретации по поводу того, чем минимальное государство отличается от ультраминимального. С первой точки зрения, ультраминимальное государство защищает только своих клиентов, которые добровольно платят ему за защиту, тогда как минимальное принудительно взимает со всех людей на своей территории налоги, но также защищает всех этих людей вне зависимости от их платежеспособности [Cohen, 1995, pp. 89, 235; Feser, 2000, p. 220]. Со второй точки зрения, и ультраминимальное, и минимальное государство защищают только клиентов, которые добровольно платят за свою защиту, но минимальное государство дополнительно защищает тех своих граждан, которые самостоятельно не могут платить за свою защиту [Mask, 2011, p. 92]. Далее мы будем исходить из того, что верной является первая интерпретация⁷.

Нозик считает, что для ультраминимального государства допустимо учредить систему принудительного налогообложения, чтобы расширяться до минимального, потому что ранее, установив свою монополию на насилие, это государство ухудшило положение тех, у кого недостаточно денег для оплаты услуг этого государства. Ведь оно запретило этим людям самостоятельно использовать насилие для своей защиты, однако они не могут делегировать это право государству, поскольку у них нет денег для покупки защитного

⁶ Отрасль является естественной монополией, если совокупные издержки одной фирмы, производящей весь объем продукции, ниже совокупных издержек двух или более фирм, производящих тот же объем продукции [Perloff, 2012, p. 394].

⁷ В другой статье мы исследовали вопрос о том, поддерживал ли Нозик принудительное налогообложение [Морозов, 2023].

полиса [Нозик, 2020, с. 151]. Таким образом, хотя ультраминимальное государство имело право ограничить частное применение насилия, реализация этого права ставит некоторых невинных людей в худшее положение, и поэтому государство обязано компенсировать им это ухудшение. Поскольку платежеспособные клиенты являются выгодополучателями этого расширения ультраминимального государства, то последнее может облагать их налогами для того, чтобы предоставить эту компенсацию менее обеспеченным.

Так, не нарушая ничьих прав, доминирующая ассоциация может стать минимальным государством с монополией на насилие и правом взимать налоги со своих граждан. Однако, как считает Нозик, дальнейшее расширение государства невозможно оправдать, потому что тогда ему пришлось бы нарушать естественные права собственных граждан. В частности, если бы минимальное государство захотело учредить систему перераспределения от богатых к бедным, то оно бы нарушило права людей на их справедливо приобретенную собственность [Там же, с. 216-217]. Возможно, для богатых было бы похвально добровольно помогать бедным, но этого, согласно Нозику, нельзя от них требовать под угрозой правовых санкций.

Может ли минимальное государство перераспределять?

На основании построенного им аргумента Нозик предполагает, что обеспечение общественной безопасности – это единственная морально допустимая функция государства, а также единственный морально допустимый способ расходовать деньги, собранные через принудительное налогообложение. Сам Нозик не дал детального описания, как именно минимальное государство должно реализовывать свои полномочия. Последующие авторы, как правило, предполагали, что минимальное государство будет включать в себя только полицию, суды и армию, а также административные и налоговые органы. Все также согласны по поводу того, что минимальное государство не будет осуществлять какую-либо политику борьбы с бедностью, будь то в форме социального обеспечения или финансирования доступных публичных благ.

Некоторые авторы пытались показать, что даже из собственной концепции естественных прав Нозика можно вывести расширение полномочий государства [Vallentyne, 2007]. Здесь мы построим альтернативный аргумент: мы покажем, что даже без расширения полномочий минимального государства мы можем обосновать программы борьбы с бедностью в формате перераспределения богатства и доходов как способ обеспечения общественной безопасности. Краткий набросок такого аргумента ранее уже был представлен Эриком Маком и Джеральдом Гаусом [Mask & Gaus, 2004, p. 125]. Основная идея в том, что бедность является источником социальной напряженности и, таким образом, увеличивает риски насилия против законопослушных граждан минимального государства и их собственности⁸. Поскольку это государство уполномочено защищать своих граждан

⁸ Хотя существует различие между насильственными преступлениями и преступлениями против собственности, далее мы не будем разделять их по двум причинам. Во-первых, Нозик видит цель минимального государства в защите как людей, так и их собственности, а потому интересующее нас понятие общественной безопасности предполагает предотвращение обоих видов преступлений. Во-вторых, как подмечает Морган

от насилия со стороны других, оно должно использовать любые разумные меры, чтобы снизить риски таких насильственных посягательств. И поскольку перераспределение не нарушает естественных прав граждан, оно является разумным способом снизить риски насилия.

Корреляция между высоким уровнем материального расслоения и высокими рисками насильственных преступлений или преступлений против собственности является хорошо изученным явлением [Zhao et al., 2014]. В обществе с высоким уровнем бедности некоторые люди живут настолько плохо, что потенциальные издержки от уголовного преследования становятся сопоставимы с издержками от продолжения жизни в бедности. В таком случае для этих людей вполне рационально⁹ взять на себя риски уголовного преследования и совершить преступление, чтобы потенциально увеличить собственное благосостояние. Чем больше количество таких «отчаянных бедных» в обществе, тем выше риски, что кто-то из них примет решение совершить преступление против своих более обеспеченных сограждан. Таким образом, мы можем считать, что высокий уровень бедности сам по себе является угрозой общественной безопасности и поэтому должен быть заботой минимального государства.

Однако является ли перераспределение надежным способом снизить риски насильственных преступлений, связанных с бедностью? На первый взгляд, положительный ответ на этот вопрос кажется очевидным. Финансовая поддержка со стороны государства поможет малообеспеченным гражданам подняться над чертой бедности без необходимости брать на себя риски уголовного преследования. Эти люди больше не окажутся в ситуации, когда им нечего терять, а насильственные преступления против их сограждан – последняя возможность как-то улучшить свое качество жизни.

Академическая литература по соответствующей теме подтверждает этот вывод [Sahoo & Das, 2023]. Финансовая поддержка со стороны государства снижает вероятность совершения преступлений малообеспеченными гражданами. Конечно, программы перераспределения не сводят эту вероятность на нет, а потому не устраняют необходимость в органах уголовного преследования. Тем не менее, какое-то количество преступлений можно предотвратить, предоставив малообеспеченным пакет финансовой помощи от государства¹⁰. И для минимального государства было бы разумно перенаправить часть ресурсов на финансирование подобной социальной поддержки, что дополнительно разгрузит полицейские и судебные органы, способствуя их большей эффективности¹¹.

Келли, оба вида преступлений имеют отношение к материальному расслоению. Бедность коррелирует с преступлениями против собственности, а неравенство – с насильственными преступлениями [Kelly, 2000].

⁹ В теоретико-игровом понимании рациональности.

¹⁰ Здесь мы не будем конкретизировать, что именно должен включать этот пакет. Кажется правдоподобным, что в него должны входить по меньшей мере медицинская страховка, бюджетное образование, программы переквалификации, денежное пособие, помощь в трудоустройстве, социальное жилье и некоторые налоговые льготы. Но мы оставляем открытым вопрос о том, должно ли государство расширить этот пакет финансовой помощи за счет включения каких-то дополнительных пунктов.

¹¹ В своем диссертационном исследовании Виктор Сильвестр Каба даже приходит к выводу, что обеспеченность жильем, низкий уровень безработицы, доступность образования, низкая стоимость жизни и компенсация по безработице имеют более надежные отрицательные корреляции с уровнем насильственных преступлений, чем количество полицейских патрулей [Kabia, 2017].

Таким образом, устранение бедности является легитимной целью нозиковского минимального государства. И различные программы финансовой поддержки малообеспеченных являются эффективным способом достижения этой цели. А поскольку деятельность государства по обеспечению общественной безопасности должна финансироваться налогами его платежеспособных граждан, то эти программы финансовой поддержки являются, в сущности, формой перераспределения богатства и доходов. Следовательно, даже нозиковское минимальное государство может заниматься перераспределением, не выходя за пределы своей основной функции – обеспечения общественной безопасности.

Ответы на возражения

Более ортодоксальные нозикианцы, вне всяких сомнений, будут сопротивляться подобному расширению функций минимального государства [напр., см.: Mask, 2006]. Далее мы рассмотрим два возражения, которые эти ортодоксальные нозикианцы могут выдвинуть против включения перераспределения в функции минимального государства.

Первое возражение – это довод от инструментализации. Как утверждает Нозик, прямое перераспределение от одних людей к другим, чтобы сделать положение одних людей лучше за чужой счет, является инструментализацией тех людей, богатство и доходы которых перераспределяются. Если мы интерпретируем Нозика как кантианца, то этот запрет инструментализации устанавливается второй формулировкой категорического императива, которая запрещает относиться к людям как простым средствам [Кант, 1994, с. 205]. Но и если мы интерпретируем Нозика как этического интуитивиста, то запрет на инструментализацию одних людей в пользу других можно обосновать моральной интуицией¹². В любом случае у нас нет оснований спорить с нозикианцами насчет того, что инструментализация людей, как правило, является морально неправильной.

С точки зрения нозикианцев, стандартное минимальное государство, которое обеспечивает общественную безопасность только с помощью полицейских и судебных органов, не нарушает запрет на инструментализацию. Ведь в таком случае все граждане государства в равной степени получают защиту от государства. Если государство финансирует систему противоракетной обороны, то все граждане на территории государства получают от этого выгоду, ведь каждый оказывается защищен от угрозы ракетного удара со стороны вражеского государства. Если государство финансирует полицейские органы, которые борются с организованной преступностью, то каждый оказывается защищенным от организованной преступности, ведь в отсутствие борьбы с нею каждый в равной мере является потенциальной жертвой. Здесь нет способа исключить кого-то из числа выгодополучателей системы общественной безопасности. Но в том случае, когда государство расходует какую-то часть своего налогового бюджета на финансовую поддержку малообеспеченных, то есть люди, которые получают дополнительные выгоды за счет всех налогоплательщиков. В этой ситуации, как считают нозикианцы, у нас будут основания отвергать такую политику как форму инструментализации налогоплательщиков.

¹² Например, Паулюс Кауфманн отмечает, что запрет инструментализации является частью здравого смысла вне зависимости от того, принимаем ли мы кантианское обоснование морали [Kaufmann, 2010].

Второе возражение, которое могут выдвинуть нозикианцы, – это довод от шантажа. Подобный аргумент в ином контексте рассматривал Джеральд Коэн [Коэн, 2020, с. 90-93]. Он анализировал т. н. «аргумент от поощрения». Этот аргумент призван обосновать снижение прогрессивных налогов, которыми облагаются богатые, потому что это снижение потенциально создаст стимулы для более продуктивного использования экономических ресурсов, которое увеличит совокупное благосостояние общества. Как утверждал Коэн, даже если этот аргумент является валидным, его применение проблематично в некоторых контекстах. В частности, в ситуации, когда этот аргумент выдвигают сами обеспеченные члены общества, он звучит как шантаж: «Если вы не снизите налоги для меня, я не буду работать достаточно продуктивно, чтобы принести наибольшую пользу обществу». По мнению Коэна, такое использование аргумента от поощрения неотличимо от ситуации, когда вымогатель шантажирует родителей похищенного им ребенка: «Если вы не заплатите мне выкуп, я не верну вам вашего ребенка».

Нозикианцы могли бы возразить, что построенный выше аргумент в пользу перераспределения в минимальном государстве также звучит как шантаж: «Если вы не предоставите мне финансовую помощь, я буду совершать больше насильственных преступлений». В таком случае, даже если аргумент валиден, его использование проблематично. И этого может быть достаточно, чтобы отвергнуть перераспределительную политику в минимальном государстве.

Однако ни первое, ни второе возражение не представляет большой угрозы для нашего вывода. В ответ на первое из них стоит просто еще раз указать, что целью перераспределения в минимальном государстве является не улучшение положения наименее обеспеченных само по себе, а обеспечение общественной безопасности. Выгоду от этого получают все члены общества в равной мере, и именно поэтому минимальное государство оправдано в том, чтобы собирать со всех платежеспособных граждан налоги для финансирования своих мероприятий по обеспечению безопасности. Особая выгода, которую получают наименее обеспеченные, является просто побочным эффектом политики, основная цель которой – снижение рисков насильственных преступлений.

Можно сравнить перераспределительную политику минимального государства с другим примером. Представим город, который страдает от организованной преступности. Из-за рисков, связанных с преступностью, аренда недвижимости в этом городе стоит очень дешево, поскольку из-за страха перед нападениями никто не хочет арендовать здесь недвижимость. Затем минимальное государство усиливает полицейское патрулирование в этом городе, что приводит к значительному снижению уровня преступности, а это, в свою очередь, увеличивает стоимость аренды в этом городе. С точки зрения Нозика, государство имеет право усиливать полицейское патрулирование, но в описанной ситуации это, в сущности, создает исключительные выгоды для собственников недвижимости в данном городе за счет потенциальных арендаторов.

Нозик может ответить на этот пример, что такое создание побочных выгод для какой-либо социальной группы само по себе не считается инструментализацией кого-либо, если оно происходит в результате действий, основной целью которых является обеспечение безопасности для всех. Иначе говоря, мы можем выделять два типа перераспределительной политики: перераспределение по цели и перераспределение по эффекту [ср.: Rawls, 1993, pp. 192-194]. Политика первого типа рассматривает перераспределение благ между людьми как цель, которую эта политика должна реализовать, тогда как политика второго типа,

хотя фактически и занимается перераспределением благ, преследует какую-либо иную цель. Сам Нозик обращается к этому противопоставлению, чтобы объяснить, почему перераспределительный эффект налогообложения¹³ в минимальном государстве не является проблематичным [Нозик, 2020, с. 50]. И если мы, вслед за Нозиком, принимаем это различие, то мы можем вписать в него и различные программы социального обеспечения в минимальном государстве. Хотя эти программы перераспределительные по своему эффекту, их основная цель не является перераспределительной – это обеспечение общественной безопасности для всех в равной мере.

Мы также можем ответить и на второе возражение. Когда Коэн обсуждает шантаж в контексте аргумента от поощрения, он указывает на тот факт, что проблематичной является ситуация, когда этот аргумент выдвигают выгодополучатели поощрений. Но это не было бы столь проблематично, если бы этот аргумент выдвинул кто-то из тех, кому реализация этих поощрений не сулит никакой выгоды. Представим, например, кооперативный проект, в котором участвуют три человека: Марк, Петр и Антон. Допустим, Марк выполняет большую часть работы по этому проекту, тогда как Петр и Антон работают значительно меньше. Если Марк предложит отдать ему большую часть произведенных ими благ, чтобы стимулировать его трудиться еще больше, то его предложение будет в чем-то подобно шантажу: «Либо вы отдаете мне большую часть произведенных благ, либо я не буду работать для производства еще большего их количества». Но если это предложение озвучит Антон, то это не будет похоже на шантаж. В конце концов, сам Антон ничего не получит, если его предложение будет реализовано.

Соответственно, и в случае с нашим аргументом в пользу перераспределения в минимальном государстве, чтобы признать его подобным шантажу, необходимо обратить внимание на то, кто именно выдвигает этот аргумент. Если это делают сами наименее обеспеченные, то использование ими подобного аргумента действительно проблематично. Но совсем иное дело, если такое обоснование будет приведено представителями самого минимального государства. В подобном случае было бы странно назвать этот аргумент шантажом, поскольку выдвигающие его представители минимального государства не получают никакой выгоды от реализации предлагаемой политики. Не считая, разве что, самой общественной безопасности и оплаты услуг по ее поддержанию, однако это то, на что представители минимального государства, согласно нозиковскому обоснованию, в любом случае имеют право.

Таким образом, ни одно из двух возражений не способно опровергнуть выдвинутый нами аргумент. Минимальное государство имеет право тратить налоговые деньги для обеспечения общественной безопасности любым эффективным и не нарушающим чьи-либо естественные права способом. И у нас есть веские основания считать, что система социальной защиты малоимущих является именно таким способом. Тогда более ортодоксальные нозикианцы могли бы предложить еще одно возражение: государство не должно тратить деньги теми способами, на которые его граждане не дали согласия. Поэтому если кто-то в обществе возражает против социальной помощи малоимущим, то государство лишается права организовывать эту помощь.

¹³ Речь о том, что даже при пропорциональной системе налогообложения более состоятельные налогоплательщики, в сущности, платят больше за общественную безопасность, чтобы предоставить это благо тем, кто платит за него меньше или не платит вообще. С точки зрения Нозика, такой перераспределительный эффект оправдан, поскольку более состоятельные налогоплательщики несут компенсационные обязательства перед своими менее обеспеченными согражданами.

Но это возражение неверно понимает связь между минимальным государством и его гражданами в теории Нозика. Как подмечает Эрик Мак, нозиковское минимальное государство больше похоже на коммерческое предприятие, чем на знакомые нам конституционные демократии, где политика государства определяется народным волеизъявлением [Mask, 2011]. Минимальное государство – это, в сущности, большое охранное агентство с монополией на насилие на определенной территории. Обеспечение этим государством общественной безопасности – это своего рода предоставление собственным гражданам коммерческой услуги. Клиент фирмы не имеет права определять, каким способом фирма будет предоставлять ему услугу, при условии, что фирма не нарушает этим ничьи права (что исключает насилие и мошенничество). Покупатель пекарни, например, не имеет права ограничивать пекарню в том, как они будут выполнять свои заказы¹⁴. Аналогично и граждане минимального государства не имеют права требовать от этого государства, чтобы оно ограничивало себя в методах обеспечения общественной безопасности, включая и перераспределительные программы.

Последняя возможность для нозикианца отвергнуть перераспределение как форму обеспечения общественной безопасности – это настаивать на необходимости демократизации минимального государства. Если это государство станет некоторой формой демократического самоуправления, а не просто фирмой по производству общественной безопасности, то его граждане получат право определять его политику. Однако такое государство просто перестанет быть минимальным. Если граждане имеют право влиять на политику государства через демократические процедуры, то они также имеют право определять те функции, которые государство должно осуществлять. И тогда ничто не ограничивает граждан в том, чтобы проголосовать за перераспределительную политику государства¹⁵.

Заключение

Как мы показали, Нозик не удалось обосновать, что минимальное государство не имеет права перераспределять богатство и доходы между своими гражданами. Даже если функции и полномочия государства ограничены обеспечением общественной безопасности, оно все еще может осуществлять перераспределительную политику, чтобы снизить риски преступлений со стороны своих малоимущих граждан. Никто из налогоплательщиков не может возражать против такого способа обеспечения общественной безопасности, потому что нозиковское минимальное государство не обязано отчитываться перед своими гражданами о способах, которые оно избрало для осуществления своих полномочий, пока это не нарушает чьи-либо естественные права. Таким образом, даже минимальное государство по Нозик имеет достаточно прав и полномочий, чтобы перераспределять

¹⁴ Конечно, за исключением случаев, когда пекарня вводит своих клиентов в заблуждение или использует небезопасные для их здоровья методы.

¹⁵ Нозик действительно рассматривал возможность превращения минимального государства в демократическое без нарушения прав собственных граждан через процесс, который он назвал «демоктезисом» [Нозик, 2020, с. 341-342]. Однако Нозик считал, что демоктезис является как маловероятным, так и нежелательным сценарием. В более поздних работах Нозик уже однозначно одобрял демократическое государство, но вместе с тем признавал необходимость перераспределения богатства и доходов [Nozick, 1989, pp. 286-296], и эта трансформация взглядов широко интерпретируется как отказ от либертарианства.

богатство и доходы. Любое более обширное государство, соответственно, также будет иметь соответствующие права и полномочия, что подрывает распространенную либертарианскую позицию о том, что перераспределение благ в обществе невозможно морально оправдать¹⁶.

Список литературы / References

Кант, И. (1994). Основоположения метафизики нравов. Пер. с нем. Л. Д. Б. *Сочинения в 8 т.* Т. 4. М.: Чоро. С. 153-246.

Kant, I. (1994). Groundwork of the Metaphysics of Morals. L. D. B. (transl.). In *Works in 8 vols.* Vol. 4. Moscow. Pp. 153-246. (In Russ.)

Коэн, Дж. (2020). *Совместимы ли свобода и равенство?* Пер. с англ. Д. С. Середы. М.: Свободное марксистское изд-во.

Cohen, G. A. *Are Freedom and Equality Compatible?* Sereda, D. S. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Локк, Дж. (2020). *Два трактата о правлении.* Пер. с англ. Е. С. Лагутина, Ю. В. Семенова. М.; Челябинск: Социум.

Locke, J. (2020). *Two Treatise of Government.* Lagutin, E. S., Semenov, Yu. V. (transl.). Moscow; Chelyabinsk. (In Russ.)

Мехед, Г. Н. (2015). Моральный абсолютизм: общая характеристика и современные подходы. *Этическая мысль / Ethical Thought.* Т. 15. № 1. С. 27-50.

Mekhed, G. N. (2015). Moral Absolutism: General Description and Contemporary Approaches. *Ethical Thought.* Vol. 15. No. 1. Pp. 27-50.

Морозов, К. Е. (2023). Поддерживал ли Роберт Нозик принудительное налогообложение? *Философия и общество.* № 2 (107). С. 78-96. DOI: 10.30884/jfio/2023.02.06.

Morozov, K. E. (2023). Did Robert Nozick Support Forced Taxation? *Philosophy and Society.* No. 2 (107). Pp. 78-96. DOI: 10.30884/jfio/2023.02.06. (In Russ.)

Морозов, К. Е. (2025а). Оговорка Нозика и базовый доход. *Философский журнал / Philosophy Journal.* Т. 18. № 1. С. 117-133. DOI: 10.21146/2072-0726-2025-18-1-117-133.

Morozov, K. E. (2025a). Nozick's Proviso and Basic Income. *Philosophy Journal.* Vol. 18. No. 1. Pp. 117-133. DOI: 10.21146/2072-0726-2025-18-1-117-133. (In Russ.)

Морозов, К. Е. (2025б). Самопринадлежность и категорический императив. *Кантовский сборник.* Т. 44. № 3. С. 81-109. DOI: 10.5922/0207-6918-2025-3-3.

Morozov, K. E. (2025b). Self-Ownership and the Categorical Imperative. *Kantian Journal.* Vol. 44. No. 3. Pp. 81-109. DOI: 10.5922/0207-6918-2025-3-3. (In Russ.)

¹⁶ Автор выражает глубокую признательность Арине Черепановой, Александру Разину, Артему Беседину и анонимным рецензентам за полезные комментарии и обсуждения, которые помогли в работе над этой статьей.

Нозик, Р. (2020). *Анархия, государство и утопия*. Пер. с англ. Б. Пинскера. М.; Челябинск: Социум.

Nozick, R. (2020). *Anarchy, State, and Utopia*. Pinsker, B. (transl.). Moscow; Chelyabinsk. (In Russ.)

Ротбард, М. (2009). *К новой свободе: Либертарианский манифест*. Пер. с англ. Б. Пинскера. М.: Новое изд-во.

Rothard, M. N. (2009). *For a New Liberty: The Libertarian Manifesto*. Pinsker, B. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Чалый, В. А. (2014). Философские идеи Канта в политической теории Роберта Нозика. *Кантовский сборник*. № 2. С. 46-52. DOI: 10.5922/0207-6918-2014-2-4.

Chaly, V. A. (2014). Kant's Philosophical Ideas in Robert Nozick's Political Theory. *Kantian Journal*. No. 2. Pp. 46-52. DOI: 10.5922/0207-6918-2014-2-4. (In Russ.)

Bardon, A. (2000). From Nozick to Welfare Rights: Self-Ownership, Property, and Moral Desert. *Critical Review: A Journal of Politics and Society*. Vol. 14. No. 4. Pp. 481-501. DOI: 10.1080/08913810008443570.

Brennan, J., Van der Vossen, B. (2018). The Myths of the Self-Ownership Thesis. In Brennan, J., Van der Vossen, B., Schmidtz, D. (eds.). *The Routledge Handbook of Libertarianism*. New York. Routledge. Pp. 199-211.

Cohen, G. A. (1995). *Self-Ownership, Freedom, and Equality*. Cambridge. Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511521270.

Feser, E. (2000). Taxation, Forced Labor, and Theft. *The Independent Review*. Vol. 5. No. 2. Pp. 219-235.

Kabia, V. S. (2017). *The Relationship Between Increased Police Patrols and Violent Crime Rates in Seven United States Cities*. Minneapolis.

Kaufmann, P. (2010). Instrumentalization: What Does It Mean to Use a Person? In Kaufmann, P., Kuch, H., Neuhaeuser, C., Webster, E. (eds.). *Humiliation, Degradation, Dehumanization: Human Dignity Violated*. Cham. Springer. Pp. 57-65. DOI: 10.1007/978-90-481-9661-6_5.

Kelly, M. (2000). Inequality and Crime. *The Review of Economics and Statistics*. Vol. 82. No. 4. Pp. 530-539. DOI: 10.1162/003465300559028.

Mack, E., Gaus, G. F. (2004). Classical Liberalism and Libertarianism: The Liberty Tradition. In Gaus, G. F., Kukathas, C. (eds.). *Handbook of Political Theory*. London. Sage. Pp. 115-130.

Mack, E. (2006). Non-Absolute Rights and Libertarian Taxation. *Social Philosophy & Policy*. Vol. 23. No. 2. Pp. 109-141. DOI: 10.1017/S0265052506060195.

Mack, E. (2011). Nozickian Arguments for the More-than-Minimal State. In Bader, R. M., Meadowcroft, J. (eds.). *The Cambridge Companion to Nozick's Anarchy, State, and Utopia*. Cambridge. Cambridge University Press. Pp. 89-115.

Nagel, T. (1995). Libertarianism Without Foundations. In *Other Minds: Critical Essays 1969-1994*. Oxford. Oxford University Press. Pp. 137-149. DOI: 10.1093/oso/9780195090086.003.0014.

Nozick, R. (1989). *The Examined Life*. New York. Simon & Schuster.

Perloff, J. M. (2012). *Microeconomics*. London. Pearson Education.

Rawls, J. (1993). *Political Liberalism*. New York. Columbia University Press.

Sahoo, B., Das, R. (2023). Crime Population Modelling: Impacts of Financial Support. *International Journal of Dynamics and Control*. Vol. 11. Pp. 504-519. DOI: 10.1007/s40435-022-00986-6.

Vallentyne, P. (2007). Libertarianism and the State. *Social Philosophy & Policy*. Vol. 24. No. 1. Pp. 187-205. DOI: 10.1017/S0265052507070082.

Zhao, H., Feng, Z., Castillo-Chavez, C. (2014). The Dynamics of Poverty and Crime. *Journal of Shanghai Normal University*. Vol. 43. No. 5. Pp. 486-495.

Сведения об авторе / Information about the author

Морозов Константин Евгеньевич – младший научный сотрудник Института философии РАН, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, e-mail: lovecraft.wittgenstein@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3677-801X>.

Статья поступила в редакцию: 15.04.2026

После доработки: 20.05.2026

Принята к публикации: 29.05.2026

Morozov Konstantin – Junior Research Fellow of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Goncharnaya Str., 12/1, e-mail: lovecraft.wittgenstein@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3677-801X>.

The paper was submitted: 15.04.2026

Received after reworking: 20.05.2026

Accepted for publication: 29.05.2026

УДК 1(436)(091)(092)+101.1:316

**АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ РАЗРЫВ МОДЕРНА:
ИВАН ИЛЛИЧ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ВЕРНАКУЛЯРНЫХ ЦЕННОСТЯХ
ПОСЛЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ**

Д. А. Моторов

Институт философии РАН (г. Москва)
d.motorov@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются критические воззрения философа и социального критика Ивана Иллича на наступление Нового времени. Критика модерна Илличем основывается на рассмотрении аксиологического разрыва данной эпохи, приведшего к трансформации ключевых ценностей человеческого бытия. Противопоставляя вернакулярные, т. е. локально-естественные, ценности экономическим, Иллич на примере речи и обитания показывает, как именно исторически происходит данная трансформация, открывающая путь формированию крупных институтов, которые в итоге стирают из общественной жизни чувство родства и общности, приводя к социальной депривации человека.

Ключевые слова: Иван Иллич, вернакулярность, модерн, современность, Новое время, ценности, аксиология.

Для цитирования: Моторов, Д. А. (2026). Аксиологический разрыв модерна: Иван Иллич об экономических и вернакулярных ценностях после Нового времени. *Respublica Literaria*. Т. 7. № 2. С. 123-134. DOI: 10.47850/RL.2026.7.2.123-134.

**MODERN'S AXIOLOGICAL BREAK: IVAN ILLICH
ABOUT ECONOMICAL AND VERNACULAR VALUES AFTER MODERN ERA**

D. A. Motorov

RAS Institute of Philosophy (Moscow)
d.motorov@inbox.ru

Abstract. The article examines the critical views of the philosopher and social critic Ivan Illich on the beginning of the New Era. Illich's criticism of modernity is based on the consideration of the axiological break of this era, which led to the transformation of the key values of human existence. By contrasting vernacular, that is, locally natural, values with economic ones, Illich uses the example of speech and dwelling to show exactly how this transformation historically takes place, eventually cutting off the path to the formation of large institutions that eventually erase the sense of kinship and community from public life, leading to social deprivation of a human.

Keywords: Ivan Illich, vernacularity, modern, modernity, New Era, values, axiology.

For citation: Motorov, D. A. (2026). Modern's Axiological Break: Ivan Illich about Economical and Vernacular Values after Modern Era. *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 2. Pp. 123-134. DOI: 10.47850/RL.2026.7.2.123-134.

История философии XX в., изобилующая противоречивыми и вступающими в конфликт друг с другом концепциями и подходами к мышлению, порой в глазах исследователя кажется пространством идей, которые трудно привести к какому-то единому

знаменателю, а имеющиеся описательные модели для данного периода времени, – например, разделение авторов на структуралистов и постструктуралистов или же выделение континентального и аналитического стилей философствования – отличаются своей неполноценностью и условностью. Тем не менее, говоря о второй половине прошлого столетия и первых декадах нынешнего, можно отметить интенцию, красной нитью объединяющую зачастую совершенно противоположных философов и авторов, а именно – критическую и всестороннюю переоценку «даров и анафем» Нового времени¹.

С момента окончания Второй мировой войны появилось множество исследований, которые стремились критически пересмотреть разнообразные особенности модерна: одни авторы отмечали появление «недоверия к метарассказам» и выход из употребления «метанарративных механизмов», являвшихся отличительной чертой мышления Нового времени [Лиотар, 1998, с. 10]; другие мыслители фиксировали «регресс Просвещения в мифологию», в рамках которого разум, стремившийся расколдовать мир, «разрушить мифы и свергнуть воображение посредством знания» [Хоркхаймер, Адорно, 1997, с. 16], сам стал заложником мифологизации собственного познавательного всепостижения. Третьи отмечали, что для послевоенного поколения мыслителей, которые в дальнейшем получили известность в качестве представителей постструктурализма, объединяющей была интенция переосмысления нововременной онтологии субъекта и его агентности под эгидой антигуманизма [Брайдотти, 2021, с. 46], восстававшего против «гуманизма» эпохи Просвещения, который, в свою очередь, имел как линии «инклюзии» (в рамках которых модерновая эмансипация распространялась на определенные категории людей), так и линии «эксклюзии» (т. е. некоторые фрагменты дискурса гуманизма не распространялись на отдельные группы людей: например, на женщин, детей, вовлеченных в колониационные процессы представителей туземных сообществ, сексуальных меньшинств). По мере продолжения критической ревизии достижений Нового времени, начавшейся во второй половине XX в., происходило и расширение набора тем, обсуждаемых авторами, которые были вовлечены в данный процесс. Так, например, к рубежу тысячелетий добавилось и рассмотрение модерна через оптику экологической повестки, что в итоге привело к появлению дискуссий об антропоцене – геологической эпохе, когда человек в рамках развития нововременных науки, техники и экономики становится актором планетарного масштаба, оказывающим существенное влияние на состояние окружающей среды [Бинчик, 2022]. Резюмируя написанное выше, можно констатировать, что, несмотря на отмеченный Жаном-Франсуа Лиотаром характерный для послевоенного времени кризис метанарративов, начиная с конца 1940-х гг. в истории западной мысли начинается «просвечивать», подобно

¹ В нашем исследовании термины «Новое время» и «модерн» будут использоваться в синонимичном значении. В современной гуманитарной мысли нет четкого консенсуса по поводу содержания и датировки эпохи модерна: одни авторы (например, Г. Ф. В. Гегель) считали, что отождествление модерна с Новым временем является вполне законным, другие предпочитали отсчитывать начало модерна с XVII в. [Хабермас, 2008, с. 10], третьи видели более позднее явление, связанное с «созреванием» достижений Нового времени и достигшее своего пика в XIX в. [Кобрин, 2019, с. 15-16]. Нет среди мыслителей также и четкого мнения насчет того, закончился ли модерн или он продолжает существовать, пусть и посредством «потрепанных идей Просвещения» [Хабермас, 2005, с. 18]. Для нашего исследования ключевой будет мысль о том, что под критикой модерновых идей и идеалов будет подразумеваться критика некоего *sensus communis* «современности», появившегося в Новое время под влиянием развития науки и техники, а также капитализма и либеральной рыночной экономики.

конstellляции, единый метанарратив, связанный именно с критикой и ревизией модерна. Из приведенной выше палитры мнений по поводу итогов Нового времени можно сделать вывод, что для русскоязычного читателя данная тема хорошо известна, а перечень авторов, затрагивавших в своем творчестве темы, относящиеся к метанарративу критики модерна и обязательные к прочтению, уже устоялся. Тем не менее, в действительности остаются авторы, которые по разным причинам не рассматриваются в качестве критиков Нового времени, и одним из таких авторов является философ и социальный критик Иван Иллич.

В русскоязычной академической среде в настоящий момент существует преимущественно однобокая репрезентация творческого наследия Ивана Иллича: большинство отечественных исследователей склонны причислять идеи Иллича исключительно к анархистской педагогике, маркируя его автора в качестве «сторонника радикального подхода к образованию» [Савелова, 2019, с. 154]. Исследования, претендующие на более углубленное отображение философии И. Иллича, представляют рассматриваемого нами автора либо в свете его антропологических идей, связанных с критикой системы здравоохранения [Власова, 2013, с. 98-108], либо же в качестве одной из ключевых фигур «христианского богословского анархизма» [Воронов, 2023, с. 105-133]. Однако, несмотря на то что в отечественном академическом дискурсе имеются публикации, представляющие «инога Ивана Иллича» – отличного от того, как мысль данного автора воспринимается большинством русскоязычных исследователей, – его многоплановая социально-философская мысль, связанная с критикой Нового времени, ускользает от российских исследователей. Получив сначала в одном из престижнейших и старейших (основан в XV в.) католических колледжей Италии – *Almo Collegio Capranica*, – а затем в Папском Григорианском университете блестящее католическое образование, которое и стало основой консервативных воззрений автора на современность, к началу 1970-х гг. Иллич начал активно публиковаться на английском языке, обрушиваясь в своих текстах с критикой на ключевые современные институты: среди изданных работ мыслителя есть книги, посвященные критической ревизии современной медицины, системы всеобщего образования, разделения труда при капиталистической экономике. Беглый обзор тематического разнообразия сочинений Иллича приводит к выводу, что все работы автора объединены связующей нитью критики модерна, а точнее – ключевых феноменов Нового времени, появившихся в ходе развития современных институтов и капиталистической экономики. По мнению автора, появление последней привело к аксиологическому разрыву, выразившемуся в замене локально-уникальных, вернакулярных ценностей нововременными экономическими.

Прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению ценностного переворота, случившегося в Новое время, сделаем одно критически важное замечание по поводу введения термина «аксиологический разрыв» в нашем исследовании. В философском лексиконе Ивана Иллича нет как такового концепта «аксиологического разрыва»: в нашем исследовании он вводится по аналогии с концепцией «эпистемологических разрывов» Мишеля Фуко. Сам М. Фуко вводит понятие «эпистемологический разрыв» в своей работе 1969 г. «Археология знания» для описания изменений, например, в истории идей, связанных с переходом от «рассмотрения широких единств, описываемых как “эпохи” или “века”» [Фуко, 2004, с. 37] к изучению истории посредством конструирования рядов событий, составляющих более дифференцированное множество периодов внутри самой истории. Иными словами, введение понятия «разрыва» позволяет Фуко отказаться от абсолютизации непрерывности в пользу более конкретного и замкнутого анализа позитивностей, между

которыми и образуется разрыв, отмеченный «некоторым числом различных преобразований» [Фуко, 2004, с. 322]. Преломляя подобный подход к исторической науке, Мишель Фуко предлагает рассматривать предшествующие и последующие исторические периоды в качестве самодостаточных по отношению друг к другу: «... каждая эпоха имеет свою историю, которая неожиданно “открывается” в ее начале и “закрывается” в конце» [Бокарева, 2019, с. 6-10]. Правомочность введения по аналогии термина «аксиологический разрыв» основывается на том, что Иван Иллич был внимательным читателем работ Фуко и обращался к термину «эпистемологический разрыв», например, в интервью, данном в 1989 г. для сотрудников ежеквартального журнала «Новые перспективы» (New Perspectives Quarterly) Нэйтана Гарделса и Мэрлин Берлин Снэл [Illich, 1995, p. 70]. Фиксируя изменение в ценностях (values), произошедшее с наступлением Нового времени, и противопоставляя вернакулярность экономике (и появившемуся вместе с ней новому типу человека – homo economicus), Иван Иллич не выстраивает генеалогию между данными феноменами, но, как и Мишель Фуко, рассматривает домодерновую вернакулярность, связанную с чувством пропорционально организованного мира, и мир модерного экономизма в качестве отдельных и герметичных явлений, между которыми и произошел аксиологический разрыв, приведший к смене одного набора характерных ценностных установок другими.

Противопоставляя вернакулярность и экономику

Первые употребления термина «вернакулярность» встречаются в исследовательских текстах XIX в. по теории архитектуры, где данное слово употреблялось в том же смысле, что и в лингвистике: «вернакулярными лингвисты называли региональные языки и диалекты, главным образом разговорные и некодифицированные» [Володина, 2022, с. 643]. Дальнейшее широкое распространение данное понятие получило в 1940–1950-е гг. в работах, посвященных описанию строений и зданий, которые были созданы без привлечения профессиональных зодчих. В 1956 г. в Манчестере собирается первое профессиональное сообщество архитекторов, историков и археологов (Vernacular Architecture Group), заинтересованных в изучении и научном описании феномена вернакулярности [Brunskill, 1970, p. 15]. В 1970–1980-х гг. некоторые исследовательские выводы данного сообщества лягут в основу двух классических монографий по теме [Brunskill, 1970; Brunskill, 1981], написанных одним из участников Vernacular Architecture Group, архитектором Ричардом Уильямом Брунскиллом. Брунскилл не только введет в научный оборот трехсоставную классификацию вернакулярных строений (вернакулярная архитектура может быть семейной, сельскохозяйственной и промышленной²) [Brunskill, 1970, p. 20], но и каталогизирует наиболее яркие примеры подобных строений на территории Великобритании, описав их конструктивные особенности. Последующая эволюция употребления термина «вернакулярность» привела к тому, что данное понятие перекочевало в иные области знания: культурологию, антропологию, теорию искусства и др. Рассмотрим три текста Ивана Иллича, которые позволят нам чуть лучше понять, что именно он вкладывал в понятие «вернакулярности».

² В английском языке данная классификация выглядит следующим образом: “domestic”, “agricultural” и “industrial”.

Один из первых очерков своего понимания вернакулярности Иван Иллич дал в эссе «Вернакулярные ценности»³, вошедшем в сборник 1981 г. «Теневая работа» (Shadow Work). Сам сборник посвящен обсуждению темы «теневой работы», под которой Иллич понимает «транзакции, которые существуют в немонетизируемом секторе [экономики] и которые не существовали в доиндустриальных обществах» [Illich, 1981, p. 1]. «Теневая экономика», согласно Илличу, являет собой единое целое с формальной экономикой (formal economy) и существует с теми же установками увеличения централизованного менеджмента труда, цен и потребностей (needs) по мере увеличения промышленного производства [Ibid., p. 30]. Несмотря на противопоставление области вернакулярного (vernacular domain) и «теневой экономики», Иллич выделяет единственную черту, которая объединяет их: оба данных явления находятся за пределами формальной (т. е. монетизируемой, оплачиваемой) экономики. Данный текст автора интересен для нашего исследования той мыслью, что «вернакулярное» не является частью логики современной экономики – оно предшествует капитализму и, как в дальнейшем напишет сам Иллич, продолжает остаточное существовать в индустриальную эпоху, удерживая некоторые феномены общественной жизни (например, речь) от окончательного расчеловечивания.

В дальнейшем рассмотрение вернакулярности Иллич углубил в своем курсе лекций «Гендер», прочитанных в Университете Беркли в 1982 г. В «Гендере» философ берется рассматривать, как с наступлением индустриального общества изменились и отношения между полами. Данный курс лекций был посвящен рассмотрению антагонистического напряжения между двумя концептами: «род» (gender) и «пол» (sex). Согласно Ивану Илличу, *род* – понятие, отсылающее к естественно-локальному способу выстраивания идентичности, более асимметричному и ограниченному во времени опыту телесности [Illich, 1982, p. 20]. *Пол* выступает более универсализирующим термином, который, как в дальнейшем отметит друг и исследователь творчества Иллича Дэвид Кейли, является социально конструируемым [Cayley, 1992, p. 26]. Описывая в одной из лекций непосредственно вернакулярные ценности, Иллич говорит следующее: «... вернакулярные речь, гендер и средства к существованию (subsistence) являются характеристиками морфологической замкнутости (morphological closure) общественной жизни, [основанной] на имплицитном и часто ритуально выражаемом предположении о том, что сообщество как организм не может перерасти свои размеры. Изучение родного языка (mother-tongue), секс и основанный на потреблении товаров первой необходимости образ жизни – все это базируется на предположении об открытой вселенной, в основе всех соотношений которой лежит дефицит между потребностями и средствами»

³ В дальнейшем в качестве эквивалентного термина мы будем также использовать понятие «туземные ценности», но без той характерной негативной коннотации, которая зачастую встречается при употреблении слова «туземец» и производных от него прилагательных. Жизнь и творчество Ивана Иллича дают нам прекрасно понять, что сам философ уважительно относился к коренным народам Центральной Америки, к их обычаям и нравам. Переехав в 1951 г. в Америку, Иллич длительное время нес службу в качестве священника для нью-йоркской диаспоры пуэрториканцев, выучил испанский язык и, по воспоминаниям его друга Джозефа Фитцпатрика, «провел не один месяц на ногах, изучая аспекты жизни пуэрториканцев» [Fitzpatrick, 2002, p. 36]. В дальнейшем, в 1960–1970-е гг., когда в Мексике действовал основанный Илличем и его единомышленниками «Центр межкультурной коммуникации» (Centro Intercultural de Documentación, CIDOC), в рамках деятельности Центра отдельное внимание отводилось изданию исследований, посвященных всестороннему изучению Центральной Америки и ее культуры, что явно следует из перечня публикаций, вышедших в CIDOC [Mitcham, 2002, pp. 20-24].

[Illich, 1982, p. 81]. Иными словами, в приведенной цитате Иллич указывает на то, что вернакулярность является свойством замкнутой социальной морфологии, т. е. отсылает к целостному локальному опыту. Новое время с эпохой Великих географических открытий положило начало глобализации, которая предполагает развитие и изменение обществ в условиях открытости границ и рынков, что, в свою очередь, не может не вступать в противоречие с вернакулярной социальной морфологией сообществ, которые в ее процессе формируют собственные уникальные ценности и идеалы.

Одной из последних вех творчества Ивана Иллича, в рамках которой он обращался к рассмотрению вернакулярности, стала серия интервью, которые он дал Дэвиду Кейли во второй половине 1980-х гг. в Куэрनावаке, пригороде Мехико. Эта серия разговоров Кейли и Иллича интересна тем, что в ней философ в более непринужденной форме отмечает переход, который случился при отказе от туземных ценностей в пользу экономических: «... я не хотел использовать слово “ценности”. И потом я сделал это, так как Вы задали мне вопрос об истории и о том, что я писал ранее о потребительских и вернакулярных ценностях. Читая и перечитывая ключевых для меня авторов XIX столетия, я все больше задумывался над вопросом: что произошло, когда “благо” (good) было заменено “ценностями” (values)? Превращение блага в ценности, обязательства – в решение, вопроса – в проблему отражает то, что наши мысли, наши идеи и наше время стали ресурсами, дефицитными смыслами, которые можно использовать для [достижения] двух или нескольких альтернативных результатов. Слово “ценность” отражает этот переход, и человек, использующий его, включает себя в сферу дефицита (scarcity)» [Cayley, 1992, p. 95]. Наконец, в интервью с Дэвидом Кейли Иллич отмечает важную черту рассматриваемого нами аксиологического разрыва: когда в этической сфере появляется понятие «ценности», идеи и идеалы становятся открытыми для оценки с точки зрения экономики.

Иными словами, вернакулярные общества и формируемые ими туземные ценности отражают специфически локальный уровень социальной морфологии того или иного сообщества, который базируется на чувстве пропорциональности уклада жизни окружающему миру. Новое время ознаменовало утрату этого чувства пропорциональности [Illich, 2002, p. 233]. С появлением современной экономики, которая, согласно Илличу, базируется на идее дефицита (что и порождает идею необходимости экономического роста для удовлетворения данной нехватки) [Illich, 1980, p. 19], случается и аксиологический разрыв, приводящий к тому, что различные стороны бытия сообществ начинают оцениваться с точки зрения меновой стоимости и полезности в удовлетворении первоначального дефицита. Люди отказываются от жизни, основанной на соблюдении необходимых условий (necessities), в пользу образа жизни с навязанными рыночными акторами потребностями (needs), удовлетворить которые способны лишь товары широкого потребления [Illich, 1992b, p. 129]: человек превращается в homo economicus и начинает рассматриваться в роли клиента или потребителя. Обслуживание растущего потребления ложится на плечи набирающих силу общественных институтов, основным орудием которых является унификация и стандартизация. Способствует отказу от вернакулярно-локальных ценностей в пользу стандартизированно-экономических и изменение самого понимания мира: с наступлением Нового времени последний начинает рассматриваться в качестве сети рынков сбыта и торговых путей [Illich, 1992c, pp. 16-22], а не как пространство для сосуществования универсума сложноорганизованных, локально-пропорциональных сообществ.

Продемонстрировав общую логику перехода от вернакулярных ценностей к экономическим, остановимся на более пристальном рассмотрении данного процесса на примере двух видов деятельности практически любых сообществ: формировании речи и обитании (*dwelling*) в окружающей среде.

Две сферы вернакулярного: диалекты и жилища

Изучая появление классно-урочной системы в Новое время, а также подмечая недостатки данной формы организации передачи знания, Иван Иллич уделял особое внимание преподаванию родного языка (*mother tongue*) как примеру утраты одной из сфер вернакулярного. Свои взгляды на этот вопрос Иван Иллич изложил в упомянутом ранее эссе «Вернакулярные ценности», а также в лекции «Обучение родному языку», прочитанной в 1978 г. в Индии, в Центральном институте индийских языков, на семинаре «Необходимость новой терминологии в борьбе с “родным языком”». Рассмотрим общую канву рассуждений Иллича о том, как повседневная речь (*everyday speech*), которая, согласно Илличу, является вернакулярной, постепенно уступает место изучению стандартизированного «родного языка».

Свои рассуждения на обозначенную тему в эссе «Вернакулярные ценности» Иван Иллич начинает с исторической параллели: философ сопоставляет начало плаваний Христофора Колумба с деятельностью Антонио де Небрихи, испанского филолога и грамматиста, «предложившего королеве Изабелле инструмент, с помощью которого можно было бы колонизировать сам язык» [Illich, 1981, p. 34] – *Gramatica castellana*, «Граматику испанского языка». В процессе работы над «Грамматикой» Небриха составил словарь староиспанского языка, взяв за основу тексты эпохи Альфонса X Кастильского, которые были пронизаны простонародно-вернакулярными словами, но использовав их с иной целью. Если Альфонс X одобрял использование *кастельяно* в официальных документах для подчеркивания своего отличия от «латинских королей»⁴, то основным смыслом деятельности Антонио де Небрихи было претворение в жизнь идеала «союза меча и книги» (*armas y letras*) с целью объединения разрозненных испаноязычных земель [Ibid., pp. 36-37]. Таким образом, фигура Альфонса Мудрого становится символом стремления к обогащению локального языкового опыта, в то время как Небриха, грезивший с помощью языка объединить разрозненные княжества Испании, становится символом унифицирующей и стирающей все вернакулярное имперской бюрократии, для которой официальный язык, понимаемый в качестве единственного родного, становится орудием борьбы с эпидемией фривольного чтения литературы, записанной на локальных диалектах, которая самим Антонио де Небрихой в 1492 г. воспринималась в качестве врага испанской короны [Ibid., p. 39].

Появление единой грамматики т. н. «родного языка» закладывает основу для создания институционального обучения ему. Различие, которое проводит Иллич между вернакулярным и родным языками, с одной стороны, сродни различию между высоким, формальным языком элит и диалектным языком низших классов, а с другой – различию

⁴ Подобный смысл издательской деятельности при Альфонсе X Мудром привел к тому, что придворные переводчики при короле Кастилии и Леона, которые были выходцами из еврейской среды Толедо, начали переводить восточные тексты (преимущественно древнегреческие классические сочинения) не на латынь, а на местный диалект – т. н. старый *кастельяно* [Illich, 1981, p. 36], отличный от диалектов регионов Наварры и Арагона.

регионального и надрегионального (supra-regional) языков [Illich, 1992b, p. 125]. Вернакулярный, или же повседневный, язык – диалект – не требует особых ресурсов для обучения ему: зачастую передача языка происходила параллельно бытовой рутине [Ibid., p. 123] в той или иной местности. Туземный диалект распространяется через практическую деятельность и передается от «людей, которые понимают, что они сказали и кому они это сказали, к тем, кто понимает, что им сказали и кто им это сказал» [Ibid., p. 126]. Последняя мысль Ивана Иллича указывает на факт предельной интимности при изучении вернакулярного языка и чувство общности, которое присуще субъектам, вовлеченным в процесс его передачи. Обучение «родному языку» означает обучение стандартизированному разговору (standart speech) и связано с технологиями, которые поддерживают и сохраняют эту стандартизацию. Поэтому, указывает Иллич, появление массовой печати и дистрибуции печатных изданий сыграло колоссальную роль в распространении родного языка [Ibid., p.125]. Родному языку именно обучают, т. е. передачу навыков по его овладению помещают в определенный сценарий, который исключает откровенный личный контакт при его дальнейшем использовании. Подобный формальный язык «не используется, чтобы сказать что-то в лицо» [Ibid., p. 127]. При этом, как отмечает Иллич, родной язык не полностью бесчеловечен (totally inhuman), т. к. только машины могут общаться без какой-либо отсылки к вернакулярным корням бытия человека. Тем не менее «родной язык» из-за его открытости к превращению в сценарий разговора становится объектом, который легко попадает в процесс институционализации, а следовательно, и профессионализации способов его передачи, что в конечном счете приводит к тому, что обучение подобному виду коммуникации вовлекается в рыночные механизмы⁵.

Второй сферой, в которой Иллич фиксирует утрату вернакулярности, можно считать строительство или, если говорить шире, осваивание пространства, обитание (dwelling) в нем. Данной теме философ посвятил свое выступление в июле 1984 г. по случаю 150-летнего юбилея Королевского института британской архитектуры. Доклад начинается с мысли о том, что во множестве языков жить (living) понимается именно в смысле обитания (dwelling), и задать вопрос «где ты живешь?» означать «спросить о месте, в которой твое повседневное бытие придает форму (gives shape) миру. <...> Обитать, тогда, значит обжить (inhabit) чьи-то личные пути (traces), позволить повседневной жизни вписать сети и узлы чей-то биографии в окружение (landscape)» [Illich, 1992a, p. 55]. Исторически, отмечает Иван Иллич, обитание в городах, которое выразилось в хаотичной застройке районов, подавлялось проспектами,

⁵ Свой доклад 1978 г. Иллич как раз и начинает с мысли, что «язык стал дорогим» [Illich, 1992b, p. 119]. Под этой мыслью скрывается идея, что общество тратит слишком много ресурсов для того, чтобы сначала сформировать специальный жаргон, на котором в дальнейшем будут обучены люди, способные в итоге обучить данному, заранее сконструированному с не меньшей тратой ресурсов на эту деятельность «родному языку» других людей. Как афористически замечает сам Иллич: «деньги тратятся на то, чтобы решить, что должно быть произнесено, как, когда и какую аудиторию должно достичь высказывание» [Ibid., p. 119]. В противопоставлении «изучаемому языку» (taught language) – он же в тексте мыслителя: «родной язык», «формальный язык», «язык элит» – можно повторно упомянуть в нашем исследовании отмеченное Дэвидом Кейли характерное для творчества Иллича внимание к конфликту между «естественным» и «искусственным» (или социально сконструированным): диалект, вернакулярный язык, естественен, практически биологичен, насколько это возможно для языка, в то время как «изучаемый язык», «родной язык» – искусственен, создан для какой-то цели (например, объединение Испании, как в случае с «Грамматикой» де Небрихи), в ходе достижения которой происходит пренебрежение чем-то более локальным, сформированным под влиянием среды.

которые строились властями, перекраивавшими ландшафты городов для этого; полицейскими службами, которые начиная с XIX в. давали наименования улицам и нумеровали дома [Illich, 1992a, p. 56]. Обитание подобно искусству: оно индивидуально и сложно организовано, ему невозможно обучиться с помощью образовательных технологий. Вот почему, подводя итог о смысле обитания, Иллич замечает, что оно вступает в конфликт с архитектурой, вписанной в картезианское трехмерное пространство: «архитекторы не умеют ничего, кроме как строить. Вернакулярные обитатели (*vernacular dwellers*) сами создают аксиомы пространств, которые они населяют» [Ibid., p. 56]. Обитание подразумевает, в том числе, и особое восприятие мира: «для обитателя центром мира является место, где он живет, и десять миль до реки могут быть для него ближе, чем миля в пустыни» [Ibid., p. 57].

С наступлением Нового времени и развитием современной архитектуры появляется новый тип субъекта – житель (*resident*) или, как его еще называет Иллич, *homo castrensis* (расквартированный человек). Подобный житель существует в мире, который был искусственно создан для него профессиональными архитекторами: его дом спланирован и оборудован специально для него и удовлетворения его потребностей, а сам *homo castrensis* живет, не оставляя следа в мире, находясь под «кастрирующими эффектами городского материнского воздействия» [Ibid., p. 58]. Влияние рационально спланированных, комфортных городов приводит и к ценностному сдвигу, о котором много писал Иллич: например, потребность в крове (*shelter*) превращается из необходимости (*necessity*) в потребность (*need*) и размывается до комфортных условий проживания, которые фиксируются в том числе и законодательно [Ibid., p. 59]. Как только необходимость крыши над головой становится потребностью, она также включается и в сферу экономического, так как «комфортные условия» начинают оцениваться с точки зрения дефицита тех или иных товаров, необходимых для поддержания ожидаемого уровня комфорта. Отказ от обитания на определенной земле в пользу потребительского комфорта проживания в апартаментах приводит к разрушению и социальных связей между людьми, утрате чувств общности и интимности, характерных для вернакулярных ценностей.

Заключение

Творчество Ивана Иллича представляет интересную точку зрения для критического рассмотрения достижений Нового времени. В отличие от многих своих современников, Иллич не просто фиксирует кризис современных институтов и нарративов, но и предлагает свою оригинальную интерпретацию ценностной трансформации, начавшейся в Новое время и связанной с утверждением экономики дефицита, которая, в свою очередь, приводит к институционализации людских жизней. Ключевой момент критики модерна автором, затронутый в данном исследовании, – противопоставление вернакулярных ценностей экономическим – на примере двух базовых жизненных деятельностей (язык и обитание) показывает глубину этической трансформации, произошедшей в ходе Нового времени. Модерновая экономика с характерными для нее ценностями монетизирования и зависимости от дефицита вытесняет вернакулярный способ бытия, основанный на ощущении пропорционально организованного мироздания. Исследование данного сюжета не только позволяет воедино собрать все наследие Ивана Иллича через тему

противопоставления вернакулярного и экономики, но и по-новому интерпретировать проблемы и кризисы Нового времени с целью, которую для себя ставил и сам Иллич: актуализировать в современности вернакулярное как повседневность.

Список литературы / References

Бинчик, Э. (2022). *Эпоха человека: риторика и апатия антропоцена*. М.: Новое литературное обозрение. 392 с.

Binchik, E. (2022). *The Age of Man: Rhetoric and Apathy of the Anthropocene* Moscow. 392 p. (In Russ.)

Бокарева, О. Б. (2019). Генезис гуманитарных наук у М. Фуко, понятие «Эпистемы» и программа археологии знания. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. № 2-2. С. 6-10.

Bokareva, O. B. (2019). In M. Foucault, the Concept of "Episteme" and the Program of Archaeology of Knowledge the Genesis of the Humanities. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. No. 2-2. Pp. 6-10. (In Russ.)

Брайдотти, Р. (2021). *Постчеловек*. М.: Изд-во Института Гайдара. 408 с.

Braidotti, R. (2021). *The Posthuman*. Moscow. 408 p. (In Russ.)

Власова, О. А. (2013). Болезнь как новый антропологический горизонт: критическая антропология Ивана Иллича. *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология*. № 2 (14). С. 98-108

Vlasova, O. (2013). Illness as new Anthropological Horizon: Ivan Illich's Critical Anthropology. *Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Philosophy. Philology*. No. 2 (14). Pp. 98-108. (In Russ.)

Володина, А. В. (2022). Вернакулярное в культуре: общий язык локального опыта. *Актуальные проблемы теории и истории искусства*. № 12. С. 642-652.

Volodina, A. V. (2022). Vernacular in the Culture: General Language of Local Experience. *Actual Problems of Theory and History of Art*. No. 12. Pp. 642-652. (In Russ.)

Воронов, Ю. П. (2023). Анархизм в очень старых и в самых современных одеждах. Теория. *Идеи и идеалы*. № 1-1. С. 105-133.

Voronov, Yu. P. (2023). Very Old and the Very Modern Clothing of Anarchism. Theory. *Ideas and Ideals*. No. 1-1. Pp. 105-133. (In Russ.)

Кобрин, К. (2015). *Modernité в избранных сюжетах. Некоторые случаи частного и общественного сознания XIX–XX веков*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 240 с.

Kobrin, K. (2015). *Modernité in Selected Subjects. Some Cases of Private and Public Consciousness of the XIX-XX centuries*. Moscow. 240 p. (In Russ.)

Лиотар, Ж.-Ф. (1998). *Состояние постмодерна*. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя. 160 с.

Lyotard, J.-F. (1998). *La Condition Postmoderne*. Moscow, St. Petersburg. 160 p. (In Russ.)

Савелова, Е. В. (2019). Интерпретации мифа в проблемном поле постмодернистской философии образования. *Ярославский педагогический вестник*. № 5. С. 153-159.

Savelova, E. V. (2019). Interpretations of the Myth in the Problem Field of Postmodern Philosophy of Education. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. No. 5. Pp. 153-159. (In Russ.)

Фуко, М. (2004). *Археология знания*. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга. 416 с.

Foucault, M. (2004). *Archaeology of Knowledge*. St. Petersburg. 416 p. (In Russ.)

Хабермас, Ю. (2005). *Политические работы*. М.: Праксис. 368 с.

Habermas, J. (2005). *Political Works*. Moscow. 368 p. (In Russ.)

Хабермас, Ю. (2008). *Философский дискурс о модерне*. М.: Весь мир. 411 с.

Habermas, J. (2008). *The Philosophical Discourse of Modernity*. Moscow. 411 p. (In Russ.)

Хоркхаймер, М., Адорно, Т. (1997). *Диалектика Просвещения. Философские фрагменты*. М.: Медиум; СПб.: Ювента. 313 с.

Horkheimer, M., Adorno, T. W. (1997). *Dialectic of Enlightenment*. Moscow, St. Petersburg. 313 p. (In Russ.)

Cayley, D. (1992). *Ivan Illich in Conversation*. Toronto. House of Anansi Press Inc. 162 p.

Fitzpatrick, J. P. (2002). Ivan Illich as We Knew Him in the 1950s. In Hoinacki, L. and Mitcham, C. (eds.). *The Challenges of Ivan Illich. A Collective Reflection*. NY. State University of New York Press. Pp 35-43.

Illich, I. (1981). *Shadow Work*. Boston, London. Marion Boyars. 162 p.

Illich, I. (1982). *Gender*. NY. Pantheon Books. 217 p.

Illich, I. (1992a). Dwelling. *In The Mirror of the Past. Lectures and Addresses, 1978-1990*. NY, London. Marion Boyars. Pp. 55-65.

Illich, I. (1992b). Taught Mother Tongue. *In The Mirror of the Past. Lectures and Addresses, 1978-1990*. NY, London. Marion Boyars. Pp. 119-144.

Illich, I. (1992c). The De-linking of Peace and Development. *In The Mirror of the Past. Lectures and Addresses, 1978-1990*. NY, London. Marion Boyars. Pp. 15-26.

Illich, I. (1995). *The Shadow Our Future Throws*. In Gardels, N. P. (ed.). *At Century's End. Great Minds Reflect On Our Times*. La Jolla. ALTI Publishing. Pp. 68-83.

Illich, I. (2002). *The Cultivation of Conspiracy*. In Hoinacki, L. and Mitcham, C. (eds.). *The Challenges of Ivan Illich. A Collective Reflection*. NY. State University of New York Press. Pp. 233-242.

Mitcham, C. (2002). *The Challenges of This Collection*. In Hoinacki, L. and Mitcham, C. (eds.). *The Challenges of Ivan Illich. A Collective Reflection*. NY. State University of New York Press. Pp. 9-32.

Сведения об авторе/ Information about the author

Моторов Дмитрий Аркадьевич – аспирант сектора современной западной философии Института философии Российской академии наук, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1., e-mail: d.motorov@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0006-3202-1967>

Статья поступила в редакцию: 15.04.2026

После доработки: 20.05.2026

Принята к публикации: 29.05.2026

Motorov Dmitriy Arkadjevich – Graduate Student of Department of Contemporary Western Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Goncharnaya Str., 12/1, e-mail: d.motorov@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0006-3202-1967>

The paper was submitted: 15.04.2026

Received after reworking: 20.05.2026

Accepted for publication: 29.05.2026

УДК 294.3

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В БУДДИЗМЕ: КАНОН И ЕГО СОВРЕМЕННОЕ ТОЛКОВАНИЕ*

В. Л. Толстых

Институт востоковедения РАН (г. Москва),
Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне (КНР)
vlt73@mail.ru

Аннотация. В конце XX – начале XXI вв. полемика по поводу гендерной составляющей буддизма приобрела острый характер. Ее контекст образован четырьмя факторами: глобализацией буддийского учения, сопровождающейся приобщением к нему женщин из западных стран; стремлением представительниц азиатских стран получить доступ к полноценному буддийскому образованию; необходимостью улучшить положение женщин, принявших восемь или десять обетов; и, наконец, движением за возрождение женской сангхи в тех традициях, где она была прервана (Тхеравада, тибетский буддизм). В настоящей статье рассматриваются фрагменты трех буддийских канонов (Тхеравады, Махаяны и Ваджраяны), выражающие отношение к женщинам; приводятся комментарии этих фрагментов и анализируются интерпретационные техники, используемые для преодоления мизогинных аспектов буддийского учения. К числу последних относится характеристика данных аспектов как внесенных под влиянием индуизма, идентификация их как поздних добавлений, обесценивание их как недостаточно обоснованных, подчеркивание гендерно-нейтральных концепций и др. В целом, буддийский канон не формулирует четкой и однозначной позиции в отношении гендерно-чувствительных вопросов. Как результат, каждый из этих вопросов носит открытый характер, то есть может быть решен различными способами, с использованием разных подходов к интерпретации канонических текстов и экстраканонических аргументов.

Ключевые слова: буддизм, Тхеравада, Махаяна, Ваджраяна, феминизм, толкование, перерождение, монашество.

Для цитирования: Толстых, В. Л. (2026). Образ женщины в буддизме: канон и его современное толкование. *Respublica Literaria*. Т. 7. № 2. С. 135-155. DOI: 10.47850/RL.2026.7.2.135-155.

THE IMAGE OF WOMEN IN BUDDHISM: THE CANON AND ITS CONTEMPORARY INTERPRETATION*

V. L. Tolstykh

Institute of Oriental Studies RAS (Moscow),
Shenzhen MSU-BIT University (China)
vlt73@mail.ru

Abstract. At the end of the 20th and beginning of the 21st centuries, the debate over the gender component of Buddhism intensified. Its context is shaped by four main factors: the globalization of Buddhist teachings and the conversion of women from Western countries; the desire of women from Asian countries to gain access to the full

* Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда содействия буддийскому образованию и исследованиям.

* This research was conducted with financial support from the Foundation for the Promotion of Buddhist Education and Research.

Buddhist education; the need to improve the situation of women who have taken the eight or ten vows; and, finally, the movement to restore the female sangha in those traditions where it had been interrupted. This article examines fragments from three Buddhist canons (Theravada, Mahayana and Vajrayana) that express attitudes towards women; provides commentary on these fragments and analyses interpretative techniques aimed at overcoming the misogynistic aspects of Buddhist teaching. These techniques include considering these aspects to have been introduced under the influence of Hinduism or as later additions, devaluing them as insufficiently substantiated, emphasizing gender-neutral concepts, etc. The main conclusion is that the Buddhist canon does not formulate a clear and unambiguous position on gender-sensitive issues. As a result, each of these issues remains open-ended, that is, it can be resolved in different ways, using different approaches to interpreting canonical texts and extra-canonical arguments.

Keywords: Buddhism, Theravada, Mahayana, Vajrayana, feminism, interpretation, rebirth, monasticism.

For citation: Tolstykh, V. L. (2026). The Image of Women in Buddhism: The Canon and Its Contemporary Interpretation. *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 2. Pp. 135-155. DOI: 10.47850/RL.2026.7.2.135-155.

1. Введение

В конце XX – начале XXI вв. полемика по поводу гендерной составляющей буддизма приобрела острый характер. Ее контекст образован четырьмя факторами: глобализацией буддистского учения, сопровождающейся приобщением к нему женщин из западных стран; стремлением представительниц азиатских стран, как мирянок, так и монахинь, получить доступ к полноценному буддийскому образованию; необходимостью улучшить или, по крайней мере, формализовать положение женщин, принявших восемь или десять обетов; и, наконец, движением за возрождение женской сангхи в тех традициях, где она была прервана (Тхеравада и Ваджраяна).

Позиция, направленная на преодоление гендерной дискриминации, отстаивается западными феминистками и буддологами, выходцами из стран Запада, получившими буддийское посвящение (как монахами, так и монахинями), а также некоторыми представительницами стран традиционного буддизма, например, известной тайландской монахиней Дхамманандой (*Dhammananda*). Организационным центром буддийского феминизма является созданная в 1987 г. организация «Сакьядхита» (*Sakyadhita*, «Дочери Будды»). Противоположной (ортодоксальной) позиции придерживаются многие представители стран традиционного буддизма, в том числе иерархи мужской сангхи.

В настоящей статье рассматриваются фрагменты трех буддийских канонов (Тхеравады, Махаяны и Ваджраяны), выражающие отношение к женщинам¹; приводятся комментарии этих фрагментов – как классические, составленные много веков назад, так и современные, написанные западными буддологами, – и анализируются интерпретационные техники, используемые для преодоления мизогинных аспектов буддийского учения. В ней не рассматриваются вопросы, связанные с историей женской сангхи, перспективой ее восстановления в настоящее время и положением женщин, принявших восемь или десять обетов.

¹ За исключением специально оговоренных случаев в статье использованы канонические тексты, размещенные на следующих сайтах: URL: <https://www.theravada.ru/index.htm>, <https://suttacentral.net> (Палийский канон); <https://abhidharma.ru> (Махаяна); <https://84000.co> (Ганджур).

2. Тхеравада

Фрагменты Палийского канона, посвященные женщинам, довольно разнообразны и могут быть разделены на несколько групп (сюжетов).

1. *Порочность женщин*. В *Камбодже-сутте* (АН 4.80²) Будда, отвечая на вопрос, почему женщины не занимаются политикой и торговлей, говорит, что они склонны к злобе, завистливы, скупы и немудры. В *Патхама канхасаппа-сутте* (АН 5.229) Будда сравнивает женщин с черной змеей: они нечистые, зловонные, пугающие, опасные и предадут друзей. Порочность женщин также обсуждается в ряде джатак. В *Асаманта-джатаке* (*Asātamanta-jātaka*) один юноша становится учеником брахмана. Он хочет узнать о порочности женщин, и тогда брахман приказывает ему ухаживать за его матерью, которой 120 лет: он должен мыть и кормить ее, приговаривая: «Ах, госпожа, если Вы так прекрасны сейчас, какой же Вы были в Вашей молодости!». Юноша делает это, и через некоторое время в старухе возгорается страсть, и она приказывает ему убить ее сына. Брахман подкладывает в постель вместо себя деревянную фигуру и говорит юноше, чтобы тот дал старухе топор. Старуха бьет топором по фигуре, брахман спрашивает ее: «Что же ты делаешь, мать?», после чего она падает замертво; юноша же, поняв, что женщины – это воплощение разврата, отрекается от мира³.

Ряд ученых полагают, что негативное отношение к женщинам было заимствовано буддизмом из индуистской культуры. Буддизм возник в конце брахманического периода (X-VII в. до н. э.), в течение которого социальный статус женщин постепенно умахался: люди считали, что погребальные обряды должны совершаться сыном; женщины рассматривались как собственность мужчин; их основными обязанностями были рождение детей и служение мужу; они не могли выбирать мужа и рано выходили замуж; в период менструации они считались нечистыми и не допускались к религиозным обрядам [Horner, 1930; Kumar & Singh, 1997, с. 15-16; Kawanami, 1990, pp. 18-19]⁴. Хотя буддизм поддержал

² Здесь и далее используются следующие сокращения: АН – Ангуттара-никая; СН – Саньютта-никая; МН – Мадджхима-никая; ДН – Дигха-никая; КН – Кхуддака-никая (речь идет о разделах Сутта-питаки – второй части Палийского канона).

³ Другие релевантные джатаки – *Такка-джатака* и *Андабхута-джатака*.

⁴ Законы Ману содержат следующие высказывания: «Брачный обряд считается для женщин [равным] ведийскому ритуалу, служение мужу – жизни у гуру, домашнее хозяйство – поддержанию священного огня»; «Природа женщин в этом мире вредоносна для мужчин; по этой причине мудрые остерегаются женщин, ибо женщина способна повести по неверному пути ...»; «У мужчины, приближающемуся к женщине, покрытой месячными выделениями, гибнет ум, энергия, сила, зрение и жизненность»; «Не полагается ни есть вместе с женой, ни смотреть на нее – вкушающую, чихающую, зевающую и сидящую в вольной позе»; «Не следует ... говорить с женщиной в период менструации»; «В детстве ей полагается быть под властью отца, в молодости – мужа, по смерти мужа – [под властью] сыновей: пусть женщина [никогда] не пользуется самостоятельностью»; «Добродетельная жена, пребывающая в целомудрии после смерти мужа, достигает неба»; «День и ночь женщины должны находиться в зависимости от своих мужчин, ибо, [будучи] приверженными к мирским утехам, они должны быть удерживаемы в их желаниях»; «Они не смотрят на красоту, им нет дела до возраста. Они наслаждаются с красивым и безобразным, считая: [“Довольно того, что он] мужчина”»; «Вследствие приверженности к мужчинам, непостоянства и природного бессердечия они в этом мире изменяют мужьям, даже тщательно охраняемые»; «Ману оставил на долю женщин ложе, сиденье, украшение, похоть, гнев, подлость, зловредность характера и дурное поведение» [Законы Ману, 2002, с. 51, 75, 142, 144, 193, 204, 339, 341].

некоторые из этих стереотипов, он предпринял шаги по улучшению положения женщин – например, предоставил им доступ ко всем религиозным практикам, включая монашество, и не воспринимал их как нечистых с физиологической точки зрения.

Н. Фолк считает эту аргументацию некорректной: умаление роли женщин в индуизме и буддизме происходило одновременно; возможно, именно буддизм повлиял в этом отношении на индуизм (а не наоборот). Важным фактором, определившим отношение к женщинам, стала аскетическая традиция с ее акцентом на целибате. Монахи должны были не только контролировать свои поступки, но и устранять мысли о неправильном поведении; Фрейд, однако, полагает, что подавленные мысли и озабоченность по поводу их объектов связаны. Большое значение также имеет общекультурный паттерн, согласно которому женщина олицетворяет плодородие: считается, что она никогда не устает от двух вещей – сексуальных контактов и рождения детей – и всегда стремится к ним в силу своей природы; это бесконечное становление, в котором она участвует, и есть сансара – то, что пытались преодолеть буддистские отшельники. В этой связи женщина предстает как враг не только на персональном уровне (как источник искушения), но и на космическом уровне (как олицетворение процессов, связывающих всех людей). Поэтому она должна быть преодолена [Falk, 1974, pp. 108-110]. По мнению Д. Пол, буддизм унаследовал от индуизма представление о женщине как о созидательнице (матери) и разрушительнице одновременно (воплощением этой двойственности в индуизме является Кали), а также представление об ее чрезмерной сексуальной энергии (которой ее наделяет Индра). В отличие от индуизма, буддизм рассматривает эту энергию как однозначное зло, привязывающее человека к сансаре. Кроме того, на буддизм повлияла аскетическая традиция, воспринимающая женщин как часть внешнего мира и препятствие на пути духовного прогресса; жена и семья – это то, что должен оставить отшельник, и то, по чему он больше всего скучает [Paul, 1985].

2. *Женщины как соблазн.* Согласно *Аганнья-сутте* (ДН 27) одной из причин деградации мира стало формирование у людей половых признаков и вожделение. У женщин появились женские отличительные черты, а у мужчин – мужские. Женщины стали разглядывать мужчин, а мужчины – женщин, после чего у них появилось вожделение, и они начали поддаваться страсти. Те, кто их видел, бросали в них грязь, пепел и навоз, крича: «Сдохните, глупцы! Как может одно существо делать такое с другим!» Поддавшихся страстям не пускали в деревню на протяжении месяца или двух, и поскольку их осуждали, они стали строить жилища, чтобы скрыть свою безнравственность.

В *Матанутта-сутте* (АН 5.55) Будда описывает соблазн, исходящий от женщин: «Монахи, я не вижу ни единой иной формы, столь соблазнительной, чувственной, опьяняющей, пленительной, сводящей с ума, и такой серьезной помехи к достижению защиты от подневольности, как форма женщины. Существа, жаждущие женской формы, – ненасытные, привязанные к ней, сведенные с ума, слепо поглощенные ей, долго грустят, находясь под контролем женской формы». Аналогично описываются звук, вкус, запах, прикосновение женщины. В другом фрагменте этой сутты Будда говорит: «Когда женщина идет, она овладевает умом мужчины. Когда женщина стоит, сидит, лежит, смеется, говорит, поет, несет что-либо, она овладевает умом мужчины. Даже будучи распухшей, она овладевает умом мужчины. Даже будучи мертвой, она овладевает умом мужчины. Женщина – это ловушка Мары».

Соблазнительность женщин, однако, не обязательно предполагает их порочность, будучи основанной на объективном различии полов, а не на неких врожденных недостатках: из этого может следовать вывод, что главными виновниками падения являются не женщины, а мужчины, не способные контролировать свою страсть (этот тезис в дальнейшем развивается в некоторых текстах Махаяны). Кроме того, *Аганнья-сутта* перечисляет похоть в ряду других грехов, обусловивших деградацию мира (любопытство, жадность, тщеславие, ложь и др.).

А. Спонберг считает, что первый фрагмент *Матанутты-сутты* («Монахи, я не вижу ни единой иной формы ...») предполагает ответственность мужчин, в то время как второй («Когда она идет ...») является поздней интерполяцией, противоречащей традиционному буддизму, поскольку, как известно, Будда критиковал аскетов за крайности [Sponberg, 1992, pp. 21-22]. По мнению Р. Ф. Гомбрича, Будда не возлагал вину за искушение на женщину: это следует из первых сутт *Ангутары-никаи*, где вождение женщины к мужчине и вождение мужчины к женщине описываются в одинаковых терминах, а также из *Дхити-сутты* (СН 3.16), в которой говорится, что женщины могут быть лучше мужчин [Gombrich, 2006, p. 106]. А. Коллет отмечает, что тезис о порочности женщин отталкивается от двух противоречащих друг другу посылок: первая состоит в том, что женщины обладают низким интеллектом, вторая – в том, что они склонны к манипуляциям и поэтому представляют опасность, однако склонность к манипуляциям предполагает высокий интеллект [Collet, 2017, pp. 555-556].

3. К предыдущему тезису примыкает тезис, согласно которому женщина является соблазном для монаха. *Махапариниббана-сутта* (ДН 16) приводит диалог Будды с Анандой: «Господин! Как нам следует вести себя с женщинами?» «Не смотрите на них, Ананда!» «Но если мы видим их, как поступать?» «Не разговаривайте, Ананда!» «Но если они начнут разговоры?» «Тогда, Ананда, пребывайте во внимательности». *Марадхити-сутта* (СН 4.25) описывает, как после поражения Мары его дочери Танха, Арати и Рага (жажда, неудовлетворенность и страсть) представали перед ним в разных женских обличьях, но так и не смогли его соблазнить, после чего Мара сказал им: «Вы, дуры, попытались гору пошатнуть с помощью стеблей лотоса цветка. Ногтями попытались гору эту скрыть, железо собрались зубами разжевать». *Дуттия кулупака-сутта* (АН 5.226) перечисляет опасности для монахов, посещающих семьи: монах часто видит женщин, общается с ними, сближается с ними, попадает во власть похоти и не может вести монашескую жизнь. *Нанда-сутта* (КН, Уд 3.2) рассказывает историю двоюродного брата Будды Нанды, захотевшего оставить монашество из-за тоски по жене. Узнав об этом, Будда взял Нанду в мир девоу, где тот увидел прекрасных апсар (нимф) и признал, что по сравнению с ними его жена походит на «начинающую подгнивать мертвую самку обезьяны с отрезанными носом и ушами». Будда пообещал сделать его хозяином апсар, если он откажется от своего намерения, и Нанда согласился, но, узнав о случившемся, монахи стали смеяться над ним. Тогда Нанда стал усердно тренироваться, достиг архатства и освободил Будду от его обещания.

В Винае описывается история монаха Судинны, который по просьбе родителей вступил в половую связь со своей бывшей женой с целью принесения потомства. Будда по этому случаю говорит Судинне: «Лучше бы твой пенис вошел в пасть черной змеи, раскаленную угольную яму, чем в женщину». *Раттхапала-сутта* (МН 82) рассказывает похожую историю монаха Раттхапалы, который, однако, воздержался от связи с бывшими женами⁵.

⁵ Аналогично монах Ануруддха, оставшийся ночевать в доме женщины, не уступил ее домогательствам. См.: *Pacittiya VI*. [Online]. Available at: <https://suttacentral.net> (Accessed: 15 April 2026).

Чтобы оградить монахов от искушения, Будда установил строгие правила, регулирующие общение с женщинами. Совершение монахом полового акта квалифицируется как нарушение, влекущее исключение из общины (параджика). Для преодоления искушения могут использоваться специальные техники медитации, например, представление женского тела как сосуда, наполненного кровью, слизью и калом.

4. *Женщины в семье.* В *Дхиту-сутте* (СН 3.16) Будда утешает царя Пасенади Косальского, у которого родилась дочь, говоря ему, что женщины могут быть лучше мужчин, так как они могут быть нравственными и мудрыми, быть преданными женами и уважать свекровь, родить сына, который станет героем или царем. Как видно, большинство достижений, которых могут добиться женщины, связаны с их семьей. В *Уггаха-сутте* (АН 5.33) Будда наставляет женщин чтить любого мужа, которому их отдадут родители, чтить его родителей и отшельников, прилежно исполнять домашнюю работу, контролировать помощников по дому, оберегать доход. В *Бхария-сутте* (АН 7.63) перечисляются семь видов жен: жена как убийца, как вор, как тиран, как мать, как сестра, как друг и как раб; лучшим, вероятно, является последний.

Фрагменты канона, касающиеся положения женщин в семье, – немногочисленны (особенно по сравнению с индуистскими текстами). Их анализ позволяет прийти к следующим выводам: во-первых, буддизм не проявляет большой оригинальности в этом отношении, чаще всего просто воспроизводя нормы, характерные для традиционного индийского общества; во-вторых, в отличие от индуизма он не придает семейным отношениям религиозный характер и дистанцируется от откровенно дискриминационных практик; в-третьих, он не считает, что данные отношения имеют значение для достижения просветления. А. Спонберг полагает, что эти фрагменты были сформулированы старшими монахами; сам же Будда предпочитал не затрагивать данную проблему, считая ее неотносимой [Sponberg, 1992, p. 7]. Н. Фолк отмечает, что ранний буддизм проявлял к женщинам больше уважения, чем современный ему индуизм, признавая их важную семейную роль, не принуждая их к вступлению в брак и затворничеству после потери мужа, разрешая им заниматься буддистскими практиками и даже становиться монахинями [Falk, 1974, p. 105].

5. *Страдания женщин.* *Авеникадуккха-сутта* (СН 37.3) перечисляет пять видов страданий, присущих исключительно женщинам: женщина уходит жить в семью мужа и в результате разлучается с родными; женщина подвержена менструации; женщина беременеет; женщина рождает; женщину заставляют прислуживать мужчине.

Можно предположить, что особые страдания женщин – результат их плохой кармы, из чего следует, что хорошая карма позволит им переродиться в теле мужчины. Синтез этих двух тезисов, относящийся к периоду Махаяны, – убеждение, что женщины могут достичь просветления, лишь переродившись в теле мужчины [Kajiya, 1982, pp. 67-68]. Дост. Аналайо приводит комментарий к Дхаммападе, в котором рассказывается история домохозяина по имени Сорейя. Сорейя возжелал юного монаха Махакаччаяну и из-за этих нечистых мыслей превратился в женщину, вышел замуж, родил детей, но в конце концов был прощен Махакаччаяной и снова стал мужчиной⁶. Комментарий добавляет, что мужчина, вступивший в связь с чужой женой, будет мучиться в аду, а после этого 100 раз будет

⁶ См.: Verse 43 – *The Story of Soreyya*. [Online]. Available at: <https://www.wisdomlib.org/buddhism/book/dhammapada-illustrated/d/doc1084274.html> (Accessed: 15 April 2026).

перерожден как женщина. Виная, рассказывающая о похожих случаях, однако, не приписывает им подобных кармических последствий, из чего Аналайо делает вывод, что тезис, согласно которому рождение женщиной – результат плохой кармы, является поздним добавлением. Он также цитирует две истории из Эккотары-агамы (*Ekottarika-āgama*), китайского текста, соответствующего Ангуттаре-никае Палийского канона, в которых рождение женщиной представлено в позитивном свете и главные героини которых – мудрые монахини Бхадда Каччана и Бхадда Капилани – стремились переродиться именно женщинами [Bhikkhu Anālayo, 2014, pp. 111–114].

6. *Способность к просветлению*. В *Махаваччхаготта-сутте* (МН 73) Будда говорит, что более 500 монахинь и 500 мирянок из числа его учениц достигли просветления. В *Сомасутте* (СН 5.2) Мара пытается помешать практике монахини Сомы, заявляя, что женщина не способна достичь просветления, так как ее мудрость равна двум пальцам. Сомма отвечает, что женскость не влияет на постижение Дхаммы, а тот, кто думает о половых различиях, становится добычей Мары. Другие сутты *Бхиккхуни-саньютты* (СН 5) рассказывают о поражениях Мары в противостояниях с другими монахинями. Девятая книга Кхуддаканикаи *Тхеригатха* – самое важное подтверждение способности женщин к просветлению. Она начинается с трогательного стихотворения: «Спи, маленькая тхери, спи спокойно, укутавшись в ту робу, что ты сшила, ведь страсти твои успокоены – как высохла та маринованная зелень, как только выкипел горшок». Далее рассказываются истории монахинь, достигших просветления: старухи, собиравшей подаяния; женщины, которая ушла от бессовестного мужа, оставив «шитье навесов» и «старый заплесневелый горшок, что пахнет водяной змеею»; Кисаготами, потерявшей своего ребенка⁷; матери девяти детей Сонны; дочери богача Анопамы и др.⁸ Тхеригатха – возможно, единственный текст канона, написанный монахинями и выражающий их точку зрения [Grünhagen, 2011, p. 100]. Следует подчеркнуть, что просветления может достичь не только монахиня, но и мирянка (которая после этого должна стать монахиней); пример – славящаяся своей мудростью Кхема⁹.

Признание способности женщин к просветлению рассматривается многими авторами как революционный шаг, свидетельствующий о гендерном эгалитаризме раннего буддизма или, по крайней мере, самого Будды. Другие фрагменты канона, впрочем, не подтверждают эту гипотезу: Будда не настаивал на предоставлении женщинам равного с мужчинами статуса в других сферах. Некоторые авторы считают, что признание способности женщин к просветлению было вызвано прагматичными причинами: наличием большого количества последовательниц и покровительниц учения, а также конкуренцией между буддизмом и джайнизмом, расколовшимся из-за этого вопроса¹⁰.

⁷ Комментарий добавляет, что Кисаготами обратилась за помощью к Будде, который согласился изготовить лекарство, если она разбудит семена горчицы в доме, где никто не умер. Она обошла несколько домов и убедилась, что везде кто-то умер. Поняв, что смерть – общий удел, она стала монахиней (*Skinny Gotami & the Mustard Seed (ThigA 10.1)*. (2013). Tr. by A. Olendzki. [Online]. Available at: <http://www.accesstoinight.org/noncanon/com/thiga-10-01-ao0.html> (Accessed: 15 April 2026).

⁸ Анализ Тхеригатхи [см.: Kumar, 2024, pp. 152-160; Ananda, 2018, pp. 46-56].

⁹ Кхема была очень красивой. Во время встречи с ней Будда создал образ еще более красивой женщины и состарил его на глазах Кхемы, которая поняла, что ее ждет та же участь, и достигла архатства [The Stories about the Foremost Elder Nuns, 2015, pp. 24-35].

¹⁰ Одна фракция джайнов считала условием освобождения наготу и полагала, что физиология женского тела не позволяет ему быть обнаженным; другая – считала одежду не более чем средством, подобным пище и не предполагающим привязанности [см.: Balbir. 2021, pp. 1-3; Jaini, 1991].

7. *Пять ограничений.* Согласно *Бахухдатука-сутте* (МН 115) женщина не может стать полностью просветленной, царем-миродержцем (чакравартином), царем богов Саккой, Марой и Брахмой. По мнению дост. Аналайо, женщина не может стать никем из указанных лиц, так как для выполнения их функций с точки зрения древнеиндийского общества необходимо быть мужчиной. Роль Будды также едва ли могла быть сыграна женщиной, так как люди не испытывали бы к ней уважения как к учителю. Что касается неспособности к просветлению, то данный фрагмент, вероятно, был добавлен позднее, так как параллельный данной сутте текст *Мадхьяма-агамы* (Сарвастивада) не упоминает об этом [Bhikkhu Anālayo, 2009, pp. 136-190].

8. *Статус монахинь.* Вопрос о статусе монахинь довольно сложен. Для целей данного обзора достаточно сказать, что, согласно канону, Будда учредил женскую сангху по просьбе своей приемной матери Махападжапати Готами, которую поддержал Ананда, и обязал монахинь соблюдать восемь правил уважения (гарудхамм): 1) монахиня должна первой приветствовать монаха; 2) она не должна проводить сезон дождей там, где нет монахов; 3) она должна просить мужскую сангху назначить день Упосатхи и прислать монаха для наставлений; 4) после окончания сезона дождей она должна просить обе сангхи указать ей на ее ошибки (Паварана); 5) при совершении серьезного проступка (Сангхадисеса) она должна пройти двухнедельное покаяние; 6) послушница, прошедшая двухлетнее обучение, должна просить о полном посвящении у обеих сангх; 7) монахиня не должна оскорблять монахов и 8) делать им замечания.

Существуют различные объяснения гарудхамм. Возможно, Будда ориентировался на патриархальную структуру индийского общества и хотел обеспечить социальную интеграцию сангхи и защиту монахинь со стороны мужской сангхи. Кроме того, он, вероятно, считал, что в условиях постоянных войн жизнеспособной является только преимущественно мужская сангха. Действительно, женские сангхи в Индии, Бирме и на Шри-Ланке исчезли во время вторжений, но мужские были сохранены. Согласно другой точке зрения, Будда считал женщин неприспособленными для ведения монашеской жизни и хотел предотвратить их массовые посвящения. Наконец, некоторые авторы полагают, что гарудхаммы были сформулированы одной из фракций мужской сангхи уже после смерти Будды [Hüsken, 2000, pp. 43-69; Heirman, 2015, pp. 31-51].

3. Махаяна

Буддизм Махаяны ввел несколько новых акцентов:

1. Некоторые сутры устанавливают *прямую связь между порочностью и принадлежностью к женскому полу*. Яркий пример – китайская апокрифичная *Сутра кровавого пруда* (XII–XIII вв.). Однажды ученик Будды Мокурен (пали: Моггаллана) сообщил ему: «Однажды я увидел посреди большого поля ад, состоящий из пруда с менструальной кровью, в котором женщины, скованные наручниками и кандалами, подвергались мучениям. Владыка этого ада приходил сюда три раза в день и заставлял грешниц пить оскверненную кровь; если они отказывались, он бил их железным прутом. Их крики боли были слышны на большом расстоянии. Это зрелище опечалило меня, и я спросил владыку ада, почему женщины вынуждены терпеть эти мучения. Он ответил, что кровь, пролитая женщинами во время родов, осквернила божество земли, и что, помимо этого, когда они стирали свои

оскверненные одежды в реке, эта вода собиралась многими добродетельными мужчинами и женщинами и использовалась для приготовления чая, который подавали святым людям». Мокурэн спросил Будду, как можно спасти женщин от этой кары. Будда сказал, что им необходимо уважать родителей, молиться Мокурэну, совершить обряд освобождения, читать сутры, а затем построить лодку и спустить ее на воду. В этот момент в середине пруда появится пятицветный лотос, после чего все грешницы будут спасены и переродятся в стране Будды. М. Такеми отмечает, что в некоторых версиях этой сутры к числу проступков женщин добавляется загрязнение менструальной кровью, в которую, по мнению комментаторов, преобразуются женские пороки – зависть, алчность и злоба [Takemi, 1983, pp. 229-246].

2. Некоторые сутры усиливают акцент на *искушении, исходящем от женщин*. Китайская сутра о семи дочерях (*Fo Shuo Qi Nu Jing*, III в.), рассказывает о брахмане Махамайе, который хвастался перед Буддой своими дочерьми. В ответ Будда заявил, что внешняя красота иллюзорна и привел пример с царем Кики, дочери которого отказались от драгоценностей и отправились на кладбище, чтобы медитировать на мертвые тела. Восхищенный ими Шакра (Индра) пообещал исполнить их желания, и тогда они пожелали невозможного – родиться среди деревьев без листьев, веток и корней; на земле, на которую не ложится тень; в горах, где нет звуков и эха. Шакра ответил, что он может сделать так, чтобы они родились среди богов, но не способен исполнить такие желания. Находившийся рядом Будда Кассапа сказал, что эти девушки достигли просветления (Боддхичитты) и в следующих рождениях станут буддами. После этого семь дочерей вознеслись на небо и превратились в мужчин. Закончив рассказ, Будда говорит, что много женщин попадают в ад из-за ревности и прихотей [Paul, 1985, pp. 15-25].

В *Истории о царе Удаяне из Ватсы* (Собрание драгоценностей) царь Удаяна, подстрекаемый царицей Анупамой, пытается убить царицу Шьямавати. Но та воздаст почести Будде, проявляет любящую доброту, и стрелы Удаяны не достигают цели. Пораженный Удаяна просит у Будды наставления. Будда говорит, что мужчины попадают под власть женщин из-за собственных недостатков, прежде всего стремления к чувственным удовольствиям: «Они зациклены на отверстиях, зависят от отверстий и полагаются на них. Они заняты слюной, слизью, мокротой, соплями, гноем, зловонными выделениями, мозговыми выделениями и экскрементами. Они ведут себя как овцы, коровы, куры, собаки, свиньи, шакалы и ослы». Результатом являются невежество, плохие поступки (например, пренебрежение родителями и отказ от жертвований) и перерождение в аду («кто общается с женщинами, находит только боль»). После этого Удаяна становится учеником Будды¹¹.

3. Некоторые сутры утверждают, что *женщины могут достичь просветления, только переродившись в мужском теле*. В *Лotosовой сутре* (Глава XII «Девадатта») бодхисаттва Манджушри рассказывает Будде о дочери царя нагов, которой было всего восемь лет, но которая уже достигла стадии невозвращения. Другой бодхисаттва сомневается в том, что девочка обрела просветление, так как Будде для этого понадобилось много кальп. Перед ними появляется девочка, которая воздаст хвалу Будде и говорит, что она достигла состояния бодхи, услышав Будду. Шарипутра также сомневается в ее словах и говорит, что тело женщины грязно и не является сосудом Дхармы; кроме того, до сих пор женщина

¹¹ Kangyur. *Heap of Jewels. King Udayana of Vatsa's Questions*. Toh 73. [Online]. Available at: <https://84000.co/translation/toh73> (Accessed: 15 April 2026).

не становилась полностью просветленной, царем-миродержцем и т. д. (пять ограничений). В этот момент девочка преподносит Будде драгоценную жемчужину и спрашивает участников беседы, как быстро это произошло. Те отвечают, что это произошло очень быстро. Тогда девочка обращается в юношу-бодхисаттву и достигает полного просветления. Похожая история, связанная с трансформацией мудрой девушки в тело юноши-бодхисаттвы, изложена в Суматидарика Парипричча Сутре (*Sumatidārikā Paripṛcchā Sūtra*¹²).

В Сутре Аштасахасрика (*Aṣṭasāhasrikā Prajñāpāramitā Sūtra*) Будда встречается с богиней Ганга и предсказывает, что в будущем она станет татхагатой, а перед этим переродится в теле мужчины. Трактат «Ступени бодхисаттвы» (*Bodhisattvabhūmi*, IV в.) гласит: «Полностью совершенные Будды не являются женщинами. Почему? Потому что бодхисаттва полностью покинул состояние женственности. Взойдя на трон просветления, он уже никогда не переродится женщиной. Любая женщина по своей природе полна скверны и слабоумия. И никто, кто по своей природе полон скверны и слабоумия, не достигает полностью совершенного состояния Будды» [Shaw, 1994, p. 27].

Теория, согласно которой женщина неспособна достичь просветления, – одно из важных отличий Махаяны от Тхеравады. Следует, однако, видеть ее общий контекст: если в Тхераваде достижение Нирваны (архатство) и становление Буддой – это разные события (архатом может стать любой монах, в том числе и женщина, но Будда рождается крайне редко), то в Махаяне достижение просветления (состояния Будды) и есть становление Буддой (таким образом, способность к просветлению предполагает способность стать Буддой).

К. Юити выделяет следующие причины возникновения этой теории: во-первых, Гаутама считался последним из семи будд, а следующим должен был стать Майтрея, знаменующий новую эпоху; во-вторых, с точки зрения Сарвастивады и некоторых других школ, состояние Будды свойственно лишь бодхисаттвам, в то время как более низкое по отношению к нему архатство доступно для обычных людей (поэтому в раннем буддизме никто не стремился стать Буддой); в-третьих, существовала борьба за власть между мужским и женским орденами, и значение последнего неуклонно снижалось после смерти Гаутамы; в-четвертых, Будде приписывали 32 признака чакравартина; десятый из них предполагает сокрытие мужского полового органа (таким образом, Будда обязательно должен быть мужчиной). Что касается других ограничений, то нужно учитывать, что в мире Брахмы в принципе нет женщин; Индра и чакравартин – воины; Мара, окруженный женщинами-слугами, скорее всего был мужчиной. Теория о том, что женщина должна обрести перед просветлением мужское тело, встречается в тхеравадских суттах и джатаках в китайском переводе; таким образом, она старше Махаяны. Рождение в теле мужчины может рассматриваться как освобождение женщины от тех страданий, которым не подвержены мужчины. Согласно Сутре Будды Акшобхьи (*Akṣobhya-tathāgata-vyūha*, I в.) в земле этого будды есть женщины, но они не страдают от беременностей, выкидышей и т. д.; согласно Великой Сутре Амитабхи (I в.) в земле этого будды не будет женщин (переродившиеся там

¹² *Sumatidārikā Paripṛcchā Sūtra*. [Online]. Available at: <https://lapislazulitexts.com/tripitaka/T0336-LL-sumatidarika> (Accessed: 15 April 2026).

женщины станут мужчинами)¹³. Сутры *Поучения Вималакирти* и *Львиный Рык Царицы Шрималы* (II и III вв.) закрепили концепцию шуньяты, предполагающую, что мужчины и женщины одинаковы в своей пустотности (безличности). В заключение Юити перечисляет пять этапов развития представления о просветлении женщин: 1) ранний буддизм при Гаутаме и его прямых учениках не делал различий между мужчинами и женщинами в этом отношении; 2) теория о неспособности женщины стать Буддой, вероятно, возникла в I в. до н. э.; 3) незадолго до начала нашей эры возникло новое движение: Будды Акшобхья и Амитабха, сочувствуя женщинам, поклялись их спасти; 4) ранние сутры Махаяны развили идею о том, что женщина может достичь просветления, лишь став мужчиной; 5) концепция пустотности, представленная в поздних сутрах, исходит из того, что женщина может достичь просветления, оставаясь женщиной [Yuichi, 1982, pp. 53-70].

4. В обоснование гендерной нейтральности Махаяны часто ссылаются на концепцию шуньяты [Приходько, 2009, с. 98; Shotwell, 2016, pp. 4-13], которая закреплена не только в сутрах *Поучения Вималакирти* и *Львиный Рык Царицы Шрималы*, но в более поздних *Алмазной сутре* (II–V вв.) и *Сутре сердца* (VII в.). В *Сутре Поучения Вималакирти* Шарипутра спрашивает некую богиню, почему она не изменит свое женское естество. Та отвечает, что искала в себе женское естество двенадцать лет, но так и не нашла его, и задает встречный вопрос: как может изменить женское естество та, что является иллюзией? После этого она превращает Шарипутру в женщину, и тот понимает, что изменился лишь его внешний облик [Сутра «Поучения Вималакирти», 2005, с. 81-82].

Значение данной концепции для рассматриваемого вопроса, однако, является ограниченным: тезис об одинаковой пустотности женщин и мужчин является не более чем иллюстрацией общего тезиса, не влияющим на реальный статус женщин. Кроме того, с точки зрения места в иерархии религиозных идей, он уступает тезису о врожденной нечистоте женщин и их неспособности к просветлению. Как результат, принятие Махаяны в некоторых странах не улучшило, но ухудшило положение женщин. Примером может служить Япония¹⁴.

Более наглядным символом гендерной нейтральности является образ Гуаньинь – бодхисаттвы милосердия в китайском пантеоне (Авалокитешвары). Изначально этот персонаж изображался в мужском облике, однако к X в., вероятно под влиянием народных верований, стал изображаться в женском [Pallavi et al., 2025, p. 3371]. На развитие культа Гуаньинь также повлияла легенда о Мяо Шань, записанная в XII в. и, возможно, имеющая даосское происхождение¹⁵.

¹³ Также см.: *Сутра Будды Амитаюса* («Если женщина, услышав мое имя, обретет чистую веру, будет стремиться к бодхи, если ей надоело тело женщины и она возжелает родиться в моей стране, то после смерти она станет мужчиной и родится в моем краю»); *Сутра Будды Наставника Врачевания Лазуритовое Сияние* («Обещаю, что, когда я приду в мир и обрету бодхи, все женщины, стесненные и угнетенные сотней женских бедствий, уставшие от жизни и желающие отказаться от женского тела, услышав мое имя, [в следующей жизни] превратятся из женщин в мужчин») [Избранные сутры китайского буддизма, 2000, с. 112, 300].

¹⁴ Характеризуя положение женщин в период Хэйан (794–1185), Н. Н. Суханова пишет: «Новые буддийские школы называли женщину ритуально нечистой и отказали ей в возможности достижения просветления... Таким образом, буддизм дал первую четко оформленную концепцию гендерной роли женщины, поставив ее в зависимое положение от мужчин» [Суханова, 2013, с. 107].

¹⁵ Мяо Шань была дочерью царя, и отец хотел выдать ее замуж. Она сказала, что подчинится, если это поможет спасти людей от старения, болезней и смерти; таким образом, ее мужем должен стать врач. Но отец

5. Отдельные представители Махаяны настаивали на равных способностях и равном статусе женщин. Так, патриарх дзэна Догэн (1200–1253) приводит пример монахини Мёсин (*Myōshin*) и признает, что женщина может учить Дхарме и даже быть настоятелем монастыря: «Тот, кто постиг, что такое Дхарма, заслуживает глубокого уважения: не беспокойтесь о том, мужчина это или женщина». Далее он буквально обрушивается на тех, кто воспринимает женщин просто как объект чувственных желаний. Причина осквернения – отношение к мужчинам как к представителям одного мира, а к женщинам как к представителям другого. Есть злые мужчины и добродетельные женщины. Те, кто не освободился от заблуждений, привязаны к ним, независимо от пола; когда люди освобождаются от заблуждений, разделительная линия между мужчинами и женщинами исчезает. Если вы презираете женщин, потому что считаете, что в древние времена они совершили какое-то преступление, то вы должны презирать и всех бодхисаттв. Многие женщины достигли просветления – зачем же мешать их прогрессу? [Shobogenzo, 2007, pp. 89-105]. Похожие аргументы приводятся и мастером чань Дахуй Зонгао (*Dahui Zonggao*, 1089–1163).

По свидетельству М. Леверинг, хотя представители чань-буддизма признают, что рождение женщиной указывает на неразвитость способности к просветлению, они считают, что Дхарма и заслуги Будды более могущественны, чем любые негативные условия: искреннее прозрение может привести к просветлению любого, независимо от пола и иных кармических препятствий. Мужественность и женственность, по сути, пусты и не имеют отношения к достижению просветления. В истории о девочке-нага значение имеет мгновенность просветления девочки, а не превращение ее тела в мужское (что является лишь чудесным элементом мифа, но не его сутью) [Levering, 1982, pp. 19-35]¹⁶.

Высказанные Догэном идеи, однако, воспринимались как маргинальные, о чем свидетельствует то, что его проповедь сформулирована как протест, а наиболее резкая ее часть не включалась в ранние версии «Сёбогэндзо». Как отмечает Б. Фор, несмотря на теоретическую приверженность гендерному равенству, чань (дзен) оставался мужским дискурсом, структурированным патриархальной традицией; его эгалитаризм был связан с необходимостью в поддержке аристократок; монахини, сделавшие карьеру в рамках дзен, стали женскими копиями мастеров-мужчин, пытавшихся стереть в себе признаки женственности; тем не менее, их фактический статус оставался низшим. Что касается Догэна, то к концу жизни он резко изменил свою позицию и настаивал на том, что женщина неспособна достичь просветления [Faure, 2003, pp. 127-142].

хотел выдать ее за богача, и тогда она попросила разрешения уйти в монастырь. Царь согласился, но приказал монахиням сделать ее жизнь невыносимой. Мяо Шань стали давать самые тяжелые поручения, которые она выполняла при помощи привлеченных ее добротой животных. Тогда отец приказал казнить ее. Приняв кармическую вину палача, она попала в ад, где освободила много страдающих душ и преобразила это место в рай. Испуганный владыка ада отправил ее обратно на землю, где она согласилась принести себя в жертву ради спасения своего больного отца. Узнав об этом, царь попросил у нее прощения, и она превратилась в Гуаньинь, после чего поселилась на острове, где занималась медитацией, усмиряла шторма и помогала морякам и рыбакам.

¹⁶ Комментирующая историю о девочке-нага Ш. Рани Даш отмечает, что сомнения по поводу просветления женщин высказал не Будда, а Шарипутра, который использовал фразу «до сих пор», т. е. высказал не столько недоверие, сколько восхищение. Dash, S. R. (2007). *Misinterpretations of the Buddhist Texts and the Problem of Ordination of Woman*. [Online]. Available at: https://www.congress-on-buddhist-women.org/fileadmin/files/25ShobhaRaniDash_01.pdf (Accessed: 15 April 2026).

4. Ваджраяна

В Ваджраяне просветление достигается путем соединения мудрости как женского начала (*prajñā*) и искусных средств как мужского начала (*upāya*)¹⁷. Старейшая школа тибетского буддизма Ньингма (другие – Кагью, Сакья и Гелугпа) делит все практики на три группы: сутру, тантру и дзогчен. *Сутра* характерна для Тхеравады и предполагает отказ от привязанностей и строгое соблюдение винаи и обетов бодхисаттвы; *тантра* – трансформацию сознания при помощи мантр, визуализаций и телесных практик; *дзогчен* – спонтанную передачу реализованного состояния наставником.

В процессе визуализации практик ассоциирует себя с мужскими и женскими божествами. К числу последних относятся бодхисаттва Зеленая Тара, появившаяся из слезы бодхисаттвы Авалокитешвары, и царица дакини Ваджрайогиня. Дакини (небесные танцовщицы) воплощают женскую энергию: их основная функция – помощь в практике и достижении просветления (первоисточник этого образа – женщины, образующие свиту богини Кали).

Важнейшей телесной практикой является сексуальный союз, выступающий необходимым элементом многих тантрических ритуалов. Примером может служить ритуал посвящения, описанный в *Хеваджра-тантре* (VIII в.), в рамках которого наставник вступает в сексуальный союз со своей тантрической супругой, а посвящаемый вкушает их половые секреты, после чего сам вступает в союз с тантрической супругой, переживая четыре стадии блаженства [Бушуев, 2016, с. 82-96]. Женское тело воплощает свойство бесконечного пространства и мудрости, познающей это пространство; мужское тело – мастерство воздействия на это пространство. Поэтому практик тантры должен рассматривать всех женщин как дакини. Следует отметить, что упоминания и изображения сексуальных союзов («яб-юм») в Ваджраяне часто рассматриваются не как руководство к действию, а как мощные метафоры, призванные помочь осознать тантрические истины.

Помимо идеи об андрогинной природе просветления, Ваджраяна разработала другие концепции, на которые часто ссылаются в обоснование ее гендерной нейтральности. Речь идет о понятии *татхагатагарбха* (*Tathāgatagarbha*), обозначающем присутствие в каждом живом существе природы Будды (сам термин переводится как «матка» или «зародыш» Будды), и понятии *алая-виджняны* (*Ālaya-vijñāna*), обозначающем базовый уровень сознания, аккумулирующий татхагатагарбху и следы прошлых действий, преобразующиеся под влиянием кармы в ложное «эго» (очищение сознания от клеш имеет результатом осознание недвойственности мира, в том числе гендерной).

Некоторые ученые полагают, что первыми практиками Ваджраяны в древней Индии были женщины, учение которых было записано их мужьями и учениками. Одним из мастеров тибетской Ваджраяны была Мачиг Лабдрон (1055–1149), основавшая школу Чод.

Квалификация Ваджраяны как наименее мизогинного направления буддизма выглядит некоторым преувеличением. Во-первых, сравнение Ваджраяны и Тхеравады в этом отношении некорректно. Тхеравада использует иные техники медитации, которые, как правило, не предполагают визуализаций, но было бы странно утверждать, что эти техники отдают приоритет мужскому началу. Во-вторых, качества, приписываемые женской

¹⁷ При написании данного параграфа использовались следующие работы: [Shaw, 1994; Pospilova, 2011, pp. 183-193; Coakley, 2012, pp. 7-23].

мудрости в Ваджраяне, не свойственны женщинам в обычной жизни¹⁸ Кроме того, возвеличивание женского начала в первую очередь приносит пользу практикующему мужчине: осознав внутреннюю недвойственность, он перестает нуждаться в подлинной (внешней) женщине. Дакини в этом смысле олицетворяют подавленные женские аспекты мужской психики [Sponberg, 1992, p. 28]. Далее, метафора о соединении мудрости и искусных средств на самом деле принижает женщин, поскольку предполагает, что результат этого соединения (просветление) определяется не первой, а вторыми (мужским началом) [Fauge, 2003, pp. 123-124]. В-третьих, последователи Ваджраяны так же, как и последователи других школ, часто воспринимают женщин как представляющих опасность, более порочных и низких по статусу, чем мужчины¹⁹; само слово *кье мен* (тиб. – женщина) означает «низкое рождение». В-четвертых, концепции Ваджраяны, постулирующие недвойственность и т. п., носят общий характер и не влияют на реальный статус женщин, который определяется другими факторами и концепциями. Так, никто из четырех главных тулку Тибета (Далай-лама, Панчен-лама, Кармапа и Шамарпа) ни разу не перерожден в теле женщины [Ghimire, 2024, p. 11]²⁰, а последовательницы Ваджраяны так же, как и последовательницы других учений, имеют ограниченный доступ к монашеским практикам.

5. Феминистическая интерпретация канона: за и против

Современная дискуссия по поводу гендерной составляющей буддизма носит односторонний характер, представляя собой попытки опровергнуть или перетолковать наиболее мизогинные фрагменты канона. Для достижения этой цели используются следующие техники:

1. Некоторые авторы выделяют два уровня буддизма – доктринальный и институциональный: первый (сущностный) предполагает гендерное равенство; второй (поверхностный) отмечен мужским доминированием²¹. Доктринальный и институциональный уровни, однако, тесно связаны и неотделимы друг от друга, а многие фрагменты канона также отмечены мужским доминированием.

¹⁸ Как отмечает Д. Мэйси, эта мудрость предполагает не укачивание, ласку или прижатие к груди, а способность ясновидения; не защиту, жилье или ограждение, а существование, не опосредованное определенной позицией или привязанностью [Masu, 1977, pp. 75-80].

¹⁹ Б. Фор отмечает, что идеализация женщины в ритуальном контексте не обязательно означает ее высокий статус в реальности; так же как средневековые рыцари в эпоху куртуазной любви, тантрические практики лишь заигрывали с табу; их партнершами обычно были женщины низших каст, не имевшие шансов на улучшение социального положения. Тантрическая литература описывала могущественных йогинь, а не реальных женщин с их специфическими проблемами [Fauge, 2003, pp. 125-126]. Х. Хавневик пишет, что женщины, игравшие роль консортов в тантрических ритуалах, часто были проститутками, танцовщицами или членами иных презираемых социальных групп, а их роль в ритуале сводилась к оказанию помощи практикам-мужчинам [Havnevik, 1957, pp. 34-35].

²⁰ Случаи признания за женщинами высшего статуса тулку (ринпоче, перерожденец) редки, но встречаются. Примером является Миндроллинг Джецун Кхандро Ринпоче (1967 г.р.), признанная воплощением Великой Дакини из Цурпху, Кхандро Огьен Цомо, супруги 15-го Кармапы.

²¹ По мнению Р. Гросс, буддизм не противоречит феминистской повестке: во-первых, его антимирской акцент сильно переоценен, свобода может быть достигнута внутри мира, а не только путем ухода из него, повседневная жизнь женщин может быть наполнена буддистскими смыслами; во-вторых, буддизм может утверждать андрогинность (*co-humanity*); в-третьих, категория «сангха» должна быть наполнена феминистскими ценностями общины, заботы, общения и дружбы; путь к просветлению не должен быть «одиноким путешествием» [Gross, 1993].

2. Мизогинные фрагменты канона часто приписываются влиянию индуизма; их заимствование рассматривается как способ интеграции сангхи, а допуск женщин к религиозной практике – как прорыв. Контекст возникновения женской сангхи, однако, до конца не ясен; кроме того, данные фрагменты не выглядят случайными: их довольно много, и они были развиты позднее в других обществах.

3. Данные фрагменты часто рассматриваются как поздние добавления, внесенные в результате межфракционной борьбы внутри мужской сангхи. Канон действительно содержит несколько явных противоречий, касающихся способности женщин к просветлению и др., и в этом смысле выглядит нецелостным. Телеологическое толкование, однако, едва ли может использоваться как *инструмент его редактирования*.

4. Некоторые авторы пытаются обесценить мизогинные фрагменты канона на том основании, что они недостаточно обоснованы, противоречат другим фрагментам²², не были бы сказаны Буддой, если бы он жил сегодня²³. Такая аргументация, по сути, является попыткой подменить позицию Будды собственной позицией, основанной на современных реалиях и *внебуддийских* ценностях, например, феминизме.

5. Некоторые авторы подчеркивают значение историй о монахинях, рассказанных в Тхеригатхе, цитируют уважительные высказывания Будды о монахинях и т. п. Агиография, однако, не может служить главным методом научного анализа, а некоторые истории о монахинях, вероятно, являются результатом позднего синтеза (например, история о посвящении Махападжапати) [Sponberg, 1992, pp. 33-34]. Кроме того, буддийская агиография также содержит элементы мизогинии: многие женщины становились монахинями в силу личных причин (потеря детей, злой муж и т. д.), а не в поисках просветления.

6. Некоторые авторы подчеркивают гендерно-нейтральные концепции (анатман и т. п.) и отмечают, что по сравнению с другими религиями буддизм уделяет гораздо меньше внимания гендерному вопросу, по сути рассматривая его как неотнормированный²⁴. Эта аргументация, похоже, разделяется большинством женщин, практикующих буддизм. Она, однако, предполагает пассивность перед лицом дискриминации²⁵.

²² А. Коллет, например, утверждает, что дискриминация женщин нарушает принцип ахимсы, а махаянская теория о том, что женщина не способна достичь просветления, является недостаточно обоснованной. См.: Collet, A. Buddhism and Women. [Online]. Academia. 2017. pp. 555-556. Available at: https://www.academia.edu/36578331/Buddhism_and_Women (Accessed: 15 April 2026).

²³ См.: Bhikkhu Bodhi. The Revival of Bhikkhuni Ordination in the Theravāda Tradition. [Online]. 2008. Available at: <https://snfwrenms.wordpress.com/wp-content/uploads/2011/08/the-revival-of-bhikkhuni-ordination-in-the-theravada-tradition.pdf> (Accessed: 15 April 2026).

²⁴ Р. Чанд отмечает, что буддистское учение не закрепляет фигуру Бога-Творца, легитимирующего мужское превосходство; буддизм культивирует ряд качеств, свойственных женщинам, таких как любящая доброта (метта) и сострадание (каруна); концепция анатмана отрицает любую идентичность и рассматривает человека как совокупность скандх; буддизм редко высказывается по поводу семейных ценностей и не устанавливает сексуальных табу для мирян. Таким образом, гендер не играет большой роли в контексте буддийских учений [Chand, 2016, pp. 273-292].

²⁵ «Исторически существует по меньшей мере четыре области, в которых буддийские женщины сталкивались с препятствиями в духовной жизни. Первая область – это религиозная практика, то есть образ жизни, возможности обучения, формы медитации и институциональные структуры, многие из которых обычно доступны мирянам и монахам, но редко или никогда не доступны мирянкам и монахиням. Во-вторых,

В целом, несмотря на уязвимость каждой из этих техник в отдельности, в своей совокупности они образуют довольно убедительный дискурс, обладающий значительным трансформационным потенциалом. Борьба за права женщин уже принесла практические результаты: начиная с 1996 г. в Индии и на Шри-Ланке проводятся полные посвящения, результатом которых может стать возрождение женской сангхи Тхеравады, а 16 июня 2025 г. Верховный суд Шри-Ланки вынес решение, обязывающее государственные органы выдавать женщинам, получившим такое посвящение, удостоверения личности с указанием их статуса бхиккхуни (полностью посвященной монахини).

Дальнейшая перспектива феминистического движения в буддизме, однако, не ясна. Многие представители буддийских стран (в том числе женщины) считают, что феминистическая повестка не соответствует традиционному мировоззрению, нравственным ценностям буддизма, отвлекает от духовного поиска и даже является проявлением постколониализма. К этому следует добавить артикулированную оппозицию данной повестке со стороны иерархов мужской сангхи, опирающихся на поддержку со стороны государства.

6. Заключение

Таким образом, буддийский канон не формулирует четкой и однозначной позиции в отношении целого ряда гендерно-чувствительных вопросов, начиная с оценки моральных качеств женщин и заканчивая практическими вопросами, касающимися полного посвящения женщин. Как результат, каждый из этих вопросов носит *открытый характер*, т. е. может быть решен различными способами, с использованием разных подходов к интерпретации канонических текстов и экстраканонических аргументов. Эта неоднозначность едва ли способна дискредитировать буддийское учение: во-первых, она свойственна всем религиям (и, возможно, индуизму, христианству и исламу даже в большей степени); во-вторых, она не затрагивает основу данного учения (т. е. является неотносимым вопросом); в-третьих, ее конкретные проявления при необходимости могут быть преодолены путем достижения общего консенсуса; в-четвертых, размышления по этому поводу также могут быть частью буддийского пути.

Данный вывод разделяется некоторыми буддологами. В своей влиятельной статье А. Спонберг отмечает амбивалентность буддистских установок, касающихся женщин, и делает вывод, что в буддизме присутствует не «один, неуверенный голос», а «множество голосов». Канон отражает четыре подхода: сотериологическую инклюзивность, институциональный андроцентризм, аскетическую мизогинию и сотериологическую андрогинию. Согласно первому подходу, путь спасения открыт для всех; гендерные различия не имеют значения для освобождения, но могут отвлекать от него (*Сома-сумма*). Поскольку городская культура ввела в отношении женщин жесткие ограничения, ранние буддисты

дисциплинарные правила, регулирующие монастырскую жизнь монахинь, четко определяют их как граждан второго сорта по отношению к монахам ... В-третьих, хотя женщины вполне способны достичь просветления, их титул и статус, основанные на этом высшем опыте, часто не признавались. Например, палийский термин «архат» или термин «бодхисаттва» в махаянском буддизме не применяются к женщинам. Наконец, женщинам-монахиням неоднократно отказывали в той материальной поддержке, которую получали мужчины-монахи» [Tsomo Karma Lekshe, 1999, pp. 1-44].

понимали, что рождение женщиной ограничивает духовные возможности. Как результат, сотериологическая инклюзивность была «революционным прорывом», но не предполагала гендерного эгалитаризма. Возможно, позиция Будды была более эгалитарной, но канон не идет дальше признания способности женщин достичь просветления. Второй подход сложился после смерти Будды и был закреплён в вине. Согласно ему женщины могут заниматься религиозной практикой, но только в рамках институциональной структуры, закрепляющей стандарты мужской власти. История о создании женского ордена является не исторической хроникой, а сложным документом, который символически и мифологически рассказывает о решении, найденном спустя несколько столетий после смерти Шакьямуни: Будда выражает озабоченность консервативного большинства и дух компромисса, Махападжапати – позицию женщин, Ананда – принципы учения. Аскетическая мизогиния предполагает более негативное («оборонительно-враждебное») отношение к женщинам (*Кабмоджа-сутта*). Предполагается, что они не только не способны достичь просветления, но и являются активными агентами разрушения. Данный подход сформировался под влиянием психологических требований аскетического безбрачия и космогонических представлений (*Аганья-сутта*). Махаяна универсализировала путь бодхисаттвы, но не решила эту проблему. Однако мизогиния вредна не только для ее объекта, но и для ее инициатора; в связи с этим многие буддисты признали, что страх перед женским началом – форма привязанности и рабства. Мадхьямики, в частности, любили цитировать отрывок из *Сутры Дридхадхьяшая-парипричча* (*Dṛḍhādhyāśaya-paripṛccha*), осуждавший того, кто размышляет о нечистоте женщины, созданной волшебником на представлении²⁶. Махаянская доктрина недвойственности предложила решение этой проблемы: если ни мужчин, ни женщин на самом деле не существует, то они не могут быть объектами сексуальной привязанности. Четвертый подход отражен в Ваджраяне и предполагает признание гендерных различий и использование их потенциала как средства трансформации [Sponberg, 1992].

Список литературы / References

Бушуев, Е. С. (2016). «Хеваджра-тантра»: Глава о посвящении. Исследование, пер. с санскрита и комментарии. *Вестник СПбГУ. Сер. 13. Востоковедение. Африканистика*. Вып. 1. С. 82-96.

Bushuev, E.S. (2016). “The Hevajra Tantra”: The Chapter on Initiation. A Study, Translated from Sanskrit and with Commentary. *Bulletin of St. Petersburg State University. Series 13. Oriental Studies. African Studies*. Issue 1. Pp. 82–96 (In Russ.)

Законы Ману. (2002). Пер. С. Д. Эльмановича, проверен. и испр. Г. И. Ильиным. М.: Эксмо-Пресс. 496 с.

The Laws of Manu. (2002). Elmanovich, S. D. (transl.), Ilyin, G. I. (reviewed and revised). Moscow. 496 p. (In Russ.)

²⁶ *The Noble Mahāyāna Sūtra “The Episode of Drdhādhyāśaya” (Drdhādhyāśayaparivartanāmahāyānasūtra)*. Toh 224. Degé Kangyur. Vol. 63 (mdo sde, dza). Folios 164.a–173.b. 1.17–1.18. [Online]. Available at: <https://84000.co/translation/toh224> (Accessed: 15 April 2026).

Избранные сутры китайского буддизма. (2000). Под ред. Е. А. Торчинова. СПб.: Наука. 464 с.

Torchinov, E. A. (ed.). (2000). *Selected Sutras of Chinese Buddhism.* St Petersburg. 464 p. (In Russ.)

Приходько, Н. Ю. (2009). Феминистский дискурс мировых религий: статус женщины в буддийской традиции. *Вестник ТГЭУ.* № 4. С. 95-104.

Prikhodko, N. Yu. (2009). Feminist Discourse in World Religions: The Status of Women in the Buddhist Tradition. *Bulletin of TGEU.* No. 4. Pp. 95-104. (In Russ.)

Сутра «Поучения Вималакирти». (2005). Пер. с тиб., предисл. и ком. А. М. Донца. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 144 с.

The Teaching of Vimalakīrti. (2005). Donts, A. M. (transl., foreword and comments). Ulan-Ude. 144 p. (In Russ.)

Суханова, С. С. (2013). Социальный статус женщины в Японии: вехи истории. *Известия Иркутского государственного университета. Серия «История».* № 2. С. 106-112.

Sukhanova, S. S. (2013) The Social Status of Women in Japan: Historical Milestones. *Proceedings of Irkutsk State University. "History" Series.* No. 2. Pp. 106-112. (In Russ.)

Ananda, U. (2018). Early Buddhist Perspective on Women and their Emancipation as Depicted in the Therigāthā. *Colombo Arts Biannual Refereed Journal of Social Sciences and Humanities.* Vol. II. No. 4. Pp. 46-56.

Balbir, N. (2021). Indian Philosophy: Women's Enlightenment in Jainism. In Goetz, S & Taliaferro, C (eds.). *Encyclopedia of Philosophy of Religion.* Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell. Pp. 1-3.

Bhikkhu Anālayo. (2009). The Bahudhatuka-sutta and Its Parallels on Women's Inabilities. *Journal of Buddhist Ethics.* Vol. 16. Pp. 136-190.

Bhikkhu Anālayo. (2014). Karma and Female Birth. *Journal of Buddhist Ethics.* Vol. 21. Pp. 109-153.

Chand, R. S. (2016). Buddhism and Women-The Dhamma Has No Gender. *Journal of International Women's Studies.* Vol. 18. No. 1. Pp. 273-292.

Coakley, E. R. (2012). *Women in Vajrayāna Buddhism – the Embodiment of Wisdom and Enlightenment in Traditionally Male-Oriented Buddhism.* Georgetown University. 104 p.

Falk, N. (1974). An Image of Woman in Old Buddhist Literature: The Daughters of Mara. In Plaskow, J. & Arnold, J. *Women and Religion.* Missoula, MT. Scholars Press. Pp. 105-112.

Faure, B. (2003). *The Power of Denial. Buddhism, Purity, and Gender.* Princeton University Press. 466 p.

Ghimire, C. K. (2024). Women in Buddhism through Gender Perspective. *Journal of Buddhist Studies (T.U)*. Vol. 1. No. 1. Pp. 1-14. DOI: <https://doi.org/10.3126/jbuddhists.v1i1.75069>.

Gombrich, R. F. (2006). *Theravada Buddhism A social history from ancient Benares to modern Colombo*. Routledge. 234 p.

Gross, R. M. (1993). *Buddhism after Patriarchy: A Feminist History, Analysis, and Reconstruction of Buddhism*. Albany. University of New York Press. 365 p.

Grünhagen, C. (2011). The Female Body in Early Buddhist literature. *Scripta Instituti Donneriani Aboensis*. Vol. 23. Pp. 100-114. DOI: <https://doi.org/10.30674/scripta.67383>.

Havnevik, H. (1957). *Tibetan Buddhist Nuns. History, Cultural Norms and Social Reality*. Norwegian University Press. 251 p.

Heirman, A. (2015). Buddhist Nuns through the Eyes of Leading Early Tang Masters. *Chinese Historical Review*. Vol. 22. No. 1. Pp. 31-51. DOI: 10.1179/1547402X15Z.00000000042.

Horner, I. B. (1930). *Women under Primitive Buddhism*. London. Routledge. 391 p.

Hüsken, U. (2000). The Legend of the Establishment of the Buddhist Order of Nuns in the Theravāda Vinaya-Pitaka. *Journal of the Pali Text Society*. Vol. 26. Pp. 43-69.

Jaini, P. S. (1991). *Gender and Salvation. Jaina Debates on the Spiritual Liberation of Women*. University of California Press. 230 p.

Kajiyama, Y. (1982). Women in Buddhism. *Eastern Buddhist*. New Series. Vol. 15. No. 2. Pp. 53-70.

Kawanami, H. (1990). The Religious Standing of Burmese Buddhist Nuns (thilá-shin): The Ten Precepts and Religious Respect Words. *Journal of the International Association of Buddhist Studies*. Vol. 13. No. 1. Pp. 17-39.

Kumar, P. (2024). Status of Women as Depicted in the Therigatha. *Futuristic Trends in Social Sciences*. IIP Series. Vol. 3. Book 14. Pt. 3. Ch. 4. Pp. 152-160.

Kumar, A. & Singh, N. (1997). Buddha's Approach towards Women Status. *Bulletin of Tibetology*. Pp. 15–26.

Levering, M. L. (1982). The Dragon Girl and the Abbess of Mo-Shan: Gender and Status in the Ch'an Buddhist Tradition. *Journal of the International Association of Buddhist Studies*. Vol. 5. No. 1. Pp. 19-35.

Macy, J. (1977). Perfection of Wisdom: Mother of all Buddhas. *Anima*. Vol. 3. No. 1. Pp. 75-80.

Pallavi, Tiger, A., Warsi, Z. (2025) Gender and Authority in Buddhist History: From Enlightened Masters to Empowered Matriarchs. *International Journal of Research Publication and Reviews*. Vol. 6. No. 2. Pp. 3368–3380. DOI: <https://doi.org/10.55248/gengpi.6.0225.0955>.

Paul, D. Y. (1985). *Women in Buddhism: Images of the Feminine in Mahāyāna Tradition*. University of California Press. 333 p.

Pospilova, K. (2011). The Female Wisdom. The Female Aspect on Buddhism. *Polish Journal of Aesthetics*. No. 3. Pp. 183-193.

Shaw, M. (1994). *Passionate Enlightenment: Women in Tantric Buddhism*. New Jersey. Princeton University Press. 320 p.

Shobogenzo. (2007). Nearman, H. (transl.). California. Shasta Abbey Press. 1118 p.

Shotwell, A. (2016). “Like Water into Water,” If Buddhism, Then Feminism. But What Sort of Feminism? *The Arrow. A Journal of Wakeful Society, Culture & Politics*. Vol. 3. No. 1. Pp. 4-13.

Sponberg, A. (1992). Attitudes toward Women and the Feminine in Early Buddhism. In Cabezon, J. I. (ed.). *Buddhism, Sexuality and Gender*. State University of New York Press. Pp. 3-36.

Takemi, M. (1983). “Menstruation Sutra” Belief in Japan. *Japanese Journal of Religious Studies*. Vol. 10. No. 2-3. Pp. 229-246.

The Stories about the Foremost Elder Nuns. (2015). Ānandajoti Bhikkhu (transl.). 198 p.

Tsomo Karma Lekshe. (1999). *Buddhist Women across Cultures: Realizations*. Albany. State University of New York Press. 326 p.

Yuichi, K. (1982). Women in Buddhism. *Eastern Buddhist*. New Series. Vol. 15. No. 2. Pp. 53-70.

Сведения об авторе / Information about the author

Толстых Владислав Леонидович – доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, Москва, ул. Рождественка, 12; профессор Российско-китайского центра сравнительного правоведения Университета МГУ-ППИ в Шэньдзэне, провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, район Лунган, Даюньсиньчэн, ул. Гоцзидасюэюань, 1, e-mail: vlt73@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5103-5324>.

Статья поступила в редакцию: 15.04.2026

После доработки: 18.05.2026

Принята к публикации: 29.05.2026

Tolstykh Vladislav – Doctor of Legal Sciences, Leading Researcher the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Rozhdestvenka Str., 12; Professor at the Sino-Russian Comparative Law Research Center at the Shenzhen MSU-BIT University, 1 International University Park Road, Dayun New Town, Longgang District, Shenzhen, Guangdong Province (China), e-mail: vlt73@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5103-5324>.

The paper was submitted: 15.04.2026

Received after reworking: 18.05.2026

Accepted for publication: 29.05.2026

РЕЦЕНЗИИ

УДК 316.35

ИССЛЕДОВАНИЕ ИДЕЙ И ПРАКТИК ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ.

(*Размышляя над книгой Ж. Т. Тощенко «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации». М.: ФНИСЦ РАН, 2025. 884 с.*)

А. О. Бороноев, Н. Г. Скворцов

Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург)
a.boronoev@spbu.ru; n.skvortsov@spbu.ru

Аннотация. Автор книги – известный российский социолог, член-корреспондент РАН Ж. Т. Тощенко – возвращает читателю концепт общественного договора эпохи Просвещения и рассматривает этапы и проблемы его реализации в России (СССР). Общественный договор представляется как социальный контракт между народом и государством, как форма становления баланса интересов между ними по организации и устройству общественной (публичной) и личной (приватной) жизни. Показано, что концепт общественного договора затрагивает объективные и субъективные (смысло-жизненные) проблемы функционирования общества и государства и является весьма актуальным инструментом исследования динамики социокультурных и политических процессов в том или ином обществе. Суждения и выводы автора основаны на многочисленных исторических источниках и материалах социологических исследований, в том числе собственных, и могут способствовать пониманию и решению проблем демократизации нашего общества, ибо этот процесс напрямую связан с эффективностью диалога власти и общества.

Ключевые слова: СССР, Россия, общественный договор, власть, политика, народ, революция, трансформация, социальная революция.

Для цитирования: Бороноев, А. О., Скворцов, Н. Г. (2026). Исследование идей и практик общественного договора в российском обществе. (*Размышляя над книгой Ж. Т. Тощенко «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации». М.: ФНИСЦ РАН, 2025. 884 с.*). *Respublica Literaria*. Т. 7. № 2. С. 156-166. DOI: 10.47850/RL.2026.7.2.156-166.

A STUDY OF THE IDEAS AND PRACTICES OF THE SOCIAL CONTRACT IN RUSSIAN SOCIETY

(*Reflections on Zh. T. Toshchenko's Book "The Fates of The Social Contract in Russia: Evolution of Ideas and Lessons From Implementation". Moscow: FCTAS RAS, 2025. 884 p.*)

A. O. Boronoev, N. G. Skvortsov

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg)
a.boronoev@spbu.ru; n.skvortsov@spbu.ru

Abstract. The author, renowned Russian sociologist, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences Zh. T. Toshchenko, revisits the concept of the social contract from the Enlightenment and examines the stages and challenges of its implementation in Russian society. The social contract is presented as a social contract between the people and the state, as a form of establishing a balance of interests between them in the organization and

structure of social (public) and personal (private) life. It is shown that the concept of the social contract addresses objective and subjective (meaning-of-life) issues in the functioning of society and the state and is a highly relevant tool for researching the dynamics of sociocultural and political processes in a given society. The author's judgments and conclusions are based on numerous historical sources and sociological research materials, including his own, and can contribute to understanding and addressing the challenges of democratization in our society, as this process is directly linked to the effectiveness of dialogue between government and society.

Keywords: USSR, Russia, social contract, government, politics, people, revolution, transformation, social revolution.

For citation: Boronoev, A. O., Skvortsov, N. G. (2026). A Study of the Ideas and Practices of the Social Contract in Russian Society (*Reflections on Zh. T. Toshchenko's Book "The Fates of the Social Contract in Russia: Evolution of Ideas and Lessons From Implementation"*). Moscow: FCTAS RAS, 2025. 884 p.). *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 2. Pp. 156-166. DOI: 10.47850/RL.2026.7.2.156-166.

Отечественные социологи не стоят в стороне от того, что происходит в стране. Реформы находятся под их пристальным вниманием, особенно трансформации последних десятилетий. Известны исследования акад. Г. В. Осипова, акад. М. К. Горшкова и их коллег [Осипов, 2007; Горшков, 2016]. Можно назвать и работы других авторов и коллективов. Без всякого сомнения, эти исследования имели и имеют большое значение для понимания сути реформ, их перспектив для нашего общества и конкретного россиянина.

Особый читательский интерес вызвал обстоятельный труд патриарха отечественной социологии Жана Терентьевича Тощенко, где исследуются объективные и субъективные факторы функционирования общественного договора между населением и властью [Тощенко, 2025].

В монографии фактически представлена социальная история России (СССР) с 1917 г. до наших дней. Книга является результатом проекта автора, начатого им в начале XXI в. и нашедшего отражение в его известных работах, таких как «Парадоксальный человек» (2000 г.), «Теократия: фантом или реальность» (2007 г.), «Кентавр-проблема» (2013 г.) и др.

Жан Терентьевич является, пожалуй, единственным ученым, кто систематически в течение долгого времени следит за реформами и каждый раз представляет на суд читателя фундаментальные труды.

На этот раз реформы рассматриваются под углом зрения концепта общественного договора, который сегодня основательно подзабыт как в науке, так и в публицистике. В связи с этим понятно, что труд начинается с уточнения сущности концепта общественного договора, что, по мнению автора, важно для рассмотрения трансформаций этих идей, как в теоретической мысли, так и в реальной практике государственной и общественной жизни советского государства и современной России. Это позволяет осмыслить уроки его реализации [Тощенко, 2025, с. 117].

В монографии осуществлен основательный анализ сущности общественного договора как основы социального контракта между обществом и государством, что позволяет исследовать его современное состояние. Общественный договор определяется автором как «социально-экономическое, социально-политическое и социально-культурное становление баланса интересов между народом и государством, которое открыто и в то же время латентно демонстрирует согласованность взаимоотношений и взаимодействий государства и народа по организации и устройству общественной (публичной) и личной (приватной) жизни» [Там же, с. 97].

Смыслом общественного договора является социальный контракт между народом и государством, осуществляющий диалог между ними по актуальным вопросам жизни через общественные и государственные институты, отражающие, по утверждению автора, цели субъектов договора, затрагивающие базовые ценности населения, его социальных групп и индивидов.

Государство должно определять стратегические перспективы развития, пути их реализации с учетом динамики потребностей и интересов населения, проявляющихся в общественном мнении как барометре функционирования общественного договора.

Историко-социологический анализ сути концепта общественного договора, заложенного великими просветителями, позволил автору подробно рассмотреть формы и субъектов реализации его принципов на различных этапах развития страны. В работе показано состояние общественного договора в царской России: огромный разрыв между властью и народом. Власти не желали реформ, не обращали внимания на изменения социальной структуры общества, меняющиеся потребности и интересы базовых (производящих) слоев населения – крестьян, рабочего класса. Реформы (отмена крепостного права, учреждение земств и др.) не вызвали должного диалога в обществе, не решили острых социальных проблем. Это привело к первой русской революции, к провозглашению Манифеста 17 октября 1905 г., созыву Государственной Думы в 1906 г. По истечении десятка лет выразителями интересов народных масс как стороны общественного договора стали рабочее движение и партии, в частности большевики, провозгласившие: «Долой войну!», «Заводы – рабочим, землю – крестьянам!». Тем самым они сумели уловить актуальные потребности и интересы основных слоев населения и найти их поддержку, что не могла сделать, например, партия социалистов-революционеров (эсеров), несмотря на свою массовость.

Автором проведен подробный анализ ситуации того времени: рассматриваются политические идеи-установки, социальная база основных политических сил и партий. При этом подчеркивается наличие широкой социальной базы у большевиков, опиравшихся на рабочий класс и крестьянство, тогда как партия эсеров опиралась только на крестьянство [Тощенко, 2025, с. 120]. Отмечаются радикальные средства достижения власти большевиками – восстание, диктатура пролетариата – против реформистских средств других партий. Показано, что программа большевиков затрагивала интересы большинства населения страны, занятого производительным трудом, что и послужило фактором доверия к ней.

Утверждается, что большевики показали себя организованной силой, создав новые властные структуры на основе установленной диктатуры пролетариата, которая, по мнению автора, «была единственной эффективной мерой удержания власти и залогом реализации провозглашенных целей» [Там же, с. 131]. Ошибок в деятельности новых властей было много, особенно в периоды Гражданской войны, коллективизации сельского хозяйства, раскулачивания крестьян-тружеников, массовых репрессий 30-х гг., остающихся тяжелым грузом на нашей истории. Безусловно, эти жестокие меры проведения политики диктатуры пролетариата не способствовали реализации принципов общественного договора между властью и народом. Однако они и не отвергли полностью ту связь и доверие народа, которые сложились между сторонами с первых дней революции.

Связь народа и новой власти не разрушили ни Гражданская война, ни иностранная интервенция – англичане в Архангельске (куда, кстати, рвался молодой П. А. Сорокин), японцы и американцы на Дальнем Востоке. Экономические и политические трудности

требовали мобилизации всех ресурсов экономики и сокращения товарно-денежных отношений, введения трудовой повинности, продовольственной диктатуры и т. д. Эти решения правительства, наряду с другими, пишет автор, вызывали сильное сопротивление населения [Тощенко, 2025, с. 150]. Тем не менее стране удалось решить острые проблемы, отстоять основные объединяющие лозунги революции: «Вся власть Советам!», «Заводы и фабрики – рабочим!», «Земля – крестьянам!» – и победить.

Завершение Гражданской войны было огромной победой новой власти, несмотря на различные формы и факты нарушений общественного договора, о которых говорится в книге.

Автор отмечает работу советской власти по укреплению собственной социальной базы. Эта работа проводилась не только с рабоче-крестьянскими массами, но и с интеллигенцией. В книге подчеркнуто, что интеллигенция того времени была чрезвычайно противоречива и разнородна. Важным было то, что большевики стали работать в первую очередь с массовой интеллигенцией. Был принят ряд документов о развитии грамотности и образования в стране. Грандиозные проекты в образовании – ликвидация неграмотности, открытие школ разных уровней и др. – объединили учительство, которое стало активно работать на утверждение принципов общественного договора.

Подобное произошло и со специалистами, инженерно-технической интеллигенцией. Программа экономического развития преодолевала настроения социально-политического нигилизма к новому строю и вовлекала их в процесс созидания. Ярким проявлением этого явился план ГОЭЛРО, возникший еще в 1920 г. и названный Г. Уэллсом и другими друзьями и врагами тогдашней России «фантазией». Грандиозный проект был, как известно, реализован к 1932 г. и не только сыграл важную роль в решении экономических проблем, стоявших перед страной, но и повысил уровень доверия к новой власти. Этому, как показано в работе, способствовало открытие университетов, научно-исследовательских институтов, лабораторий. Поэтому в наше время мы часто слышим и читаем о юбилейных датах, связанных с именами выдающихся личностей и названиями учреждений, созданных в 20-х гг. прошлого века и ставших основой технологического развития страны и гордостью россиян. Сегодня, к сожалению, можно наблюдать пренебрежительное отношение некоторых «интеллектуалов» к этим событиям и попытки отнесения их к «шарашкам». Власть Советов понимала, что умственный труд и нравственный подвиг всегда останутся лучшими строителями общества и самыми могущественными двигателями человеческого развития, о чем в свое время писал В. О. Ключевский.

Эти шаги большевистского правительства действительно обеспечили поддержку новой власти людьми техносферы – основы экономического прогресса. Тем самым было снято интеллигентское «отщепенство» среди технической интеллигенции.

Трудно складывались отношения власти с гуманитарно-художественной интеллигенцией. Она была многообразной, подверженной разного рода идеологическим и культурным ориентациям в коллективном и индивидуальном планах. Те творческие люди, которые были близки к народной культуре, чаяниям трудового населения, приняли идеи социализма и, тем самым, новый общественный договор. К сожалению, на первом этапе революции велики были трудности быта, что обусловило активную миграцию в уютные, тихие страны, где затем им пришлось пережить те же трудности, связанные с неустроенностью и недостатком средств к существованию. Об этом говорится почти во всех воспоминаниях, предаваться которым они очень любили. В работе показана роль молодой

кинематографии, которая много сделала для развития общественного договора с точки зрения привлечения сознания населения к революционным завоеваниям. Это хорошо показано в книге на примере фильма С. М. Эйзенштейна «Броненосец “Потемкин”» (1925 г.). Автор утверждает, что этот художественно-пафосный, потрясающий сознание фильм стал одним из выдающихся примеров доказательства правоты социального бунта и воодушевлял людей в поддержку идей и дел нового мира, расширяя социальную базу мобилизованного общества. В какой-то мере эта линия была продолжена уже в перестроечное время С. С. Говорухиным в его фильмах.

Как известно, в это время имели место высылки из страны некоторых представителей интеллигенции, не принявших новую власть. Кстати, в работе отмечено, что подобное происходило и в других странах того времени. Так, из США в 1919 г. были высланы в Россию 249 чел., а всего за годы революции – более 500 человек, сторонников социалистических идей [см.: Тощенко, 2025, с. 253-254]. Подобные акции совершались не только молодой советской властью, о чем знают немногие. Последствия Гражданской войны проявлялись и позже. Возникали противоречия, конфликты, разрушавшие общественный договор. В этих условиях появился известный тезис Сталина об усилении классовой борьбы в СССР по мере нарастания успехов социализма, положенный в основу практики репрессий 1937 г. и ставший основой политики страха и недоверия в обществе.

Как известно, недоверие и подозрения порождают наветы, доносы и жестокость, которые разрушают мосты договора. Автор справедливо пишет, что этот тезис во многом разрушил общественный договор в советском обществе, способствовал применению «методов военных действий в условиях мирного времени». Он, как известно, стал трагедией для многих и в целом для всего нашего общества. Необходимо сказать, что в рецензируемой работе, да и в целом в нашей литературе, вопросы оснований репрессий еще до конца не раскрыты. Сталинский лозунг фактически установил диктатуру власти, во многом нарушив структуру общественного договора, которая частично восстановилась в годы тяжелых испытаний – в годы Великой Отечественной войны.

Несмотря на трудности и неудачи начала войны, пишет автор, советские люди «... сплотились, проявили самые устойчивые черты Самости, Самобытности, своей Целостности как народа» [Там же, с. 373]. Победа советского народа в той жестокой войне – это подвиг, какого история еще не знала. Как полагает автор, память о нем должна объединять, развивать общественный договор, поддерживать волю народа и власти.

В работе показана чрезвычайная сложность послевоенного десятилетия. Необходимо было восстановить разрушенное, обеспечить дальнейшее развитие страны. Выполнение этих задач укрепляло общественный договор, несмотря на многочисленные изъяны экономической политики. Например, колхозное крестьянство не могло решить продовольственную проблему, в том числе из-за бюрократизированной системы управления, борьбы с подсобными хозяйствами и т. п. Запреты со стороны государственной и партийной систем на корню убивали многие инициативы.

Поэтому трудно согласиться с утверждением автора, что «в практическом, оперативном плане все усилия государства были направлены на решение текущих проблем восстановления народного хозяйства и плана наиболее приемлемых действий для налаживания нормальной и ритмичной работы существующих и создаваемых продуктов» [Там же, с. 403]. Не все действия властей отвечали потребностям населения

и соответствовали принципам общественного договора. Наличие жесткой централизации и бюрократизации вело к несоблюдению сформулированного основного экономического закона социализма – «обеспечению максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей общества». Кстати, этот закон не соблюдался и в 90-х гг. XX в., когда пришла перестройка. Пожалуй, именно это было основной причиной конфликта между властью и народом.

Человек в первую очередь должен есть и пить, поэтому экономическая политика чрезвычайно важна. Власти же уделяли мало внимания потребностям населения, инициативам коллективного и индивидуального характера. В работе подчеркнута, что, несмотря на это, к 60-м гг. XX в. многое стало меняться. В первую очередь стала заметна творческая активность населения: началось освоение целины, массовое движение молодежи на стройки Сибири, повысилась активность ученых и творческих работников. Были опубликованы многие находившиеся под запретом цензуры произведения литературы, появилось понятие «оттепель», связанное с демократизацией общества, осуждением репрессий, отменой ограничений свободы слова и т. д. Автор утверждает, что ее (оттепель) не нужно связывать со всеми общественными процессами – экономическими, политическими, социальными. Она касалась в основном изменений, которые непосредственно затрагивали «духовную жизнь общества как основу общественного договора, сохраняя обновление и укрепление доверия народа и власти» [Тощенко, 2025, с. 59].

Этот период действительно связан со многими прорывными произведениями и трудами ученых, писателей, деятелей театра и кино. Однако идейная унификация и порождаемые ею упрощение и нетерпимость не могли мириться с разнообразием и плюрализмом творчества. Возникшие конфликты к тому же дополнились неэффективностью преобразований в экономике, завершивших эпоху Н. С. Хрущева.

В работе показано, что смена власти (приход Л. И. Брежнева) мало изменила ситуацию в стране. Требовались новые идеи и проекты перемен в жизни народа. Необходимо было отказываться от экстенсивных методов хозяйствования и переходить к интенсивным. Однако этого не происходило. Деятельность правительства по проведению политики партии стала способствовать разрушению договора между народом и властью. Народ перестал понимать политику власти и отчуждался от нее. Попытки ученых изменить эту ситуацию не имели успеха. Автор вспоминает движение, связанное с объединением интересов работников с интересами производства (государства), – планы социально-экономического развития предприятий, появившиеся в Ленинграде благодаря ученым Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований (НИИКСИ) при ЛГУ. В работе приводятся и другие научные инициативы. Сам автор был инициатором социального планирования на предприятиях Сибири в Красноярске, руководителем многих фундаментальных исследований. К сожалению, эти и другие инициативы борьбы со стагнацией в стране не нашли поддержки государственной и партийной бюрократии, что углубило взаимное отторжение, недоверие и все больше подрывало принципы общественного договора. Все это порождало недовольство, критику, особенно среди представителей производственной и научной интеллигенции, которые, за редким исключением, по свидетельству социологов, были за идеи социализма, но «с человеческим лицом». Однако догматикам от партии и правительства они казались врагами социалистических принципов.

Начавшаяся в 1985 г. перестройка не предложила кардинальных мер по изменению ситуации. Провозглашенные ускорение, дебюрократизация, индивидуальное предпринимательство без соответствующей воли и организации закончились разграблением страны.

В работе дан подробный анализ перестройки, ее объективных и субъективных факторов. По мнению Ж. Т. Тощенко, главной причиной распада социализма и СССР стала потеря идеологического стержня, основы объединения страны, а также развал экономических основ функционирования общественного договора и нравственности. Народ хотел обновленного социализма, но недалекость и безволие реформаторов не позволили случиться этому, как, например, в Китае.

Автор делает вывод, что «перестройка, начатая в ситуации эйфории, закончилась, образно говоря, казнью энтузиазма, который проявили советские люди и которым глашатаи “нового мышления” не только не смогли воспользоваться, но и сделали все для того, чтобы она стала синонимом оскорбленных ожиданий и, как результат, – концом общественного договора» [Тощенко, 2025, с. 576].

Граждане СССР нуждались в свободе действий, в развитии экономики и культуры. Это была трудная задача, но, как утверждает автор, «правлящие круги не определили цели стратегического развития, допускали многочисленные управленческие ошибки» [Там же, с. 583]. Россия превратилась в общество травмы, не имеющее программы развития, с огромным разрывом интересов основных социальных групп и общностей страны. Народ был лишен средств к существованию, но накормлен обещаниями о будущих благах рынка. Под этими обещаниями шло ограбление: скупались за бесценок целые предприятия, учреждения, земли. Появилось понятие «олигарх». Олигархи двинулись во власть. Подсчитано, что в период перестройки страна потеряла свыше 5 млн чел. Революции и перестройки даются нам дорого (как известно, Россия в период революций 1917 г. потеряла около 20 млн чел.). В работе показана негативная роль деятельности Б. Н. Ельцина и его команды. Даже по прошествии почти 40 лет после событий перестройки все еще мелькают во власти многие ее «прорабы». Очень точно в стихотворной форме сказал об этом времени другой наш социолог В. Н. Иванов:

«Воспоминания о них трагичны,
Воспоминания о них токсичны,
Мы до сих пор их чувствуем следы:
Года разора, года позора,
Года растления, года большой беды ...»

В работе утверждается, что полное разграбление страны остановлено в 2000 г. с приходом к власти В. В. Путина, когда «в качестве центральной цели для общественного договора была выдвинута идея стабилизации и экономического роста, что должно было обеспечить режиму легитимность в глазах большей части населения» [Тощенко, 2025, с. 601]. Показано, что, несмотря на экономические, политические, технологические травмы, в стране стали проявляться многие аспекты общественного договора, в первую очередь рост благосостояния населения и внутренняя стабильность. Правда, многие проблемы продолжают вызывать дискуссии. Среди последних автором прежде всего называется проблема государственной идеологии. Это действительно очень сложная тема. Ж. Т. Тощенко считает, что в стране должна быть своя идеология, которую он определяет

так: «... государственная идеология – это формулировка стратегических целей государства, которые разделяют народные массы, это ценностный ориентир, порождающий не только принятие, но и желание его отстаивать» [Тощенко, 2025, с. 617]. Ее отсутствие автор считает угрозой общественному договору. Она представляется ему как дорога с «двусторонним движением, что предполагает существование форм обратной связи между властью и народом ...» [Там же, с. 618].

С автором можно согласиться: действительно, государственная идеология есть основа единства многообразного общества и целевой фактор идентичности. Думается, что мысли автора послужат продолжению размышлений в этом направлении. По нашему мнению, национальная государственная идеология – это достойная жизнь через свободный труд и развитие культуры, которые определяют идентичность и объединяют обе стороны общественного договора.

Третий раздел книги – самый социологический. Он посвящен месту элементов социальной структуры в функционировании общественного договора и особенно любимой автором теме – интеллигенции. Этой проблеме отведены четыре главы монографии. В них представлена роль различных групп интеллигенции в обеспечении общественного договора, начиная с 1917 г. Показана огромная работа советской власти по ликвидации неграмотности, когда была поставлена задача в кратчайший срок добиться всеобщей грамотности путем организации сети школ.

Школьное образование, как известно, включает не только обучение грамотности населения, но и, как писал социолог Н. Н. Андреев, учительствовавший в предреволюционные годы, содействует установлению «живой связи с населением» [Андреев, 2024, с. 419]. В книге показано, что советская школа действительно не только обучала, но и способствовала изменению быта, культуры, проводила в жизнь идеи нового общественного договора. Этому помогала создававшаяся вертикаль образования, составляющего основу духовного развития человека, его профессиональной состоятельности. Однако в постсоветской России образование стало трактоваться всего лишь как «услуга».

Автор, оперируя фактами, говорит о падении качества подготовки в высшей школе и в школьном образовании, о сокращении профессорско-преподавательского состава в вузах, о «борьбе» с кафедрами, о невыполнении своих задач аспирантурой и докторантурой, снижении профессионального уровня педагогов и т. д. При обсуждении этих вопросов возникает одна теоретико-методологическая проблема. Дело в том, что автор использует понятие «интеллигенция» без каких-либо оговорок. Между тем, сторонники ресурсного подхода и «проблемности социальной структуры» при анализе современных обществ отказываются от этого термина, заменив его словосочетанием «специалисты интеллектуального труда». Сторонники данной точки зрения считают, что рыночная модель социальной структуры не нуждается в понятии интеллигенции, т. к. людей интеллектуального труда интересует статусность, которая обеспечивает «наиболее благополучную позицию в системе распределения общественных благ» [Горшков и др., 2023, с. 115]. В результате основным критерием становится уровень зарплаты. Автор, будучи руководителем научной школы «Интеллигенция и общество», никак не комментирует эту ситуацию.

Понятие интеллигенции – фундаментальное понятие отечественной социологии, и, не используя его контекст, трудно понять функциональные роли различных интеллектуальных слоев общества. Заслуживает особого внимания рассмотрение автором роли интеллигенции в период перестройки. В это время произошли значительные изменения в культурной и духовной жизни, шла борьба идей и мировоззрений. Автор утверждает, что в этих условиях власть как одна из сторон общественного договора оказалась неспособной участвовать в этих процессах и привлечь носителей новых идей к реализации их в жизни. Это очень сложная проблема, связанная с отсутствием культуры диалога между сторонами договора, которая в истории России имеет долгую историю. Можно вспомнить времена Ивана Грозного, Петра Великого и др., когда одна из сторон договора всегда господствовала.

Автор задается вопросом: «А что можно назвать достижением российской культуры в так называемый посткоммунистический период?» и отвечает: «Пока видна только игра словами и череда скоростных продуктов культуры, которые исчезают из общественной панели с такой же скоростью, с какой они появляются на свет Божий, свидетельствуя нам о полной культурной импотенции, или о примитивном уровне обыденного сознания ..., регистрирующего в основном поверхностные явления без должного высококачественного осмысления происходящего» [Тощенко, 2025, с. 824].

Значительную роль в структуре общественного договора играет общественное мнение. Оно выступает основой функционирования гражданского общества. К сожалению, в работе мало говорится о последнем, несмотря на то, что в современной литературе проблема общественного договора обсуждается в контексте соотношения государства и гражданского общества, рассматриваемого как «общество, характеризующееся сферой спонтанного самопроявления индивидов и добровольно сформировавшихся ассоциаций и организаций граждан, которая защищена от прямого вмешательства и произвольной регламентации деятельности граждан со стороны органов государственной власти» [Голенкова, 2003, с. 87]. Несмотря на идеологическую составляющую в своем содержании, концепт гражданского общества является важным фактором теоретико-эмпирического анализа противоречий современного общества, его социального здоровья, особенно с точки зрения реализации общественно-психологических, латентных составляющих общественного договора, т. е. смысло-жизненных проблем. Понятие «народ», которым пользуется автор, также нуждается, на наш взгляд, в конкретизации и операционализации, чтобы понять динамику общественного настроения с учетом основных интересов потребителей, групп, общественных отношений, являющихся предметом исследования социологов. Это подтверждается утверждением автора о том, что общественный договор возник тогда, когда «... реальностью стало превращение массы людей в активную социальную силу, принимающую участие в решении судеб государства» [Тощенко, 2025, с. 837].

Говоря о замечаниях, необходимо отметить некое «спокойное» обсуждение массовых репрессий 30–50-х гг., о чем говорилось выше. Они стали порождением всеобщего страха власти потерять эту власть, что породило массовый психоз недоверия и проявления самих низменных человеческих качеств. Кстати, эта массовая жестокость, нарушение всех договорных отношений в обществе до конца не понятны. Ведь в этот период (1930–1953 гг.) были репрессированы, по некоторым данным, почти 4 млн чел. Абсолютно необъяснимые жестокости мало объясняются в концепции общественного договора, предложенной автором. Полагаем, эта тема не должна быть оставлена вне внимания ученых. Это была

огромная и жестокая травма для страны, для ее населения. С другой стороны, как писал М. М. Пришвин, «нельзя судить историю, и нельзя даже понять ее, имея перед собой только жертвы» [Пришвин, 1997, с. 111]. Понятно, что до сих пор это предмет для обсуждения.

В целом, Жан Терентьевич подготовил весьма важную книгу, в которой возрождается концепция общественного договора, предложенная просветителями XVIII в., как уникального социального явления, которое в современных условиях «гарантирует существование государства, обеспечивает возможность эффективного решения экономических, политических, социальных и духовно-нравственных проблем» [Тощенко, 2025, с. 837]. Автор утверждает в Заключении, что она (концепция) «является важнейшим теоретическим, политическим и социальным конструктором для анализа, объяснения и реализации эволюционного или революционного развития государства и общества» [Там же, с. 843]. Так ли? Соглашаясь с автором, считаем, что многие поставленные проблемы требуют обсуждения, особенно в отсутствие подобных значимых концептов-теорий и при наличии множества социальных противоречий и конфликтов.

Весьма важной стороной труда Ж. Т. Тощенко является и то, что в нем фактически представлена история страны с 1917 г. в динамике взаимодействия государства и народа. Это размышления автора об истории страны с фактами исторического и социологического характера. В этом процессе чрезвычайно важно взаимопонимание власти и народа, диалог между ними. В целом, работа Ж. Т. Тощенко представляет собой образец историко-социологической публикации, который требует продолжения. В ней заложена логика поиска эволюционного развития нашего общества, что чрезвычайно актуально сегодня.

Список литературы / References

Андреев, Н. Н. (2024). *Собрание сочинений в трех томах. Т. III. Лекции. Статьи. Дневники*. СПб.: Изд-во СПбГУ.

Andreev, N. N. (2024). *Collected Works in Three Volumes. Vol. III. Lectures. Articles. Diaries*. St. Petersburg. (In Russ.)

Голенкова, З. Т. (2003). Общество гражданское. *Социологическая энциклопедия: в 2-х т.* Гл. ред. В. Н. Иванов. М.: Мысль.

Golenkova, Z. T. (2003). Civil Society. In Ivanov, V. N. (ed.). *Sociological Encyclopedia*. In 2 vols. Moscow. (In Russ.)

Горшков, М. К. (2016). *Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики)*. В 2-х т. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Новый хронограф.

Gorshkov, M. K. (2016). *Russian Society as it is (Experience in Sociological Diagnostics)*. In 2 vols. Moscow. (In Russ.)

Горшков, М. К., Шереги, Ф. Э., Тюрина, И. О. (2023). *Воспроизводство специалистов интеллектуального труда: социологический анализ*. М.: ФНИСЦ РАН.

Gorshkov, M. K., Sheregi, F. E., Tyurina, I. O. (2023). *Reproduction of Intellectual Labor Specialists: A Sociological Analysis*. Moscow. (In Russ.)

Осипов, Г. В. (2007). *Летопись реформирования России. (Новая русская смута на рубеже веков и тысячелетий в зеркале отечественной социологии. Год 1989)*. М.: Изд. дом «Вече».

Osipov, G. V (2007). *A Chronicle of Russia's Reformation. (The New Russian Time of Troubles at the Turn of the Century and Millennium in the Mirror of Domestic Sociology. Year 1989)*. Moscow. (In Russ.)

Пришвин, М. М. (1997). Дневники 1938 года. *Октябрь*. № 1.

Prishvin, M. M. (1997). *Diaries 1938. October*. No. 1. (In Russ.)

Тощенко, Ж. Т. (2025). *Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации*. М.: ФНИСЦ РАН.

Toshchenko, J. T. (2025). *The Fate of the Social Contract in Russia: The Evolution of Ideas and Lessons of Implementation*. Moscow. (In Russ.)

Сведения об авторах / Information about the authors

Бороноев Асалхан Ользонович – доктор философских наук, профессор факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, 9 подъезд, e-mail: a.boronoev@spbu.ru.

Скворцов Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, 9 подъезд, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7194-1444>.

Статья поступила в редакцию: 15.04.2026

После доработки: 01.06.2026

Принята к публикации: 08.06.2026

Boronoev Asalkhan – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Faculty of Sociology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Smolnogo Str. 1/3, pod. 9, e-mail: a.boronoev@spbu.ru.

Skvortsov Nikolay – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, St. Petersburg State University, Smolnogo Str. 1/3, pod. 9, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7194-1444>.

The paper was submitted: 15.04.2026

Received after reworking: 01.06.2026

Accepted for publication: 08.06.2026